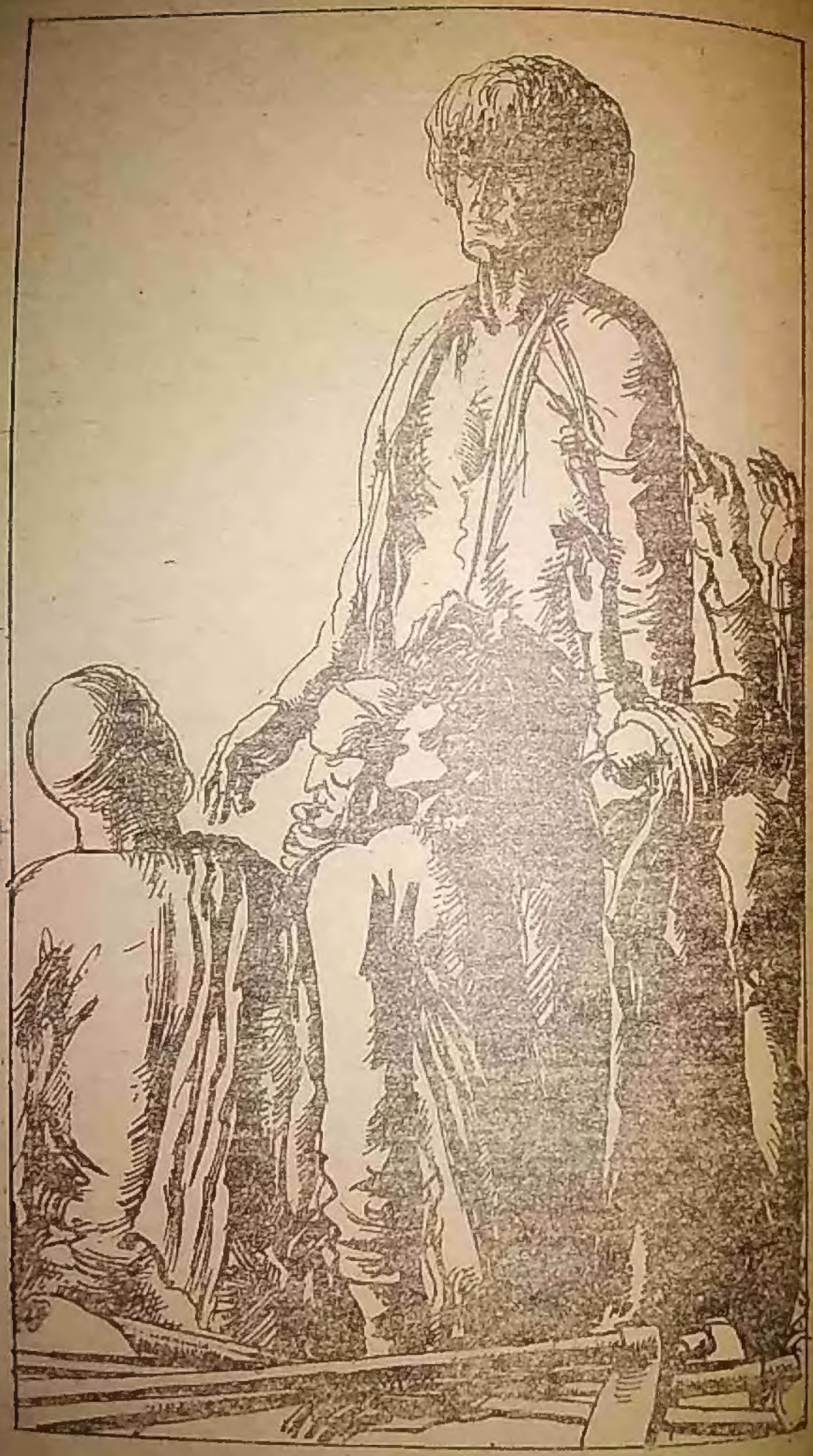
Юрий Леонтичев

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ЖИЗНЬ

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190



Изда

Ю. Леонтичев

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ЖИЗНЬ

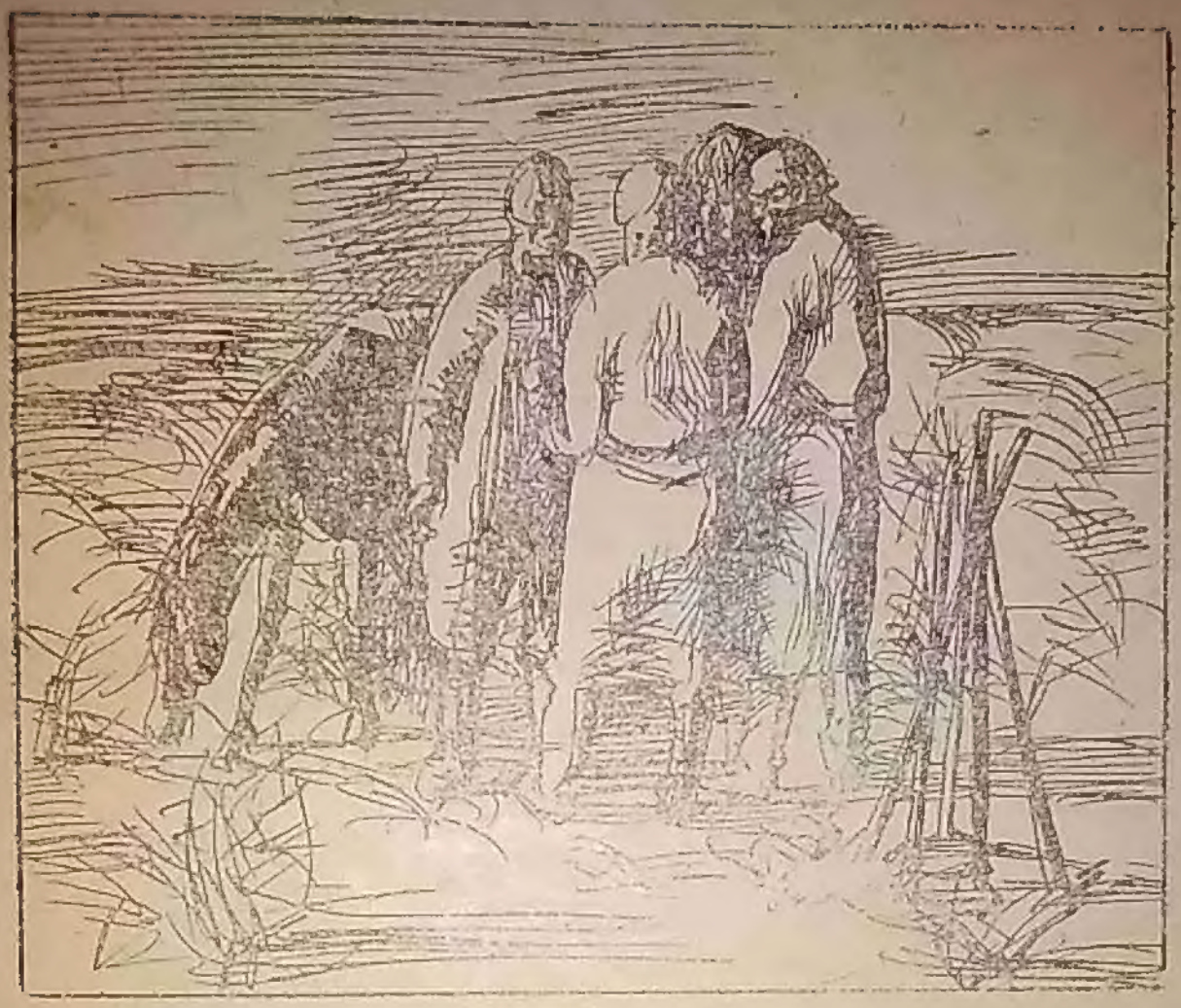
Повести

Ташкент
Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма
1984

Р2
Л 47

Л $\frac{4702010200-149}{М352(04)-84}$ 60—84

© Издательство литературы и искусства им. Гафура Гулама, 1984 г.



ТАК НАЧИНАЛАСЬ ЖИЗНЬ

I

Снег лежит ровный, нетронутый. Ветер, налетая порывами, поднимает и гонит перед собой поземку. На минуту белый, равнодушный ко всему месяц выглянул из-за тучи и снова укрылся ею, как одеялом. Исчезли на снегу легкие тени, отбрасываемые домами. Глинобитные, серые, они сейчас нахохлились, словно бы сжались от холода.

По узкой, неровной улице городка, часто оглядываясь, идет человек. Одет он в халат, туго перетянутый в поясе, на голове большая шапка-ушанка, оторочённая мехом. Грудь голая. И когда ветер бросает в него снегом, он поеживается, глубже вбирает голову в плечи. Снежинки, попав под халат, быстро тают, и ледяные капли, стекая по груди, пробираются к самому поясу.

Батыр подходит к дому, который кажется ему выше и бо-

лише других. Глубокие трещины в глинобитной стене лома глотно забиты снегом. Лежит он пухлым слоем и на полоконнике, отчего небольшое окно, прорубленное на уровне головы, выглядит совсем крошечным.

Батыр приподнимается на носках, старается заглянуть внутрь дома. Затем осторожно скребет ногтем стекло и отходит. Переминается невдалеке с ноги на ногу. Вот он повернулся к дому спиной. Теперь уже снег не летит в лицо и не попадает за ворот халата. И все-таки он беспрестанно оглядывается, внимательно всматриваясь в замкнутое пространство улиц, прислушивается. Никого не видно вокруг. Батыр снова возвращается к окну, протягивает к нему руку и сразу же ее отдергивает. Медленно, сутулясь, идет затем вдоль стены. На секунду останавливается у дверного проема. И дверь неожиданно открывается перед ним.

— Любимый, ты? — слышится тревожный шепот.

— Алима? Родная!..

Из полутьмы на улицу выступила хрупкая фигура девушки. Она сделала шаг и пошатнулась. Но сильные руки успели ее поддержать.

— Быстрее, идем быстрее! — произносит Батыр, и горячее дыхание его обжигает Алиме щеку.

Слабость, на мгновение охватившая девушку, проходит. Она чувствует сейчас прилив сил. Нет, ей нисколько не страшно! Она улыбается, встретившись с Батыром глазами, и тут же быстро опускает их.

Прижавшись друг к другу, они идут по улице от дома. Ветер навстречу. Батыр шагает твердо, уверенно. Он сейчас не ощущает холода, не видит и летящего снега. Скитания для него кончились. Скоро у него будет дом, свое хозяйство и счастье.

Они идут, им хорошо. Вскоре стихает ветер, становится теплее. Большими хлопьями падает снег.

Алиме не жалко было родных, от которых она уходила. Отец ее, Балтабай-ага, был жаден, семью держал в страхе и голоде. На базаре у него была лавчонка с гончарными изделиями. Мечтал разбогатеть, но так и не смог. В революцию, когда у богатеев городка отбирали нечестно нажитое имущество, радовался. Хотя и не так, как другие, не от того, что пришел конец эксплуатации. Он просто злорадствовал.

Последний год жизни в доме отца был для Алимы особенно тяжелым. По соседству поселился молодой мужчина по имени Даулбай. Одевался он по-европейски, высокий и стройный, небольшие щегольские усы ровно подбриты. Он был красив, но лицо портил шрам, рассекавший левую щеку.

бетал Даулбай на почте. Всем рассказывал о своем ранении в бою с басмачами, припоминая при этом массу подробностей, а после показывая потрепанную красноармейскую книжку.

Даулбай часто заходил в гости к отцу.

— Как поживаете? Все ли здоровы? Да не иссякнет милость аллаха к дому сему, — приветствуя старика, мягко произносил он, а глаза в это время отыскивали Алиму.

Отцу он нравился. И в то же время он его побаивался. Ну, какой торгаш мог тогда доверчиво относиться к новым чиновникам, которые не дрались, не брали взяток? Последнее казалось странным, даже диким. Через месяц старик, однако, проникся таким доверием к постоянному гостю, что решался при нем, правда не сильно, поругивать власть.

Алиму отец заставлял прислуживать гостю. Даулбай, разглядывая ее, всякий раз покачивал головой. В такие минуты она начинала чувствовать себя мышью, которую выследил безжалостный кот. Ей становилось страшно...

Воспоминания девушки прервал озабоченный голос Батыра:

— Тебе не холодно? Ты не устала?

А снег все падал и падал. Он теперь покрыл дорогу толстым слоем, пушистым и мягким. Алима несколько раз зачерпнула его галошей. Носки она забыла дома, и ноги начали мерзнуть. Но девушка не жаловалась, лишь сильнее опиралась на согнутую в локте руку Батыра. Она поинтересовалась:

— А нас там примут?

— Не беспокойся, Шамурат мой друг. Для нас он сделает все, что сможет.

И Батыр вспомнил, как они вместе гоняли каюки по капризной Амударье, а потом работали землекопами. Вспомнил, как звал его с собой Шамурат:

— Землю нам дадут. Помощь семенами государство окажет.

Батыр не пошел: отвык от дехканской жизни. В семь лет остался сиротой. Воспитывать его взялись соседи. Но их жалости к мальчику хватило не надолго. Отвели они его затем в город и сдали чайханщику — желтолицему кривоногому человеку.

Сперва Батыр работал за харчи. Прислуживал посетителям, колол дрова, подметал пол и вытряхивал тяжелые кошмы.

Люди, сдавшие Батыра на работу, заглянули к чайханщику через год. Батыр, узнав их, обрадовался, подбежал, ожи-

дая расспросов. А они не стали с ним разговаривать, направились прямо в заднюю комнатку к хозяину.

Когда они ушли, чайханщик подозвал Батыра и жестоко его избил, приговаривая:

— Меня надули!.. Какие бесчестные люди?! Мне пришлось заплатить твоим бывшим хозяевам.

Так продолжалось несколько лет. Из аула приходили за деньгами, чайханщик ругался, грозился прогнать мальчика, но уступал. Люди уходили, завернув в тряпочку бумажные рубли. Хозяин же в такие дни бил Батыра.

— Долго еще нам идти? — тихо спросила Алима.

— Устала?

Батыр оглядел степь. Кругом была темная и холодная равнина. Но вот в чьем-то доме, у самой дороги, мигнул огонек. Когда подошли ближе, проступил силуэт постройки с большой шапкой на крыше. То лежала трава, заготовленная скоту на зиму.

— Зайдем, обогреемся? — предложила Алима.

У нее очень мерзли ноги и во всем теле ощущалась такая усталость, что хоть садись в снег и плачь.

— Нельзя нам туда заходить! — воскликнул Батыр. — Твой отец станет всех расспрашивать... Он побывает и в этом доме.

Алима, вздрогнув, прижала руки к груди.

Она сумела представить себе, что произойдет, если отец ее разыщет. Страх придал силы, девушка пошла быстрее.

Бесконечной казалась дорога. Она то поднималась, вползая по деревянным мосткам на высокие берега каналов, то вновь опускалась в ложбины, к возделываемым полям.

Алима оступилась раз, другой. Вот она присела на корточки в снег. Ноги были словно из дерева — тяжелые, непослушные. Батыр опустился рядом. Замер, обняв ее за плечи. Мороз пробирался под халат, и Батыр, встряхнув Алиму, сказал:

— Вставай! До света нам надо обязательно быть на месте.

Алима не шевельнулась, она продолжала сидеть, уткнув лицо в колени. Теплое дыхание согревало ей нос, щеки.

Тогда Батыр поднял ее на руки. Ноша для него не была тяжелой, и он зашагал с ней по дороге.

2

Семья Балтабая-ага укладывалась на ночь на полу большой комнаты. Укрывались все одним одеялом. В этот раз

Балтабай-ага беспокойно ворочался, что-то бормотал во сне. Потом, натянув повыше одеяло, накрылся им с головой, но холод все равно заставлял биться в неприятном ознобе. Балтабай-ага проснулся. Долго лежал с открытыми глазами, напряженно рассматривая невидимый в ночи потолок.

— Инжи! — позвал он жену.

Она не ответила. Балтабай-ага, высвободив из-под одеяла руку и нащупав спящую рядом жену, толкнул ее.

— Инжи, проснись! — повторил он. — У нас холодно так, будто двери распахнуты. Проверь.

Инжи поднялась и направилась к выходу. Убедилась, что дверь, ведущая в прихожую, была закрыта. Но в широкую щель из-под нее поддувал морозный ветер. Инжи, поеживаясь, ступила дальше, в прихожую, и увидела вместо наружной двери большое светлое пятно — то был снег, который пробился в помещение с улицы. Инжи с трудом притворила распахнутую дверь, накинула на пробой цепь и начала шарить рукой в снегу. Искала обтесанную палочку, чтобы вновь приладить ее в пробое.

— На дворе снег, — сказала Инжи мужу, вернувшись. — И дверь у нас не закрыта.

Думать о том, почему так случилось, Инжи не стала. Это уж дело мужа. Ее ведь послали узнать. Она и узнала.

Заснуть Балтабай-ага больше не смог — ворочался, кряхтел. Холод, стоявший в комнате, заставил его снова вспомнить о двери. «Если она осталась открытой, то значит кто-то ушел и не вернулся, — принялся рассуждать старик. — Тогда кто? Жена? Она не выходила. Дочь!..»

— Инжи, а Инжи?! Посмотри, на месте ли Алима?!

Не желая быть дольше в неведении, Балтабай-ага поднялся и сам начал высекать огонь.

— Нашла? Ну, нашла?! Отвечай! — крикнул он жене, больно ударяя в спешке себя по пальцам металлической пластинкой.

Трут, наконец, загорелся. Но Балтабай-ага к тому времени все уже понял. Отбросил едко дымящую веревку подальше на пол, схватился за голову.

— Вай, какое горе! О-о-о, всемогущий аллах!

Инжи подобрала трут и, неторопливо раздув его, зажгла коптилку. Ее лицо было бесстрастно.

— Моя последняя надежда! — стонал старик. — Калым, я хотел за нее взять хороший калым...

Балтабай-ага быстро вскочил на ноги, глаза его зажглись гневом, зло тряслась седая бородка. Он выбежал из комнаты, а вернулся с поднятым над головой топором. Увидев, что

жена испуганно от него попятилась, затопал ногами и визгливо крикнул:

— Халат мне! Сапоги!

Решение пришло мигом. Надо сейчас же разбудить соседа и рассказать о случившемся. Пусть Даулбай сам организует погоню. Он ведь имел на Алиму виды.

Даулбай открыл дверь не мешкая, словно знал, что к нему могут прийти так поздно. Не удивившись, ни о чем не спрашивая, он впустил в дом старика.

— Дорогой мой сосед, — начал говорить Балтабай-ага. — Я всегда был к тебе расположен... Я всегда считал тебя самым честным, самым мужественным джигитом. Я даже мечтал втайне о том, чтобы ты стал нашим родственником.

Тут Балтабай-ага упал на колени, отбросил в сторону мешавший ему топор и протянул руки к Даулбаю.

— Помогите слабому, храбрый джигит, и аллах вознаградит вас!..

— Что случилось, почтенный сосед? — подходя к старику, без тени волнения в голосе спросил Даулбай.

Балтабай-ага тотчас обхватил Даулбая за пояс, прижался лицом к его бедру и громко, навзрыд заплакал. Даулбай ему не мешал.

— Дочь!.. Алиму мою выкрали, — наконец сообщил Балтабай-ага.

— Алиму?! — в голосе Даулбая прозвучало неподдельное изумление. — Всем им попасть в ад!

Даулбай был возмущен случившимся не меньше старика. Он уже свыкся с мыслью, что для Алимы судьба определила одну дорогу — от дома Балтабая к его дому. Кто же мог ее похитить? Не тот ли парень, который что-то появлялся здесь после того, как старик уходил на базар, в свою лавчонку? Батыром его, кажется, звали.

— Клянусь, что это Батыр! — произнес Даулбай.

Балтабай-ага, увидев, что сосед не остался безучастным, возликовал. Он не сомневался в том, что похитителю теперь не уйти от возмездия. Только одно казалось непонятным: почему сосед медлит, когда надо сразу же броситься в погоню, чтобы побыстрее расправиться с соперником.

Даулбаю, однако, пришлось собрать всю силу воли, чтобы суметь подавить вспыхнувшую было жажду мести. «Нет, нельзя вмешиваться в эту историю, — убеждал он себя. — Нет, за девчонки подвергать себя риску?.. Придется смириться с мыслью, что она будет принадлежать другому».

Балтабай-ага, теряя терпение, крикнул:

— Догони же, убей обидчика! И дочь тоже убей, а я народ подниму.

— Не надо, — спокойно сказал Даулбай, — я сам, — ему не хотелось, чтобы сосед презирал его за нерешительность.

Старик оседлал для Даулбая лошадь. А когда сосед выезжал со двора, успел все же шепнуть ему:

— Дочь, Алиму, лучше себе возьми! Даулбай, себе возьми!

Балтабай-ага вернулся в [illegible]. Несколько раз до утра он выходил на улицу, прислушивался.

А как он был бы [illegible] Даулбай, постучавшись в одну из [illegible], сел у огня, и, попивая чай, [illegible] сказать, что погоня не привела к успеху.

3

Над горизонтом вставало желтое солнце, и ослепительно, до рези в глазах, блестел снег.

Батыр, поднявшись на [illegible], увидел впереди несколько [illegible] в небо уходила белесая струйка дыма.

— Мы пришли,— облегченно переведя дыхание, проговорил он и осторожно поставил на снег [illegible]. Затекли ноги. И чтобы не упасть, оперся руками о свои колени.

— Во-он тот — дом Шамурата — Батыр показал на одну из построек. — Скоро мы такой же построим.

Голос его звучал глуше, чем обычно. Ведь Батыр волновался, так как не знал, что его ждет впереди. Будет ли у него здесь кусок хлеба? «Найдется, — всегда думал с некоторой беспечностью Батыр. — Я молодой, сильный». И только теперь, когда он был у самой цели, в душе шевельнулось сомнение.

С этими мыслями Батыр и подошел к дому друга. Постоял у старенькой двери, прослужившей не один десяток лет и, видимо, не одному хозяину. Решившись, толкнул ее.

За ним в комнату ворвались клубы пара, скрыв все. В нос ударил запах свеженапеченного хлеба. Пока Батыр приглядывался к помещению, с кошмы навстречу ему поднялся человек. Это был Шамурат.

При встречах друзья обычно пробовали свои силы. Неуловимыми движениями рук Шамурат схватил Батыра за пояс, попытался свалить. Тут он увидел за спиной друга девушку.

Алима стояла, опустив глаза. Шамурат сразу отступил от

Батыра, предложил ей пройти в глубь комнаты, сесть. Некоторое время затем друзья разглядывали друг друга. Оба молодые, крепкие. У Батыра высокий, выпуклый лоб, нос с горбинкой, подбородок несколько выдается вперед. Черты его лица не только подчеркивали физическую силу, но говорили и о характере — настойчивом, волевом. Шамурат был мягче, добрее. Черные небольшие глаза светились умом и весельем.

— Наконец, ты вспомнил обо мне и навестил, — сказал Шамурат.

Батыр, усмехнувшись, ответил:

— Навсегда я к тебе приехал. Не суди строго. Больше мне было не к кому. А город пришлось покинуть. У меня нет таких денег, чтобы заплатить старику за невесту.

Скрипнула дверь, холодом потянуло по полу. Батыр увидел того, кто вошел. Он был [illegible], на голове старый буденовский шлем с нашитой красной звездой, выгоревшей до белизны. В поясе человека перетягивал широкий солдатский ремень.

Шамурат, здороваясь, назвал его имя — Талас-ага. И еще Батыр успел заметить, что его друг не особенно рад появлению гостя.

Садился Талас на кошму подчеркнуто неторопливо, важно, кряхтя.

— Издалека вы приехали? — улыбнувшись, спросил он Батыра. — Наверно, из города? Угадал? — Рот его растянулся в улыбке, обнажив крупные зубы, но глаза оставались холодными, изучающими.

— Он друг мне, — поспешил за Батыра ответить Шамурат. — Вместе когда-то работали. Сманил к себе. Будет жить в нашем ауле.

В это время жена Шамурата подала пиалы и чайник, и хозяин дома отвлекся.

— Как вам здесь? Не голодно? — осторожно спросил Батыр.

— Живем... — ответил неопределенно Шамурат.

Он с шумом отхлебнул из пиалы глоток чая, подумал, торопливо продолжил:

— Одно плохо: живем и боимся, как бы засухи не было. Тогда смерть. Сеем мы мало, больше для себя. Потому и денег у нас нет. Обносились.

Батыр нахмурился, признание Шамурата было горьким, хоть он и не готовился ни к чему особенно хорошему.

— Да не печалься, не пропадем, — успокаивающе произнес Шамурат, заметив, что друг расстроен.

— Я могу оказать помощь молодому переселенцу... — мягко, даже как-то ласково произнес Талас.

— Государство нам помогает, — строго ответил ему Шамурат, посмотрев на Таласа неприязненно, почти враждебно. — Если бы нам не давали каждый год ссуды, то неизвестно, у кого из дехкан осталось бы хозяйство. Все бы [illegible] на баев работали. Только беда наша в том, что от [illegible] не встать крепко на ноги. Тут нужно, чтобы своим, обязательно своим трудом, — Шамурат показал гостям руки, огрубевшие, в желтых окостеневших мозолях, — добиться такой жизни, какой предназначено человеку жить на земле.

— И я так думаю, — оживившись, подтвердил Талас.

— Нет, не можем мы с тобой одинаково думать. Ты — человек богатый.

Таласа в ауле знали хорошо. Он был здесь одним из старожилов. Когда-то, как и другие дехкане, в поте лица обрабатывал свой участок земли. Каждый прутик, каждое зернышко было у него на учете. Хозяйственность Таласа не удивляла дехкан. Наоборот, они ее [illegible]. Неужели кому не хочется жить в достатке?

Удивились односельчане лишь тогда, когда Талас вдруг исчез из аула. Годы революции для многих были годами растерянности. Вспоминая [illegible] Таласе, дехкане стали поговаривать и о его странностях, на которые раньше почти не обращали внимание. Выходило, что Таласом всегда руководила жадность.

Через пять лет Талас вернулся. Свою речь пересыпал русскими словами, держался со всеми общительно. Но оживленность его порой сменялась хмурой молчаливостью. Он становился тогда замкнутым, настораживался, подозрительно приглядывался к людям, словно опасался их.

Дехкане так и не узнали, что делал и где был все эти годы Талас.

4

В феврале день прибывает быстро, и в доме Шамурата уже обходились без коптилки, экономили керосин. Но погода еще стояла неустойчивая. То покажется солнце и сразу станет тепло, то вдруг набегут тучи и заморосит дождь, или северный ветер начнет бросать на землю мелкие колючие льдинки.

Земля почернела от избытка влаги, а воду все продолжала впитывать. Ходить по полям стало тяжело, потому что са-

ноги глубоко уходили в почву, грязи на них налипало по пуду.

Но Батыр каждое утро шел в степь, вскинув на плечо кетмень. Метрах в двухстах от аула он облюбовал себе заброшенный участок. Что землю эту некогда обрабатывали, можно было определить по едва сохранившимся оросительным канавкам. Позднее здесь буйно разросся колючий кустарник, кое-где поднимались над ним коричневые прутья джингиля.

Батыр раскорчевывал поле. Высоко [illegible] над головой и быстро опускался кетмень, поблескивая [illegible] землю железом. Надо торопиться, [illegible] впереди уйма. И главное, что он должен успеть, — [illegible] с другими дехканами аула заняться углублением [illegible] канала, который проходил мимо селения. Иначе не будет у него права пользоваться летом водой для посевов.

Подготовить землю на своем [illegible] Батыр успел. Но после этого работы было столько, что [illegible] казался дел[illegible]

Очистку канала дехкане аула производили на всем расстоянии до соседнего аула. Норму [illegible] хмурый старик, постоянным правом которого было [illegible] устанавливать очередность при увлажнении полей [illegible] высокий, он широко вышагивал по дну канала. Через [illegible] десять-пятнадцать шагов, в зависимости от того, ко[illegible] [illegible]дился участок, здоровому или человеку немощному, [illegible] останавливался, проводил каблуком черту. Подозвав к себе дехканина, старик, не говоря больше ни слова, [illegible] дальше.

Задание свое Батыр выполнил раньше других. А в аул не ушел, решил помочь отстающим.

— Э-эй, сосед! — сказал он [illegible], который работал рядом. — Солнце вниз уже катится, а [illegible] у тебя много не перекидано. Разреши, помогу?..

В другой раз рядом с Батыром оказался Джума. Маленький и суетливый, с плутовато бегающими [illegible], он [illegible] жаловался Батыру, что слаб, что [illegible] земледелие ему не под силу. Батыру пришлось поработать и за него. На следующий день Джума уже сам [illegible] разыскал Батыра.

— Совсем плох я сегодня, — сообщил он. — Живот что [illegible] режет. От того, наверно, что вчера надорвался.

В лицо Джума не смотрел.

А Батыру в этот раз достался участок трудный, с сырой глиной. Справившись с ним, он почувствовал, что очень устал. Но тут снова подбежал Джума. Пришлось пойти с ним: не в характере Батыра было отказывать слабым.

Чтобы облегчить себе работу, Джума очищал канал за[illegible]

женной полосой. Лопату вгонял в землю несколькими несильными ударами ноги. И вынутую со дна землю на насыпь забрасывал с трудом, комья снова скатывались ему под ноги.

Батыр, с усмешкой посмотрев на работу Джумы, выпрямил ныющую спину, вздохнул. Очень не хотелось помогать нерадивому.

Тут к нему и подошел Шамурат, положил на плечо руку, спросил:

— Решил помочь?

— Надо. Смотри, дехканин, а лопату в руках держать не умеет.

— Джума первый лодырь в нашем ауле. Такому поможешь—он вовсе перестанет трудиться. Лучше иди домой, ведь устал?..

5

Готовя вечерами себе и мужу постель, Алима каждый раз стыдливо посматривала в ту сторону комнаты, где укладывался на ночь с женой Шамурат.

— Когда же мы начнем строить свой дом? — тихо спрашивала она мужа.

Батыр понимал, что стесняет Шамурата. Да и сам был не меньше стеснен. Но у него пока ничего не было, кроме лопаты и облюбованного в горах места. А для дома требовалось много леса. Все же Батыр неизменно отвечал Алиме:

— Скоро, родная. Потерпи самую малость.

После долго молчал, хмурился в темноте, на широкий лоб набегали морщины. Но придумать так ничего и не мог. Вокруг постройки Шамурата, правда, рос добрый десяток молодых тополей, и они могли бы пойти на перекрытие. А вот спросить их у друга было стыдно. «Хватит с меня и того, — думал он, — что Шамурат дал приют на зиму, кормит...»

Наконец, Батыр решился: нужно было возвести хотя бы стены. Больших затрат на это не требовалось: глины вокруг много. А дальше будет видно. Вдруг появится какая-нибудь возможность. Нельзя ведь человеку жить без надежды на лучшее.

...Зиму как-то сразу, без весны, сменило лето. После затянувшегося ненастья небо очистилось, наступила жара. Если еще недавно дехкане сутулились от холода, то теперь они с удовольствием вытирали лоснившиеся от пота шеи.

В один из таких дней, забирая с собой лопату, Батыр сказал жене:

— Ну, сегодня, пожалуй, и начнем. Мы люди, значит, должны своей семьей, в своем доме.

В темных глазах Алимы вспыхнула радость. Она враз осветилась со. Батыр понимал, что тоскливо женщине в доме, где все чужое, где хозяйкой другая.

Он замесил глину, съездил на осле на соседнее озеро за камышом, который был необходим для укладки его на глиняный фундамент. Потом подошел Шамурат, и работа двинулась.

На обед Алима приготовила им тастархан, на котором были джида, лепешки. Воду вскипятили тут же, на костре.

— Три дня потребуется, чтобы подсох первый ряд. Второй поднимем за два дня. Еще неделя уйдет на то, чтобы он высох...

Это Батыр высчитывал время, необходимое на возведение стен.

Пообедав, мужчины снова принялись за работу.

Алима осталась, ей не хотелось уходить. Немного она заметила дехканина, который тоже наблюдал за работой.

— Ырза-плешивый пришел — сказал Шамурат Батыру.

Он приветливо помахал дехканину, приглашая подойти ближе. Но Ырза не подошел, он только присел, поджав под себя ноги, на том месте, где стоял.

С тех пор Ырза появлялся у строящегося дома ежедневно. И всегда после того, как приходила Алима, у мужчин кончался обеденный перерыв. Он ни с кем не разговаривал, сидел словно каменный идол. Думал он о том, что для счастья человеку нужно совсем немного: чтобы была семья и домашний очаг. Восторженными глазами Ырза всматривался на Алиму. Не красота привлекала его в этой женщине — смелость. Ведь решилась она бежать из дома с возлюбленным. Рукавом рубахи смахивал Ырза со щек слезы. Не было у него денег на выкуп невесты. Не имеет он сейчас даже права мечтать о том дне, когда можно будет обзавестись семьей.

Ырза заинтересовал Батыра, он попросил Шамурата рассказать о нем подробнее.

— Бедняк. Тоже нет своего угла. Живет у тех, кто его приютит. Работать не ленится. Исполнительный, тихий. Некоторые даже считают его дурачком...

Когда стены дома были почти возведены, а Батыр все больше задумывался над тем, где достать лес, появился Ырза. Прошелся, раскачиваясь, вокруг постройки. Приблизившись

к Батыру, измазанному глиной, несколько раз прищелкнул языком, выражая свое одобрение.

— Хорош! Ханский дворец, а не дом дехканина, — сказал он.

— Чем только накрывать думаешь?

— Ничем.

— Тогда не будет и дома. Не решишься же ты вселиться в него, имея над головой открытое небо.

— Не дурак.

— А может, попробуешь? — Талас, прищурившись, посмотрел на Батыра. — Для свершения намаза жилище без крыши даже удобнее. Будет надежда, что молитва быстрее достигнет ушей аллаха.

Батыр не ответил Таласу, он повернулся к нему спиной и еще яростнее заработал, чтобы не виден был охвативший его гнев. Захлюпала глина, босые ноги стали погружаться в нее чуть ли не до колен.

— Значит, не веришь в доброту всевышнего? И правильно: до него далеко. Это я — близко, односельчанин твой. И рад оказать помощь.

Батыр не знал, как сделать: принять предложение или отказаться? Он посмотрел на Шамурата, но Талас тотчас перехватил его взгляд и торопливо проговорил:

— Хорошо. Завтра я привезу тебе лес. Насчет платы не беспокойся. Сочтемся.

— Он подумает, — ответил за Батыра Шамурат.

— Пусть, — согласился Талас. — Завтра зайдешь ко мне, Батыр. Если надумаешь...

Талас вскоре ушел, но так, чтобы односельчане почувствовали, как он обижен их нерешительностью.

— Ничего не бери у Таласа. Ты понял, Батыр?! Нечестный он человек. Свои доли у него никогда не отработаешь. Скоро наступит осень, уборка урожая. Работники ему нужны, вот и крутится там, где у людей нужда.

— У меня нет другого выхода. Талас это тоже понимает.

— Не хочу я, Батыр, чтобы ты пошел в кабалу, не успев встать на ноги. Шесть лет назад вместе я вокруг дома тополя, их давно пора бы употребить в дело. Завтра и срубим. Стволы подсохнут и будут годны на перекрытие.

Не ожидал Батыр от друга такой щедрости. Потому что знал, как высоко ценится древесина. В глазах блеснули слезы, но он прикрыл их, чтобы Шамурат не углядел его слабости. Справившись с волнением, Батыр сказал:

— Нет границ моей благодарности, Шамурат. До смерти буду помнить твою доброту.

Тоскливо жилось на свете Ырзе-плешивому. Тридцать лет было ему, и чувство одиночества все обострялось и обострялось. Не простое — любопытство влекло его к дому Батыра. Видел, понимал он, что здесь создавалась семья. Н[illegible]. Самым счастливым человеком в ауле считал он Батыра.

Имел, однако, невесту и Ырза. Была она [illegible] с двумя детьми.

Много, несчетное количество раз, [illegible] измерил Ырза дорожку к дому худого Ерикея. [illegible] отдает хитрец дочь, калым мечтает с Ырзы получить. А [illegible]? Скота у Ырзы нет, и денег никогда не было.

При встречах Ырза задавал [illegible] надоевшие обоим вопросы:

— Фатпа, когда же ты решишься уйти от отца?

— Давно думаю.

— Зачем много думать? Надо уходить.

— А где жить станем?

— Дом построю. Батыр же строит...

Фатпа соглашалась, но вскоре уже [illegible] прикрывая рот выцветшим желтым платком.

Ырза тяжело вздыхал: ему [illegible]. Хоть и была она курноса, глаз немного косил, а [illegible], сказать нечего. Сквозь платье, во многих местах [illegible], угадывалось стройное тело. В уши вдеты [illegible] серьги. «Эх, золотыми бы их заменить», — думал Ы[illegible]

Словно отгадав его мысли, Фатпа [illegible]

— Совсем тяжелые серьги. Ушам больно [illegible]

— Фатпа, я буду много-много работать. [illegible] в поле до рассвета и возвращаться ночью, когда [illegible] все в звездах.

— Ответь мне, кто больше работает? — [illegible] ее снова становится игривым. — Издольщики да батраки. [illegible], а кто всех беднее? Они же!

Фатпа засмеялась, но в смехе ее не было веселья, наоборот, в нем слышалась душевная боль человека, [illegible]. Не видела она счастья с первым мужем, нужда грызла семью постоянно. Потеряв последнюю надежду на лучшее, муж пристрастился к опиуму, только в нем находил себе утешение. Высох, как мумия, стал жаловаться на грудь, отхаркивал кровью. Ожесточился, жену бил без жалости.

— Фатпа, ты прекрасна, как пери, — говорил ей Ырза. — Я буду беречь тебя, как райскую розу.

Лестно было Фатпе слышать эти слова, но в главном она была неумолима.

— Я буду твоей, — как-то сказала она Ырзе, по привычке посмеиваясь, — когда ты принесешь мне подарки. — Загибая на руке пальцы, она начала перечислять: — Шелковый платок — раз, пальто из черного бархата — два, сапожки и... золотые серьги!

Фатпа спокойно смотрела, как бледнеет лицо жениха. Она знала, что не сможет Ырза приобрести эти вещи ни через год, ни через два года. «Ну и пусть, — как бы говорил равнодушный взгляд женщины. — Если он не сумеет, то все останется, как было. Зачем, выйдя вторично замуж, подвергать себя тем же мукам?!» Фатпа могла бы еще согласиться на это ради богатой одежды. Всю жизнь мечтала она о хороших нарядах.

Ырза ушел от нее, убитый горем. Рушились надежды на свадьбу.

Дорога пролегала мимо нового дома Батыра. Ырза остановился у края джугарового поля, долго смотрел, как Батыр, закончив строительство, заливал саманным раствором крышу. Присел на межу, опустив голову.

Очнулся Ырза, когда почувствовал чье-то прикосновение. Над ним стоял Батыр. В глазах его было такое участие, что Ырза, не раздумывая, поведал свою историю.

— Ты знаешь, как я живу?

— Слышал.

— Поступай так же. Уведи от старого скряги.

Ырза сделал протестующий жест, произнес с испугом:

— Не пойдет она со мной от отца. Разве не понимаешь?! Для такого поступка любовь нужна. Ты посмотри на меня: разве могу я надеяться?..

Ырза встал, побрел, спотыкаясь, к аулу. Длинные руки его повисли вдоль тела, как плети.

Вскоре односельчанам стало известно, что Ырза начал батрачить в хозяйстве Таласа. Последний пообещал ему справить свадьбу и сделать необходимые подарки невесте. Обещание Таласа, надо сказать, не вселило в сердце Ырзы уверенности, но ведь другого выхода у него не было. Лучше уж в чем-либо сомневаться, но надеяться, чем прийти в совершенное отчаяние.

7

Надолго запомнил Батыр день переселения в свой дом, потому что он оказался радостным вдвойне. Тем утром, превозмогая стеснение, Алима шепнула ему, что у них будет ребенок.

— Сын! — в волнении едва ли не прокричал Батыр. — У нас обязательно должен родиться сын.

Алима не стала разубеждать Батыра. Возможно, он ока-

жется прав. Но с того времени ею иногда овладевало беспокойство. Начинало казаться, что она обидит мужа, если родит девочку. Может, он даже разлюбит ее за это. И так бывает. Издавна считалось: если не родится в семье первым мальчик, значит семья чем-то прогневила аллаха.

Алима задумывалась над прожитой жизнью, искала в ней какие-то недобрые к людям проявления и не находила. Кроме разве того, что ушла с любимым без благословения. Но это не преступленье. Отец никогда не отдал бы ее за Батыра. А жизнь без него — чернее ада.

За месяцы беременности Алима пополнела, округлилась. По лицу пошли желтые пятна. Она стала раздражительна, иногда плакала без всякой причины.

Батыр, наоборот, в обращении с женой стал более ласковым, до мелочей предупредительным. Почти всю работу по дому выполнял сам: то повернет [illegible] мельницу, и принесет ведерко муки, то наломает [illegible] для очага. А когда на аул спустится ночь, — чтобы [illegible] кого по дороге, иначе засмеют, — сходит за [illegible] в верховье арык.

За Алимой начала наблюдать [illegible] Шамурата. Она приходила с утра и отправлялась [illegible] вечером. Батыр теперь старался быть ближе [illegible], что вот-вот кто-нибудь прибежит и сообщит [illegible].

Когда Алима почувствовала [illegible], в доме не оказалось дров. С тяжелым сердцем [illegible] Батыр ослика. Захватив кетмень, выехал в степь [illegible] кустарник.

Работа эта трудная, продвигалась медленно. Молодой саксаул и джингил, к которым легче всего подступиться, оказались вырубленными, уцелевшие кусты росли друг от друга на большом расстоянии. Чуть не до вечера пробыл Батыр в степи. Нагрузил осла. Хотелось поскорее добраться домой, а животное, будто нарочно, еле тащилось. В ответ на удары осленок трясогловой, но шага не прибавлял.

Издали, когда до дома было два-три километра, увидел Батыр на пригорке подростка. Узнав Батыра, тот побежал навстречу. Уткнулся с разбега смеющимся лицом ему в грудь.

— У вас мальчик родился! Очень большой, говорят.

Батыр долго молчал, не отпуская от себя паренька. Со стороны могло показаться, что человек задумался. А в душе — буря. Хотелось закричать от радости на всю степь, пуститься в пляс, запеть.

— Спасибо тебе, Ниязбек, — сказал, наконец, Батыр. Вынул из поясного платка расшитую тюбетейку, которую носил с собой уже неделю специально для этого случая. Расправив, надел на голову подростку: — Носи на здоровье.

Осла Батыр оставил на попечение Нази́бека, а сам побежал к аулу. Перешел на шаг тогда, когда увидел свой дом. Высоким, необжитым он показался, так как не было вокруг деревьев.

Скоро, сейчас он увидит жену и сына. Но тут откуда-то вдруг выпрыгнул Талас, встал посреди дороги, не пропускает.

— Спешишь? Скажи, кто тот счастливец, который первым принес молодому отцу эту весть? Той надо сделать, Батыр. Большой той! Первый ребенок. Мальчик.

— Хорошо бы, Талас-ага, только...

— Не беспокойся, я все устрою, — пообещал Батыру Талас. — Найдется и барашек, и сладости...

— Спасибо, будет той!

Батыр не имел времени, да и не хотел думать о том, что станет делать завтра, как рассчитается с Таласом. «Обернусь. Отработаю, если потребуется».

Открыл осторожно дверь, увидел жену. Она лежала на постели, натянув до самого подбородка одеяло. Притихшая, Алима чуть шевельнула навстречу мужу искусанными губами, а глаза так и остались неподвижными полными перенесенных страданий. Жалость почувствовал к ней Батыр.

Но вот в комнате раздался крик ребенка. Батыр готчас выхватил из рук женщины, находившейся рядом с женой, маленький, но тяжелый, теплый сверток. Пристально стал разглядывать красное личико маленького человечка. Ребенок захлебывался от плача, широко открывал беззубый рот.

— Мой малыш, — наконец засмеялся Батыр. — А-а? Похож! Нос только короткий. А-а? У меня будто длиннее. Перестань, не сердись!.. Вырастешь, тогда и выправится...

Новая, неизведанная раньше нежность все приливала и приливала, охватывая душу Батыра. Он стал отцом!

8

В пасмурный день быстро сгущаются сумерки. Вот в окнах дехканских домов уже забились отблески багрового пламени. Это люди готовили ужин, пользуясь светом от очагов. Керосина мало, его берегли.

Бибисара — не старая, но быстро увядшая женщина — помешивает в котле варево, пробует на вкус. Накрыв котел крышкой и положив сверху деревянную ложку-черпак, отходит к проконопившемуся отверстию печи, начинает подбрасывать в огонь, переламывая о колено, ветки джингила.

У стены на белой кошме — единственной ценной вещи в доме — спят мальчик и девочка. Пучки хвороста ярко вспыхивают и быстро прогорают. Лица детей, когда меркнет свет,

кажутся бледными, исхудалыми. Из смежной комнаты, дверной проем в которую завешен грубым холстом, доносятся тяжелые вздохи и неразборчивое бормотание. Там отец, он болен. Сам Оразбай, хозяин дома, низко склонившись, сосредоточенно ждет с сапожной иглой в руках, когда разгоревшийся хворост даст ему возможность сделать несколько новых проколов. Он ладит суконную [illegible] на бараний тулуп.

Тихо вокруг. Слышно стало, [illegible] в своей комнате старик. Наконец, он [illegible] раскрылась наружная дверь.

Оразбай вздрогнул. [illegible] Бибисара. Забеспокоились во сне дети.

Затем хозяева поняли [illegible] Тогда Оразбай приподнялся, [illegible]. Он опоздал, так как человек сам вошел в [illegible] роста, с несоразмерно длинным [illegible] ногами, а необычная ширина тела [illegible] огромной физической силе.

— Безродный, — [illegible]

Ошибки быть не могло. [illegible] самый бандит, о котором рассказывали много страшных историй.

— Не ждал, хозяин? [illegible] привыкать к этому.

Безродный засмеялся, [illegible] Оразбая к огню. Положив к ногам карабин, [illegible] не расставался, принялся греть руки. Бибисара [illegible] оцепенение, начала подкладывать в печь хворост.

В котле забурлило, скопившийся пар с шумом вырвался из-под деревянной крышки.

— Джугаровый суп? — спросил Безродный.

— Суп, аксакал, — покорно ответил Оразбай.

— Ай, какой негостеприимный хозяин! — с деланным возмущением воскликнул бандит. — Такого почетного гостя, как я, кормить супом? Для меня следовало бы барана зарезать.

Безродный, посмеиваясь, покачал головой. Могло показаться, что он шутит. Но глаза бандита смотрели холодно, и Оразбай понял: это приказ.

В хозяйстве у него осталась одна овца. Конечно, ее было жалко, тем более, что со дня на день от нее ждали приплода.

— Аксакал, я у соседей спрошу мяса.

— У соседей? — Безродный притронулся к карабину. — А этого ты не видел? Дураком считаешь меня. Нож держи!

Быстрым движением он достал из-под халата кинжал, бросил его под ноги Оразбаю.

— Отойдешь от дома на десять шагов — все тут умрут. Подумай прежде, чем решишься сбежать.

Оразбай, шаркая галошами, — походка его сразу отяжелела, — вышел во двор. Безродный тем временем, положив подушку под бок, вытянул на кошме ноги. Долго приматривался к Бибисаре, потом лениво заметил:

— Собакам вылей свою похлебку.

Бибисара сняла с полочки у стены несколько мисок и стала вычерпывать в них суп из котла. С полными мисками пошла мимо Безродного, а он протянув руку, ущипнул ее за бедро. Бибисара вскрикнула, суп расплескался.

— Кобыла дикая, — лениво произнес бандит.

Тепло его разморило, он протяжно зевнул.

Когда, разлелав овцу, в комнату вернулся Оразбай, он застал Безродного спящим. Угли в очаге едва тлели, жена, согнувшись, замерла, боясь сделать лишнее движение. Дети тоже дремали, положив головы ей на колени.

— Возьми мясо. Оно в прихожей, — сказал Оразбай.

Нехорошо, тяжело у него было сейчас на душе. Вот пришел в дом человек, стоящий сторонний принес, а сам уснул. Нет у него, видно, ни жалости к людям, ни совести. Конечно, для доброго гостя никакого угощения не жалко... Но ближе к осени на базар хотел отвести овцу Оразбай. Надо было кое-какую одежонку для жены и детей справить. Теперь овца зарезана, а ягнята выброшены. Жене придется заново залатать платье, детишки опять будут голыми. Хорошо, что малы и стыда не чувствуют.

Бешбармак готов. Острый мясной запах приятно щекочет ноздри: давно в доме такого не пахло. Оразбай осторожно приближается к бандиту, трогает его за плечо. Безродный вставать не спешит, он потягивается.

Бибисара накладывает в широкую миску нарезанное ромбиками тесто, достает куски баранины. Безродный, а затем и хозяин дома моют над тазом руки.

— И малышам своим дай, — распоряжается подобревший бандит. — Все должны быть довольны, когда я прихожу.

С жадностью врывается он в мясо, а жир, растекаясь, добирается до локтей его оголенных рук. Вот он подмигивает Оразбаю, смеется:

— Водки не хватает, хозяин. Без нее любая еда теряет свой настоящий вкус. Послать бы в лавку, да некого... Жаль, что ты не пьешь, и в доме у тебя нет спрятанной на случай бутылки. Плохая у нас, мусульман, вера. Отсталая.

Едва Безродный закончил фразу, как из смежной комнат-

ты послышался шепот молитвы. Вскоре ее прервали тяжелые вздохи.

— Кто это там у тебя? — настораживаясь, спросил бандит.

— Отец. Ему нездоровится.

Безродный, удовлетворенный ответом, кивнул головой.

— Ну, а деньги у тебя есть, хозяин?

Оразбай понял, что больше не сможет проглотить ни куска. Теперь ясно, что Безродный пришел не просто обобрать и плотно поужинать. Но откуда у Оразбая быть деньгам? Только бандит ни за что ему не поверит.

— Аксакал, денег у нас не бывает.

— Ну, мы это еще проверим.

Когда бандит насытился, Бибисара отошла к очагу и принялась выбирать те, которые лежали поближе. Пора было стелить постель.

— Мне спокойнее спалось бы в передней, — подсказал ей Безродный.

Он стал вдруг щуриться, растягивать большой рот в улыбке. Оразбай посмотрел на него недоуменно. В передней не топится, холодно. Но Бибисара уже несет из комнаты одеяла, подушки. За ней следом выходит Безродный.

Проходят томительные минуты. И вдруг Оразбай слышит крик жены. Потом все заглушает чей-то хохот бандита.

Оразбай бросается к двери, словно чем-то подперта.

— Теперь плати мне выкуп, хозяин, и получишь обратно свою красавицу.

Оразбай растерян, его охватывает отчаяние. Как он сожалеет сейчас, что не смог за жизнь скопить и рубля.

— Аксакал, клянусь аллахом! Нет денег! Хочешь, я отдам все свое имущество?! Забирайте лошадь!

— Кобылка твоя привязана во дворе, чтобы ее взять, согласие хозяина не нужно. А деньги?.. Их дехкане обычно прячут в укромном местечке.

Оразбай в ярости бросается на дверь, скребет доски руками так, что ломаются ногти.

9

С утра уже весь аул знал, что произошло у Оразбая. Дехкане потянулись к его дому, каждому не терпелось выразить свое сочувствие по поводу случившегося, разделить горе с соседом.

Бибисара сжалась в углу комнаты, ее бил сильный озноб. В группе дехкан, пожалуй, больше других был взбужден Талас. Не в силах сдержать возмущение, он вскрикивал:

— Деньги, значит, ему подавай?! Ах, несчастный!

Согласно покачивал седой головой старик Сарсенбай, и Джума недоуменно таращил на всех красные слезящиеся глаза. Вздыхали, угрюмо потупив взгляды, другие дехкане.

— Почему ты народ не догадался позвать? — задал мучивший всех вопрос Сарсенбай.

Хозяин дома старику не ответил: глубоко безразличным ему было сейчас все, что происходило вокруг. С его лица не сходило выражение глубокой печали.

Сарсенбай протянул руку и прикоснулся к Оразбаю, повторив свой вопрос.

— Детей пригрозил он убить. Еще я думал, что как-нибудь все обойдется, не тронет он нас. Поест, переночует и обратно уйдет... А если и позвал бы кого, так не всякий ведь и поможет. Жизнь своя, она каждому дорога.

— Знать бы пора, к кому за помощью обращаться, — упрекая Оразбая, заметил Батыр.

Жаль было хозяина дома. Позволить над семьей издеваться и не оказать сопротивления? Этого Батыр никак не мог понять.

— Надо было за Батыром сбегать. Он бы сразу скрутил бандита, — произнес льстиво Джума. — Только поздно говорить: Безродный во второй раз в аул не придет.

К обеду дехкане разошлись. Еще немного поговорили, и происшествие отошло в прошлое, заслонили его повседневные дела и заботы.

Но случилось так, что Безродный, вопреки ожидаемому, снова забрел в их аул.

Вечером, когда длинные тени на земле слились в одну большую, а на улице громко замычали коровы, возвращаясь с пастбища, старик Сарсенбай вышел во двор. Ему надо было нарубить хвороста. Он присел с топором в руках перед чурбаком.

В доме в этот час не было никого. Сноха гостила у родителей, а внучка выбежала встречать скотину.

Безродный появился настолько неожиданно, что Сарсенбай выпустил из рук топор. Бандит, увидев его замешательство, засмеялся, первым вошел в дом и уже оттуда поманил старика. Опасался, как бы на улице кто его не увидел.

— Накорми меня побыстрее, старый.

Сарсенбай развернул дастархан с зачерствевшими лепешками, среди которых не было ни одной целой. Достал из сундучка, служившего буфетом, джиды. Не дожидаясь чаю, Безродный набросился на лепешки. Видно, здорово проголодался.

— Миллионеров наплодила ваша новая власть, прохода

от них не стало,— произнес он, объяснив этим свое появление. — Очень уж некрасивые люди. Терпеть их не могу, старик.

Сарсенбай не поднимал головы, он думал сейчас о том, как дать знак о появлении Безродного, не возбудив его дозрений. Надежда была на внучку. Лишь бы она не вошла в дом, в противном случае бандит ни за что ее обратно не пустит. Ее надо как-то предупредить.

С улицы послышались голоса — это за окнами кто-то прошел. Безродный насторожился. Когда разговор, удаляясь затих, он спросил:

— А почему нет никого в доме?

— Я давно здесь один, если не считать женщин. Сын простудился и помер. А сноха и внучка пошли сегодня навестить родственников. Я бы с ними отправился тоже, да ведь за скотом кому-то присматривать надо.

Бандит принялся [illegible] комнату. Он не переставал жевать. Перехватив [illegible] хозяина, проглотил пищу, сказал:

— Ты успокойся, старик. [illegible] ничего не возьму. Человек, убеленный сединами, [illegible] уважения. И обидеть его — принять грех на душу. [illegible] и старых грехов достаточно числится.

Безродный лицемерил. [illegible] усыпить бдительность хозяина, тогда сам он [illegible] спокойным. Какой мусульманин решится причинить вред [illegible] забредшему пугливо, если будет уверен, что самому [illegible] угрожает опасность? Сарсенбай охотно бы поверил бандиту, не будь он свидетелем [illegible] счастья, постигшего Ораз[illegible].

«Очень уж долго не возвращается внучка,— с тревогой подумал он, прислушиваясь.— Не заупрямилась ли корова? Айша может с ней не справиться».

Обычно экономный, Сарсенбай сейчас безжалостно [illegible] хворост. Пенится, исходя паром в печи вода. А из [illegible] ческого кувшина вылить ее некуда, чайник Безродный [illegible] не опорожнил. Вода плещет на [illegible], и они [illegible].

Наконец, Сарсенбай услышал легкие шаги. Протяжно и радостно замычала корова, узнав свое стойло. «Хорошо, [illegible] Айша не подает голоса»,— подумал старик.

— Встречу скотину,— произносит Сарсенбай.— Да [illegible] принесу на ночь.

Быстро поднявшись, чтобы не услышать запрета, он [illegible] нит к двери.

— Айша, где ты?— горячо шепчет он в полутьму.— Подходи быстрее ко мне!

Девочка подбежала. В руках у нее хворостинка, она весело прыгает на одной ноге.

— Милая, беги скорее к Батыру. Передай, что бандит, которого зовут Безродным, сидит у нас в доме.

Во взгляде Айши недоумение, потом ей кажется, что дедушка пошутил. Сейчас, засмеявшись, он в этом признается. Но Саренбай поворачивает ее и нетерпеливо, очень больно подталкивает в спину.

— Не пошутил я, так зовут бандита — напоминает он еще раз.

Ночь темная, дорога видна плохо. Но Айша бежит, понимает, что надо торопиться. Впереди мелькнул огонек — это засветилось чье-то окно. И тут затерялась тропинка. Под ногами неровное поле. Айша спотыкается, падает. В руки впиваются острые колючки, но боли она не чувствует, ей становится лишь страшнее. Она всхлипывает. А огонек впереди все ярче и ярче. Теперь виден даже переплет рамы.

Отворив дверь, девочка оказалась в освещенной комнате. При виде людей она заплакала, а когда смогла говорить, передала то, о чем просил дедушка.

Батыр кинулся к халату, висевшему на стене. Алима выпрямилась над девочкой, побледнела, но с места не сдвинулась, хотя и понимала, что встреча мужа с Безродным опасна. Бандит — беда не только их аула, а всей округи, мужа остановить нельзя. Не послушает ее, рассердится. И Алима мысленно желает ему удачи

Переступив порог, Батыр встретился с холодным взглядом Безродного. На лице бандита он успел прочесть удивление, а затем растерянность и даже страх. Безродный вскочил на ноги, направил на Батыра карабин, щелкнул затвором. Старик понял вовремя, что его сыну угрожает смертельная опасность. Он изо всех сил ударил Безродного по рукам тяжелым посохом. Выстрел раздался, но пуля ушла вверх.

Батыр воспользовался моментом, ударил. Безродный, сделал два шага назад и, не сохранив равновесия, откинулся к стене. Несколько минут затем они молча выламывали друг другу руки. Безродный, изловчившись, выхватил из-за пояса нож. Саренбай крикнул, и Батыр успел предупредить удар. Но рука вновь занесена над его головой. Тогда Саренбай ударил посохом. Безродный выронил нож.

Батыру долго не удавалось скрутить бандита. Они боролись стоя, падали, катались по полу.

Саренбай увлекся поединком настолько, что бегал вокруг боровшихся и, хлопая себя по коленям, покрикивал на Батыра:

— Жми его! Ну, жми! Ногу, ногу подставь!

— Веревку подай,— приказал Батыр.

Сарсенбай, опомнившись, загремел у двери ведром, освобождая привязанную к дужке веревку.

Злобно выругавшись, Безродный рванулся. Бешенство придало ему силы, Батыр отлетел в сторону. Бандит с проклятиями бросился из комнаты вон, но путь сбив подвернувшегося Сарсенбая. Выскочил на улицу.

10

Бежал Безродный недолго. Убедившись, что за ним никто не гонится, остановился. Посмотрел на огоньки, замаячившие светившиеся позади. Они напоминали ему о тепле, мягкой постели, но были недоступны. И это злило Безродного. С каким удовольствием он выпустил бы [illegible] несколько пуль, если бы карабин не остался у старика в доме. При нем нет даже ножа, верного и незаменимого [illegible] кутника.

Безродный, зябко передерживаясь, побрел дальше по полю. Подумал: «Хорошо, что [illegible] в доме, я не разделся. В одной рубашке к утру [illegible] закоченеть. Но шапку он все-таки потерял, и [illegible]

Под ногами зашуршали [illegible] мягко начала [illegible] хрустывать стебли растений. [illegible] догадался, что [illegible] ткнулся на ток. Это было кстати, [illegible] он и решил переждать ночь. Прилег на ворох обмолоченной [illegible] и постарался поглубже втянуть в халат непокрытую голову. Заснуть быстро не смог. Пришлось смотреть, как [illegible] на небе [illegible] лекие и равнодушные ко всему звезды. В сравнении с величием вселенной дела земные казались ему теперь незначительными, а он, Безродный, и вовсе был вроде бы лишним во всем [illegible] толчее. И впервые он пожалел о том, кем стал.

Лучше бы ему выпрашивать свой кусок хлеба, как в [illegible] стве. Мать Безродного была нищей, на улице он и [illegible] и вырос. Отца не знал, зато хорошо помнил мать, [illegible] сшедшую, с вечно трясущейся, как у паралитика, [illegible] Она сидела в Шах-Аббазе всегда на одном и том же [illegible] у высоких стен заброшенного дома — и жадно всем [illegible] в лица прохожих. Безродный играл рядом с нею в [illegible]

— Нищий, съешь шарик, копейку дадим, — кричали [illegible] городские мальчишки, подкидывая лошадиный помет.

Дружить с ним они стыдились.

Спала мать с сыном на кладбище, в мазаре какого-то [illegible] того. Мальчик настолько привык к своему необычному [illegible] щу, к безмолвию могил, что в любое время дня и [illegible] разгуливать среди них, совершенно не ощущая страха [illegible]

была с ним необычайно ласкова, когда прояснялось ее сознание, щедро делилась хлебом, которого им почти всегда не хватало. Но она никогда не называла его по имени.

Рос мальчик уродом. Другие нищие,— с ними ему приходилось встречаться,— рассматривая его удлиненные, [illegible] у обезьяны, почти до колен, руки, весело говорили:

— Слава аллаху, который так всемогущ и милостив. Он дал тебе тело, способное вызвать сострадание ближних. А народ подает тем, кого жалеет, и еще тем, кого вынужден бояться.

Парня, однако, эти пророчества не радовали. И, видимо, его тяготило безделье. Злили люди, которые настолько привыкли к всевозможным странствующим моллам и нищим, что перестали обращать на них внимание, как бы те ни кривлялись и как бы уродливы ни были.

В базарный день в городе становилось шумно, по-праздничному многолюдно. Безродный обычно выходил на мост, стоял на нем, опираясь на палку.

Была середина лета, жара страшная. От яркого солнца у него слезились глаза, хотелось пить, а вода — она рядом, надо только спуститься вниз, где люди идут беспрерывной вереницей, так как единственный мост соединяет почти равные половины города, рассеченные широким арыком.

Но вот прохожие ускоряют шаги, подобострастно сутуля спины, сходят с дороги. На мост въезжает красиво одетый всадник — купец и заводчик Уракбай, имя которого известно всем от истоков Аму до границ голубого Арала. За ним еще всадники. Видно, слуги.

Кони шагают неторопливо. Кажется, что и они важничают. Взгляд заводчика скользит поверх головы нищего. Но когда он с ним поравнялся, конь, неожиданно заржав, шарахнулся в сторону, поднялся на дыбы над самой водой. Оказывается, под ноги ему бросилась обезумевшая от мух и жары собака. Еще секунда, и конь с седоком окажутся в воде. Что руководило Безродным — желание спасти человека или жажда вознаграждения, трудно было сказать, только он бросился навстречу, схватил коня за расшитую уздечку. Грудью постепенно оттеснил испуганное животное обратно на дорогу.

Уракбай постарался не уронить своего достоинства. Кивком поблагодарив Безродного, он произнес степенно:

— Следуйте за мной, храбрый джигит.

Так Безродный стал верным хранителем хозяина. Уракбаю нетрудно было выгнать из сердца Безродного остатки жалости. Тот теперь оберегал заводчика во время длительных поездок, выполнял его тайные поручения. Случалось, что

иногда приходилось убирать с пути тех, кто становился неуго-
ден хозяину. Люди начали бояться Безродного, а ему это
нравилось.

В революцию Уракбай лишился богатства. Стал
пить. А однажды, в один из запойных дней, выхватив на-
ган, стал стрелять по проходившему красноармейскому по-
трулю.

В завязавшейся перестрелке он был убит. Лишившись по-
кровителя, Безродный бежал из города. Нужно было кормит-
ся, и он занялся грабежом, делом для него легким и наиби-
лее прибыльным.

...Так и не сомкнул глаз за ночь Безродный. В тело вра-
лись жесткие стебли, он постоянно их отбрасывал, а те тут
же выпирали в другом месте. Его грызла отчаянная тоска,
закрадывался страх, [illegible] страх и ничего больше.

Утром солнце пригрело Безродного. Он высунул голову
из-под халата, огляделся. [illegible] были густые заросли джи-
гила, справа, шагах в [illegible] виднелась неказистая бедняцкая
мазанка. Видно, ее хозяину принадлежало поле и джугара,
на которой сейчас лежал Безродный, и потемневший от вре-
мени чигирь, окруженный [illegible] посадками тала.

День обещал быть [illegible]. Радостно взвивались в чистое
небо жаворонки, надо [illegible] замирая, откуда-то донесло
мягкое воркование голубя, [illegible] ворились, выискивая оброн-
ные на току зерна, [illegible] воробьи.

Безродный еще не [illegible] он пойдет. Встал, отряхнул-
ся и побрел по первой [illegible] тропинке. От невесели-
мыслей было тягостно на душе. Он стал подумывать о том, что
лучше всего самому заявить о себе. Но суд страшил его, пото-
му что знал: прощенья не будет.

— Стой! Руки вверх!

Команда прозвучала как выстрел. Безродный шагах в [illegible]
цати от себя увидел юношу в милицейской форме, [illegible]
расстегивающего кобуру нагана. Страх — этот [illegible]
человека — заставил совершить еще один опрометчивый
ступок. Безродный кинулся в сторону, побежал.

Он слышал за своей спиной топот ног, слышал, как [illegible]
сно и крикнули: «Стой! Стреляю!». Потом был [illegible]
и слабый, похожий на щелчок кнута, звук выстрела.

Пуля попала ему в затылок. Милиционер подбежал, [illegible]
клонился. Перевернул тело бандита лицом вверх.

— Безродный! Я ведь сразу узнал тебя. И целил-то в [illegible]
ги. Ну, зачем ты, дурак, от меня побежал?!

Год выдался бесснежный. Кровью обливалось сердце Батыра, когда он смотрел на посевы. Обвисли листья джугары на невысоких и тонких стеблях. Серый налет пыли покрыл их. Казалось, растения стонут, изнемогая от жажды. Посевы гибли на глазах, не оставляя надежды даже на плохой урожай.

Чтобы подвести к полю воду, надо было углубить арык по меньшей мере на метр на всем протяжении от основного магистрального канала. Но поле его находилось далеко в стороне, потому что лучшие земли были заняты задолго до его прихода в аул.

Батыр пытался определить время, которое уйдет на углубление арыка. Расчеты показывали, что одному ему не успеть. Обращаться за помощью к дехканам сейчас совестно: каждый занят спасением своего урожая.

Казалось, выхода нет. Надеяться можно было лишь на чудо, что вода вновь поднимется, а посевы к тому времени еще не погибнут.

Талас застал Батыра на поле, когда тот, ковыряя серпом сухую землю, пытался определить на глубине ее влажность.

— Несчастье свалилось на наши головы,— сказал Талас и присел рядом.

Он тоже был обеспокоен случившимся.

— Пшеница с просом уже погибли. Джугара еще с неделю потерпит, — ответил Батыр.

— Я слышал, что ты знаком с плотницким ремеслом?— спросил Талас и скосил на Батыра глаза.

— Приходилось. С топором обращаться умею, лодки когда-то строил. А что?

— Значит можешь поставить чигирь. Все я вчера с базара привез.

Талас схватил Батыра за рукав рубахи и все старался заглянуть ему в лицо. Батыр, обдумывая предложение, медлил с ответом.

— Дам воды, ты польешь свою джугару,— настаивал Талас.

— Боюсь, будет поздно.

— Батыр, клянусь тебе святым именем аллаха: возьмешь из моих посевов равнозначный участок. Спишу часть долга?!

Батыр согласился. С утра до ночи он работал. Из-под острого топора летела белая щепа. Веселее пошло время, куски мертвого дерева превращались в зубчатые диски.

Ырза, продолжавший батрачить в хозяйстве Таласа, занялся арыком. Вода должна подойти под самое колесо, когда чигирь будет установлен.

Талас неотступно следил за тем, как продвигалась работа. Пытался даже советовать, но этим только мешал. Вскоре он уехал в город за глиняными горшками.

Навесить их на колесо было нетрудно. Талас размечал расстояние, поддерживал горшки, а Батыр привязывал веревкой сплетенной из лыка.

— Золотые у тебя руки,— похвалил Батыра Талас.— Любой был бы доволен самый строгий хозяин.

Батыр отмалчивался. Не желал он расположения Таласа. И, работая на этого человека, не ощущал в душе ничего, кроме горечи.

Наконец, завершили последнюю спицу. Работу можно было считать законченной. Оставалось опробовать сооружение. Простота устройства исключала возможность ошибки.

Талас сам привязал к спице осла толстую палку. Второй конец этого своеобразного рычага был наглухо скреплен с горизонтально поставленным диском. Осла погнали по кругу. Заскрипело сухое дерево, взвизгнуло, сцепились зубья деревянных колес, сооружение пришло в движение.

Под чигирем глухо плеснула вода. Горшки медленно поползли вверх. Чем выше их поднимались, тем большим становился угол их наклона. Вот и первая струйка робко застучала по дну желоба. Вода побежала в неглубокую канаву, стремительно двинулась к полю.

Следом за водой шел Талас. Он часто нагибался, чтобы выбросить из канавы попавшие туда комья земли. Если на пути встречалась яма, вода долго ее заполняла. Талас садился терпеливо ждал, когда она потечет дальше.

Шум льющейся воды, мерное поскрипывание вращающегося колес — все это вселяло в сердце Батыра надежду, что и его урожай будет спасен.

12

Вертится колесо чигиря. Течет вода по арыку, потом разливается по полю. Подобно губке сухая земля впитывает влагу, темнеет, но жажде ее, кажется, не будет предела. Чтобы ток джугары полит, Ырза по указанию Таласа отводит воду на участок.

Тут же рядом Батыр. Он терпеливо ждет, когда ему разрешат воспользоваться водой.

Надвинулась ночь, но это не помеха — поливать можно и при лунном свете. Натрудившись, стал останавливаться осел. Батыр, взяв хворостину, время от времени щелкал животное по тощим ногам.

Тенью по полю двигался Ырза. Появились комары, они безжалостно впивались в лицо и шею, в босые ноги. Места укусов невыносимо зудели. Потом Ырза подошел к Батыру, опустился рядом на корточки. Он тоже устал и теперь отдыхал, не выпуская из рук лопаты. Батыр спросил, полил ли Ырза хлопчатник.

— Да.

— Тогда я пущу воду на свое поле. Дай лопату, Ырза.

— Нельзя. Хозяин приказал полить бахчу.

— Бахча — не хлеб. Без дынь вполне можно обойтись.

Ырза понимает Батыра, сочувствует ему, потому он спокойно относится к тому, что Батыр, взяв у него лопату, идет открывать запруду.

Перемычка тонкая, два-три взмаха лопатой, и Батыр опускает руки в сырую теплую воду, которая, ласково обтекая пальцы, побежала к его полю. Вскоре он услышал от чигиря крики, Ырза принялся погонять осла. «Значит, все идет хорошо,— подумал Батыр.— К утру участок успею полить. Джугара моя не погибнет и будет на зиму свой хлеб».

К ногам Батыра черной птицей легла чья-то тень. Это подошел Ырза. Влез в арык и начал скидывать туда землю.

— Что ты делаешь? Сошел с ума?!— Батыр вытаскивает Ырзу из арыка за ворот рубахи.

— Мне надо полить бахчу,— говорит Ырза, высвобождаясь из рук Батыра.— Я не должен нарушать приказ хозяина.

— Пойми, Ырза, нет у меня иного выхода, как взять воду сейчас, ночью! Я на нее имею такое же право, как и Талас. Если мне не полить сейчас всходов, семья пропадет с голода,— торопливо убеждает Ырзу Батыр.

В голосе его слышится отчаяние. Ырза, не став спорить, уходит.

Вода в арыке вновь поднимается. Но мешает земля, насыпанная Ырзой. Пришлось ее выбросить. Потом Батыр обнаружил, что течение в арыке опять прекратилось. Прислушался, тихо вокруг. «Наверно, остановился осел»,— решил Батыр и направился к чигирю. Едва успел подхлестнуть задремавшее животное, как появился Талас. Он торопился, тяжело дышал.

— Вай, Батыр, не стыдно тебе! Я имею в собственности чигирь, осла, а не могу первым полить землю?!

— Талас-ага, моя джугара не выдержит без воды и одного дня!

— Ну, хорошо, с восходом солнца ты начнешь полив. Пусть проказа кинется на мое тело, если я тебя обману!

Батыр уступил. Хорошо, он подождет еще несколько часов.

— Ырза, отведи воду на бахчу,— приказывает Талас в темноту.

Батыр ушел домой. Вернулся на поле, когда рассвело. Чигирь стоял. А рядом, на снопах сухого клевера, свернувшись так, чтобы уместиться на них, спал Ырза. Батыр все себя от злости принялся его трясти. Ырза с трудом разлепил глаза, виновато произнес:

— Заснул вот. Устал очень. На хозяина работать вдвойне тяжелее, нет никакой радости. А ты иди, отводи к себе [illegible]. Поможет аллах, как-нибудь [illegible] и бахчу.

За водой Батыр дошел до [illegible]. В той его части, куда ночью попала вода, джугара уже оправилась, стояла зеленая, с упругими листьями. Все остальное было на грани гибели. Как солома шелестели, соприкасаясь друг с другом, пожелтевшие от корня и почти до [illegible] верха листья растений.

Солнце поднималось быстрее, чем [illegible] вода. И лучи его вместо жизни несли с собой [illegible]. «Потерпите, еще немного потерпите, родные!— хотелось крикнуть Батыру.— Скоро вы утолите свою жажду!»

Батыр оглянулся. К нему [illegible] Талас. На сердце легла тревога. И не напр[illegible] как бросив [illegible]рый взгляд на Батыра, хозяин [illegible] произнес:

— Нехорошо поступил ты, Батыр. Не дал мне полить бахчу! И воду пора научиться бы расходовать с расчетом. А ты ее льешь и льешь...

— Будьте справедливы, Талас-а[illegible]. Я не успел полить даже трети!

Гордым был человеком Батыр. Но сейчас он стоял и, прижав руки к груди, вымаливал у Таласа разрешение.

— Видит аллах, нет у тебя совести! — резко ответил ему Талас.— Как я могу дать воду, когда у самого не все полито? Вон и морковь сохнет. Я распорядился: Ырза перекрыл твой арык.

Батыр в изнеможении опустился на землю, а над полем стоял звон сухих листьев.

13

Пряталось за горизонт багровое солнце в ореоле из сиреневой дымки. Спад зноя после длинного и жаркого дня был особенно желанным. По аулу расползся запах дыма. Смешавшись с пылью, которую подняло прошедшее стадо, он [illegible] котал ноздри, и Батыр сдерживал себя, чтобы не чихнуть. Сидел он у открытых дверей дома на расстеленной камышовой

чите и с лаской во взгляде наблюдал, как его пятилетний сынишка, ухватив обеими руками огромную ложку, торопливо ел из миски жидкую кашу.

— Посмотришь на него и подумаешь, будто нет на свете вкуснее пищи,— сказал Батыр, обращаясь к жене.

Он погладил жесткой ладонью головку сына.

Алима держала в руке чайник и пиалы. Присев напротив мужа, развернула скатерть, в которой хранились хлеб, джида. Ребенок, отставив ложку, потянулся к лепешке. Алима опередила его движение легким шлепком.

Мальчик не заплакал, он только вздохнул, поднялся и заковылял к дороге на шум детских голосов.

— Аман, вернись!— крикнула ему Алима.

Матери показалось, что он недостаточно долго побыл с отцом. Мальчик остановился, повернул голову.

— Ладно, иди! — Батыр махнул в сторону дороги. — Пусть играет, пока тепло на дворе. Зиму дома придется сидеть, одеть-то его не во что.

К каждой пиале чая Батыр отламывал небольшой кусочек лепешки. А вот Алима к хлебу не притрагивалась.

— Почему не ешь?— спросил Батыр.

Алима, опустив глаза, тихо ответила:

— Я не хочу.

— Не верю тебе,— признался Батыр.— Может, зерно кончилось?

— Да.

Скоро шесть лет, как живет Батыр в ауле, а еще, кажется, не выдавалось года, когда не приходилось думать, где занять джугары, чтобы дотянуть до нового урожая. Хотелось кричать от обиды: работаешь ведь не покладая рук, а живешь впроголодь. Но не оставалось ничего, как снова идти к Таласу, унижаться, просить.

— Не горюй, Алима. Талас нам, наверно, не откажет.

Батыр обнял жену. Она прижалась к нему так крепко, что услышала ровные и сильные удары его сердца. Алима была счастлива. У нее добрый муж. Если бы не постоянная забота о куске хлеба...

И все Батыр надеялся, что бедность поселилась в домах аула не навсегда, что радость еще заглянет под крыши дехкан.

— Немного еще потерпим, Алима. Жизнь наша должна измениться.

— Мне с тобой и так хорошо,— шепнула она.

— ...Аману тогда крепкие сапоги купим,— размечтавшись, сказал Батыр.— Будет он в них в школу ходить, учиться.

По щеке Алимы скользнула счастливая слеза. Но в люль-

ке заплакал ребенок. Алима вопросительно посмотрела на мужа.

— Сходи, покорми дочь,— произнес он.

14

Рано встал Батыр. Талас был строгий хозяин. Плеснув в лицо холодной воды, запахнув поглуже халат, он вышел из дома.

На востоке пылало розовым светом небо, с минуты на минуту оттуда должны были брызнуть сияющие лучи солнца. На сизых кустах полыни, на широких листьях подорожника, даже на иглах верблюжьей колючки — повсюду сверкали прозрачные капли росы. Это был верный признак недалекой осени.

С серых кистей джугары, росшей у дома, поднялась стая отяжелевших воробьев.

— Кыш, ненасытные!— крикнул Батыр.

Тут из-под самого пугала взлетела еще одна стая, заслонившая чуть не полнеба, так много было птиц «Сколько труда загубят эти летающие вредители, пока придет время убирать урожай»,— подумал Батыр.

Не меньше десяти раз успел он разогнуть спину, чтобы вытереть со лба пот, прежде чем увидел Таласа. Хозяин шел медленно, осматривая посевы.

— Бог в помощь, Батыр! — произнес он, приблизившись

— Здравствуйте.

— Неважный урожай в этом году у меня, Батыр.

— У меня хуже.

— Так должно быть,— рассудительно заметил Талас

— Потому что на ваших полях от света до ночи работаю

— Ну, не сердись, Батыр. Ладно. А хлопок у меня хороший Хлопок — это деньги, богатый дом, вкусная еда, почет от людей. Но почему дехкане его не сеют?

— Для хлопка много земли надо, много воды, хороший уход.

— Ты прав, Батыр. Ну, хватит, поговорили и достаточно а теперь поспеши, иначе не успеешь убрать сегодня это поле. Ведь мороз может ударить. Он всегда гость нежданный.

Батыр оглядел участок, сравнил с тем, что выкосил с утра, и нахмурился: работы тут было в лучшем случае еще дня на два. Возражать не стал, Талас мог рассердиться, тогда с просьбой к нему лучше не обращаться, откажет.

— Талас-ага, моя жена испекла вчера последнюю лепешку, и в доме нет больше хлеба.

— Ну?
— Мне немного зерна до своего урожая.
— Не дам. Пусть джугары намолотит. Наверное, поспела.
Талас хотел было повернуться, чтобы уйти.
— Не дашь?
Столько негодования и злости было в голосе работника, что Талас испуганно замер. Покосился на кривое лезвие серпа, блестевшее в руке Батыра. Превозмогая растерянность, сказал:
— Ты ведь мне должен столько, что не сможешь отработать и за год. Дождись своего урожая, немного осталось. Ну, подумай, кому выгодно давать в доли, не надеясь получить обратно?
— А разве моя дневная работа оценивается в пиалу зерна?
Батыр с силой махнул серпом по верхушкам толстых стеблей, несколько головок джугары упало на землю. Подобрав их, шагнул к Таласу, вытянул руку:
— За это я работаю на тебя целый день! Дешево платишь, хозяин.
— Батыр, я плачу больше. Ты забыл, кто дал тебе это...— Талас, притворно возмущаясь, показал пальцем на рваный халат Батыра.— Галоши...
— Ты отдал вещи мне потому, что тебе они стали ненадобны. Износились, а выбросить жалко.
Неожиданно колючие глаза Таласа потеплели. Он изменил решение. Надо уступить работнику, но попросить быть усердней. От этого он, Талас, только выиграет.
— Ладно, дам тебе зерна. И доли почитать не буду. Получше потрудишься, и в расчете. Пойдем.
Рядом с громадным домом, напоминавшим крепость, где жил Талас, стоял сарай: низкие глинобитные стены и тяжелая дверь. Талас отомкнул поржавевший замок, вошел внутрь. Батыр остановился у порога.
Помещение было без окон, и Батыр присел, чтобы не заслонять свет. Талас вынес из темноты весы с круглыми жестяными чашками, которые были привязаны веревками к толстой палке, отполированной до блеска долгим употреблением. На одну из чаш он бросил вместо гирь обточенные куски жженого кирпича. Стал сыпать зерно. Когда весы выровнялись, в чашу с зерном кинул еще горсть. Это должно было убедить Батыра в том, что хозяин щедр, что он не собирается обвешивать.
Закинув за плечи мешок, Батыр легко зашагал по дороге.
— Участок все-таки нужно закончить сегодня. Завтра будет другая работа,— крикнул ему вслед Талас.

Батыр не откликнулся. А Таласу и не нужен был сво-
вет. Он знал, что теперь Батыр условие выполнит, станет р-
ботать, как вол.

Позднее обычного вернулся домой Батыр. Была уже
множество ярких звезд усыпало черное небо.

Жена еще хлопотала у печи. Много времени, видно,
у нее на то, чтобы смолоть зерно. Батыр прилег отдох-
на кошму. Нывшие руки он закинул за голову и, закрыв
за, начал прикидывать. Выходило, что хлеб теперь в до-
выведется до самой весны. Если, конечно, прибавить свои
жай и расходовать зерно экономно. Зимой, когда рабо-
дет поменьше и станет коротким день, можно прожить, гото-
вя еду раз в сутки.

Рядом с отцом, прислонив к [illegible] голову, спал Аман
не смог дождаться ужина, и [illegible] сладко причмокн-
во сне губами. Наверно, пробо[illegible] что-нибудь вкусное

В передней послышались [illegible] шаги. В ком-
вошел Шамурат. Мужчины [illegible] Алима засу-
лась, выбирая на сундучке поновее о[illegible]. Постелила на в-
ном месте, у печи. Гость и [illegible] один против другого

Алима собрала угощение: песко[illegible] свежеиспеченных ле-
пешек и узелок с джидой. Покопав[illegible], вытащила из сундуч-
ка серые от долгого лежания [illegible] сахара. И тотчас
свету коптилки выдвинулось [illegible] Амана. Он уст-
вился на сладости, но протянуть [illegible] руку не решался.

— Интересную новость прине[illegible] тебе, Батыр,— сказ-
Шамурат, прихлебывая горячий [illegible].

— Новость? Какую?

— Колхоз хотят в ауле построить.

— Колхоз?

— Да-а. Большой дом, в который потом всех баев загонят.

Батыр засмеялся, недоверчиво покачал головой, при-
— Они в том доме грызться будут.

— Пусть. Не жалко.

— Хорошо придумали! — осторожно похвалил Батыр.

— Очень удачно,— согласился с ним Шамурат.

Он взял с дастархана кусочек сахару, подал Аману. М-
чик громко им захрустел. Вскоре Алима внесла миску с с-
Столбом от нее потянулся вверх пар, в комнате вкусно за-
— А в работниках-то будто повыгоднее, чем самому
зяйство вести. Достаток виден. А моя семья месяц уже о-
ишеном перебивается. У детей от разной дряни животы
бурдюки с водой. Плачут, а мать их бьет. Жалко, а что с-
лаешь? Хотел вот у соседей перезанять... Но хлеб у всех
исходе. К тебе последнему зашел.

Шамурат смотрит Батыру в лицо, в глазах у него столько печали. Батыр, не выдержав взгляда друга, отворачивается.

Мужчины долго молчат. Алима тревожится: вдруг муж откажет Шамурату. Беспокойство взрослых передалось и Аману. Он открыл рот, сморщил лицо, готовый к тому, чтобы в нужный момент заплакать.

— Алима, раздели зерно надвое,— тихо произнес, наконец, Батыр.

15

Светлым весенним утром въехал в аул всадник на серой лошади. Одет он был в военную гимнастерку, перетянутую широким ремнем, выгоревшие на солнце галифе; голенища запыленных сапог плотно обтягивали икры. Козырек фуражки бросал тень на выбритое лицо.

Когда он поравнялся с домом Таласа, на дорогу выбежал сам хозяин. Низко кланяясь, Талас пригласил всадника к себе в гости. Секретарь райкома партии сделал вид, что не расслышал приглашения.

— Скажи, пожалуйста, не Батыр ли там джугару обмолачивает? — показал он на человека, ходившего невдалеке по кругу за парой волов.— А где второй работник?

— В поле. Я мигом его позову, Карим-ага.

— Позови. Пусть придет.

Секретарь райкома, не слезая с лошади, поехал к Батыру. «А ведь Батыр, наверно, пожаловался на меня. Вай, как нехорошо получается»,— решил Талас, теребя в раздумье свою жиденькую бородку.

Но Батыр не жаловался на хозяина. И вообще чувствовал он себя сегодня необыкновенно легко. Бодро покрикивал на волов, он взмахивал над их спинами плетью. От животных нельзя было на шаг отойти — сразу остановятся. И сейчас-то они постоянно тянутся мордами к ногам, норовя ухватить метелки с зерном.

Время от времени Батыр поглядывал на дорогу, ведущую в город, будто именно оттуда ждал добрых вестей. А когда заметил на ней всадника, так сжал рукоять плети, что хрустнули пальцы в суставах. Потом подумал: «Есть на земле счастье, но мимо пока проходит оно. Остается радоваться, что жил, что не умер еще от голода». Он опустил голову.

— Здравствуй, Батыр. Все работой занят? Чужой работой?

Батыр вздрогнул. Что ж это за человек, который так верно определил его батрацкое положение? Сердце забилось в груди, когда узнал секретаря райкома.

— На хозяина работаю,— откликнулся Батыр.

— Бодрись, Батыр! Хорошие вести привез. Скоро по-новому жить начнем

Карим-ага спрыгнул с коня на землю. Батыр, подстегивая плетью волов, чтобы не вздумали остановиться, пошел за ним следом. В тени коротковолого тала они присели на корточки.

— Решила, Батыр, советская власть объединить бедняцкие коллективы. Наступила пора покончить с нищетой. Все, кто трудится, должны жить счастливо.

— Всем хорошую жизнь? — переспросил Батыр и отвел взгляд от замысловатой фигурки, которую успел вывести на земле плетью.

Он с недоверием посмотрел [illegible] райкома в лицо.

Карим не успел ответить, так как лошадь в это время дернула повод: потянулась к траве, разбросшейся вдоль арыка. Послышались торопливые шаги. Подходили Талас с Ырзой.

Ырза остановился первым. Не [illegible] моргая, он несколько раз шмыгнул носом, будто собирался заплакать.

— Подойди ближе, приказал ему секретарь райкома. И добавил, обращаясь уже к Таласу:— А вам я буду благодарен, если накормите лошадь.

Талас принял протянутый повод.

— Лучший сноп клевера [illegible] брошу, — произнес он с плохо скрытой обидой.

Но секретарь о нем уже забыл. Он говорил Батыру

— Очень верно ты заметил [illegible] — хорошую жизнь! В этом весь смысл нашей борьбы. Борьбы коммунистов. Трудное, но великое дело на себя они взяли.

— Большое дело, — согласился Батыр.

— Начнем с того, что в сельской местности организуем колхозы.

— Колхозы?

— Да. Почему ты удивился?

— Слышал я о колхозах, — упавшим голосом ответил Батыр. — Это большой дом...

Карим засмеялся.

— Слухи! — произнес он. — Они бегут впереди всех наших дел. И зачастую исходят не от друзей, а от врагов. Советской власти, Батыр, народ дорог. Сам посуди: вас, бедняков, в ауле семей двадцать, а в богатые выбиться сумел один Талас. При помощи вашего же труда. А колхоз всех объединит в могучую силу. Посмотри, земли сколько вокруг! А попробуй ее обработать! Нечем. Государство колхозам машины даст. Нет, нельзя

нам раздумывать. Народ голодает, болеют и умирают дети, одеть нечего...

Батыр, будто в подтверждение, распахнул халат. Рубашки под халатом не было, а много раз латанные штаны затягивались на поясе обрывком веревки.

— Без колхозов не будет у народа настоящей жизни. Но дорога к счастью трудна, у нас много врагов. Баи нам будут мешать. А мы все-таки победим. Как думаешь, Батыр, победим?

— Народ слово скажет, гром прокатится.

Секретарь райкома уехал по дороге дальше. Наверно, в другой аул. К дому Таласа проплыла нескладная фигура Ырзы-плешивого. Видно, такой ему был отдан приказ. А Батыр все оставался на месте. Вглядывался в далекую [illegible] на горизонте, думал, мечтал. Разглаживались на лице морщины, глаза вновь засияли задорно, молодо. И он запел старинную песню, которую слышал еще от матери.

Предчувствия сегодня не обманули Батыра. Скоро начнется новая, совсем другая жизнь. А трудностей Батыр не страшится, в его руках достаточно силы.

Около его лица и [illegible], легко кружась, летели пушистые звездочки. Это ветер разносил [illegible] камыша. Далеко вокруг раскинулась, поблескивая [illegible], его родная земля.

16

Неосторожно потянув себя за бороду, почувствовав боль, Талас оторвался от невеселых мыслей. Зачем секретарю райкома партии понадобился его работник? Талас бежал в поле, стараясь побыстрее выполнить поручение и тем самым продемонстрировать свою услужливость, а значит и уважение к власти.

— Э-эй, Ырза! Пошевеливайся, товарищ Карим-ага тебя просит! — крикнул он работнику.

Ырза к Таласу подошел неторопливо.

— Сбрось, наконец, свою тряпку! — Талас с возмущением ткнул пальцем в фартук из мешковины, в который Ырза собирал хлопок. Он путался в ногах и мешал Ырзе идти.

Когда приблизились к дереву, под которым сидели секретарь райкома и Батыр, Талас предупредил работника:

— Если я не смогу быть при вашей беседе, ты хорошенько запомни все, о чем будет говорить Карим-ага. Понял?

Ырза промолчал. Вспомнив о его плохой памяти, Талас произнес еще строже:

— Весь разговор повторишь мне. Смотри!

Талас стоит, прислонившись к косяку двери, ждет, когда вернется Ырза. Мрачно поглядывает он на чистое небо над го-

ловой, наблюдает за стремительным полетом черных стрижей со свистом разрезающих острыми крыльями воздух. Резким движением он забрасывает в рот щепоть табаку, плотно сжимает губы.

Около кучи навоза, всего в трех шагах от Таласа, распушив перья, наскакивают друг на друга молодые петушки. Рыжий, крупнее, бьет противника размеренно и точными, тяжелыми ударами и наступает. Второй петушок — серый, маленький, вертит головой, стараясь увернуться. Он часто и частыми, явно слабыми щипками. Гребень его уже окровавлен. Пройдет не больше минуты, и победа будет за рыжим. Но в это время из куста джингила показался третий петушок. Немигающим глазом уставился он на дерущихся. Затем шея его вытянулась коромыслом, а крылья опустились к земле, петушок вступил в драку на стороне серого.

Рыжий моментально был побежден. Вскочив, пустился наутек. Преследовали его петухи недолго, пока не загнали в густые заросли пожелтевшей прошлогодней травы.

— Рыжего надо зарезать — так в ауле говорят, — с неудовольствием решил Талас.

Тут показался Ырза. Подошел, остановился. Молчит.

— Ну?

— Разговаривал он с нами.

— Знаю, что не чай пили.

— Он сказал, что ты в ауле богатый, — медленно, с трудом произнес Ырза.

Но Таласу показалось, что работник сейчас над ним просто издевается. Он до предела повысил голос:

— Дальше!

— А бедных в ауле двадцать.

— Знаю. Дальше!

— Потом он произнес русское слово.

— Какое? Ну!..

— Ко-о... Я забыл, — произнес Ырза.

— Дурак! — зло зашипел Талас. — Еще чего нибудь ты запомнил?!

Ырза молчал, переминался с ноги на ногу. Земля, видно, не успела еще хорошо прогреться, а работник был босым.

— Ну! — требовал Талас.

— Все дехкане скоро хорошо будут жить! — единым духом вдруг выпалил Ырза и испуганно уставился на хозяина.

И точно: Талас хихикнул. Затем глаза его прикрылись, сквозь маленькие щелки в Ырзу вонзились два злых зрачка буравчика.

— А ты поверил? Дехкане будут жить хорошо! Ах, Ырза!

Стариков бы послушал. Разве кто из них может сказать, что так когда-нибудь было? Почитай святую книгу коран. Там тоже написано, что всегда были бедные и богатые, батраки и хозяева. Никому этого не изменить.

Лицо Таласа перекосила злобная гримаса. Он добавил:

— На сказки, которые рассказывал Карим-ага, я бедняка не купить.

То был сильный козырь, он шел в ход, когда работник начинал проявлять непокорность. Ырза, действительно, сразу обмяк, даже согнулся.

— А я все могу. Свадьбу сегодня справлю.

— Вы мне столько раз обещали.

— Думаешь, мне легко? Денег много требуется. Можешь сам подсчитать. А их скопить надо. Но обещание я выполню. Не спеши, Ырза. Ступай на поле.

«Ырзу я держу крепко, он никуда от меня не уйдет, — думал Талас, вглядываясь в ужатую спину работника. — С Батыром дело похуже».

17

Веселым вернулся с работы Батыр.

— Джигит, куда путь держишь? — спросил он у сына, вышедшего из дома.

Не дожидаясь ответа, подхватил его на руки, подбросил.

— Папа, выше! Хочу крышу достать!

Аман заливался счастливым смехом. На голос выглянула Алима. С улыбкой стала смотреть, как, раскидывая руки и ноги, действительно вровень с крышей взлетает ее сын.

— Хватит с тебя, Аман, — произнес Батыр. — Теперь попробую подбросить маму.

Он поднял жену. Но Алима обвила его шею так крепко, что невозможно было ее оторвать. Батыр, опуская жену на землю, сказал, обращаясь к Аману:

— Мама боится.

В комнате Алима подошла к подвешенной к потолку колыбели, в которой лежала дочь. Батыр встал за спиной жены, протянул руку и пощекотал ребенка. Личико сморщилось, девочка засмеялась.

Обычно молчаливый, Батыр сегодня разговорился. Обращаясь к жене, называл ее красавицей. И только вечером, словно передавая великий секрет, он шепнул ей:

— Скоро все будут счастливы. Теперь это точно.

Батыр уснул. Алима же долго всматривалась перед собой в темноту. Очень хотелось ей, чтобы жизнь стала краше. Ведь она

уже видит в своей комнате горку новых атласных одеял. Они аккуратно сложены на сундучке. Батыр всегда весел, приветлив. Садится пить чай он на туркменском ковре. Алима подала блюдо дымящейся баранины. А главное счастье в том, что Аман бегает в белых штанишках из полотна, купленного в магазине, и в зеленой бархатной курточке.

Заглянула в окно луна, по противоположной стене комнаты пролегла светлая полоса. На грубой штукатурке обозначились соломинки саманного раствора, а на потолке можно было разглядеть темные балки, между ними часто-часто наложенные ветви тала. Алима, оторвавшись от мыслей, повернулась, прижалась щекой к огрубелой ладони мужа.

«И ничего мне в жизни не надо, — подумала она. — Лишь бы ты всегда был таким, как сегодня».

18

Когда Оразбаю сказали, что в [illegible] будет колхоз, и разъяснили, как в нем станут жить [illegible], он ничем не выказал своего интереса, а повернулся и [illegible] ушел домой.

В комнате присел к очагу, [illegible] брови. Скуластое лицо его с плотно сжатыми губами [illegible] неподвижно. Оразбай сосредоточенно смотрел на то, как [illegible] желтые языки пламени охватывают хворост, как быстро он превращается в уголь, которые тут же покрываются [illegible] серого пепла.

Так и сидел. Хворост кончился, поглядывать в печь было уже нечего. Загорелась [illegible], которой он ворошил угли.

Жена начала поглядывать на него с испугом, но не решилась спросить, что же случилось. А он все сидел, не меняя позы.

Пришел мулла. Он жил в соседнем ауле, но время от времени появлялся, навещал каждого, кто слушал его проповедь, кончавшиеся обычно уверениями в необходимости строго соблюдать религиозные обычаи и [illegible] пожертвованиями в [illegible] духовенства в размере десятой части всех доходов хозяйства. Прищурив подслеповатые глаза, мулла осмотрел комнату. [illegible] дел у очага хозяина, пробормотал приветствие. Оразбай и [illegible] головы не поднял. Тогда служитель культа мышью юркнул [illegible] холст, в смежную комнату, где находился престарелый [illegible] Оразбая.

Наконец Оразбай поднялся, вышел во двор. Узнала хозяина, потянулась к нему лошадь. Оразбай похлопал ее по впалому боку. Небогатым был Оразбай, потому и отощал мерин. Лошадь подняла морду вверх, там на крыше были сложены стебли джугары. «Мало заготовлено, не хватит на зиму», — [illegible]

чти вслух произнес Оразбай, но все-таки поднялся по лестнице, сбросил сноп тростника. Постоял, послушал, как сочно хрустит он на зубах лошади.

Вернулся в дом. Муллы уже не было, а отец, заняв место, на котором недавно сидел Оразбай, грелся у очага. Руки его, протянутые к огню, мелко-мелко дрожали. Лицо старика было настолько морщинистым, что походило на кору дерева.

— Не о колхозе ли думал, сын мой?

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Колхоз — это не для мусульман, в нем опоганят нашу святую веру.

— Нельзя протестовать против того, о чем не имеешь понятия. Пусть мулла, который тебя настроил, читает свои молитвы и не сует нос в другие дела.

— А почему бы его и не послушать? Он слуга божий.

— Байский слуга! Ты лучше скажи, сколько раз тебе пришлось досыта поесть за свою долгую жизнь?

— И это было, сын. Все было.

Старик задумался. Нахлынувшие воспоминания оживили его. Перестала трястись голова, в глубоких глазницах блеснули жизнью глаза. Он с удовольствием потер руки, иссушенные временем и работой, произнес:

— Ведь лет двенадцать уже прошло с того времени, как бай Максуд брал себе третью жену. Богатый, очень богатый был той. Гости приезжали со всей округи. Только [illegible] голов была съедена. Считать-то мне [illegible]. Как в помню о тое, так до сих пор вкус [illegible]. Накормил меня, правда, не хозяин, а повар [illegible] подносил. Для бедняка не важно, кто угощал, [illegible] досыта.

Старик замолчал. Пожевав губами и повернувшись к снохе, сказал:

— Бибисара, согрей чаю.

— Мы, наверно, не скоро попадем на такой тон к баю, — заметил Оразбай. — Значит, вспомнить нечего будет. А в колхозе, может, заживем лучше. Дехкане говорят.

— Детей жалко! — крикнула из своего угла Бибисара. — Надо записаться в колхоз.

Разговор мужа с отцом пробудил в ней надежду на перемены. И она, не имея еще ни малейшего представления о том, что такое колхоз, поверила в него. Очень уж плохо ей было всю жизнь.

Оразбай посмотрел на жену с удивлением и скрытой радостью. Но для порядка все же сказал:

— Не женское дело, Бибисара, вмешиваться. Сходила бы лучше дров принесла. Видишь, кончились.

Старик произнес:

— Ты взрослый, сын. Сам решай.

Поднявшись с пола, хлопая галошами, одетыми на босые ноги, прошел в свою часть комнаты. Близилось время вечерней молитвы.

19

Батыр работал в саду. Об[illegible], готовя к укладке на [illegible] виноградник.

Иней с утра посеребрил [illegible]. А сейчас, когда [illegible] полдень и поднялось [illegible] уже ласкали спину. Воздух был свеж и [illegible]. Похрустывала под острым ножом лоза. Батыр [illegible] работой, если она ему нравилась. Вот и теперь [illegible] особенно осматривал [illegible] ветвь, выбирая два-три [illegible] вильных побега, остальные срезал.

Из дома вышел Талас. [illegible], не спеша приблизился. Присел около Батыра, стал [illegible]

— Не режь эту ветку, Батыр-ага. Оставь!

Талас опоздал. Под[illegible] побег упал на землю. Батыр не ошибся: урожай [illegible] не пострадает. Количество кистей на нем, [illegible], зато они будут [illegible] нее. Батыра удивило обращ[illegible], им обычно пользовались в тех случаях, если хотели подчеркнуть особое уважение к человеку.

Его эта перемена в Таласе [illegible], но он не подал вида. Принялся прикапывать [illegible]. Талас вдруг изъявил желание ему помочь. Он, пригибая к земле, удерживал упругие ветви, чтобы не распрямились. Быстро росли земляные холмики.

После полудня Талас пригласил Батыра к себе домой. Подобная честь оказывалась работникам не часто.

Батыр прошел вслед за хозяином по полутемному коридору, согнувшись, пролез в маленькую дверь и оказался в [illegible]кой, по длинной комнате, похожей на коробку.

Стекла в единственном окне комнаты были грязным [illegible] ним ползало множество вялых, полусонных мух. Отогрева[illegible] на солнце, они начинали летать, наполняя все вокруг [illegible] тонным жужжанием. В несколько рядов мухи облепили [illegible] лезный прут, вделанный в потолок, на котором висела [illegible] линейная лампа под зеленым эмалированным абажуром.

Вошла жена Таласа. В платке, сползшем до бровей, [illegible] ливая и угрюмая. Она внесла угощение.

— А ведь давно ты у меня работаешь, Батыр. И я тебя [illegible] когда, кажется, не ругал. Я к тебе всегда относился с [illegible]

уважением. Вспомни, Батыр?.. И платил тебе хорошо. Так что зря ты иногда на меня был сердит. Теперь подарок, Батыр-ага, тебе хочу сделать...

Талас попытался оценить, какое произвел впечатление. Но Батыр оставался почему-то безразличным. Хотя, нет! Вон в глазах его появились смешливые огоньки. У Таласа первно задергалась щека, он отвел взгляд.

Подавив накипевшую злобу, Талас миролюбиво спросил:

— Хочешь хорошо жить?

Батыр согласно кивнул головой.

— Я тебе помогу в этом. Кроме подарка, дам еще десяток баранов, лошадь, корову...

— Боитесь, что отобрать могут?

— Батыр-ага, не надо сердиться! Я хочу сделать как лучше. И тебе помочь. Ты потом с Шукуратом поговоришь. Тебя он послушается. Еще кое-кого из дехкан на свою сторону склоним. И колхоза в ауле не будет.

С железного прута сорвался муха. Она ударилась об абажур и, отскочив от него, уселась на чан к Батыру. Он отставил пиалу в сторону.

— Ну, зачем нам колхоз? Разве плохо нам было?

Батыр провел по лицу ладонями. Это означало конец чаепитию.

— Многословие хорошо только в молитве, — сказал Батыр. — Скот у тебя брать не буду. А что живут дехкане плохо, — известно всем.

Захлопнулась за Батыром дверь. И Талас тотчас с силой швырнул вслед ему пиалу. Зазвенев, рассыпаясь по полу, осколки.

— Будь ты проклят, нищий бедняк! — процедил сквозь зубы Талас.

В комнату тихо вошла жена, принялась подбирать разбитую пиалу, боясь взглянуть на разгневанного мужа.

20

Всю свою жизнь Талас стремился к богатству. «Кто богат — тот силен», — считал он. А теперь выходило, что поговорка-то устарела.

Талас понимал, что с каждым днем теряет он былую власть над людьми. Даже самые робкие и покорные дехкане старались обойти его стороной, а если уж случалось столкнуться лицом к лицу, то здоровались с явной неприязнью, неохотно. И все-таки Талас еще надеялся...

От Ырзы он узнал: назначено собрание, на котором будут записывать в колхоз и выбирать председателя. Талас этим за-

интересовался. Он поднял голову, оглядел сперва небо, сплошь обложенное тучами, затем потемневшие от избытка влаги деревья и громко крикнул:

— Ырза! Ты скоро управишься там, несчастный?!

Работник находился на скотном дворе. Через маленькое оконце, прорубленное в толстой сырцовой стене, он выбрасывал наружу навоз.

Приставив к дверям вилы, Ырза неторопливо приблизился к Таласу. Рукава камзола у него были перепачканы до локтей, на коленях тоже зеленые пятна. Облезлый малахай выпачкан навозом.

— Завтра сходишь на то собрание...

— Записаться в колхоз? — оживившись, наивно спросил Ырза.

— Я тебе запишусь! Ты только скажешь народу, что я, Талас, могу, если, конечно, они пожелают, быть у них председателем. Понял? Скажешь, что Талас хозяйство вести умеет. С ним, мол, дехкане не пропадут. Понял?

Ырза, озадаченный неожиданным поручением, сдвинул на затылок шапку, кусок навоза упал ему под ноги. Он внимательно глянул на него и стал ковырять в уже негнущимся грязным пальцем.

— Если ты очень постараешься, то сделаю большой той. У тебя, наконец, будет семья, [illegible] свое на этот раз сдержу обязательно.

Талас был доволен. Лучшего не придумать. Он, конечно, первым, для примера, отдал в колхоз и свой скот, пусть поносится вместе с дехканским. Но когда дехкане переругаются, начнут из колхоза уходить — Талас в этом был уверен — легко можно будет забрать все обратно.

21

В кабинете секретаря райкома партии — массивный стол и дорогие кресла с резными ножками, доставшиеся в наследство от уездной канцелярии. В комнате тихо, кирпичные стены прочного старого дома глушат все звуки улицы. А в окно видно, что поселок живет шумной жизнью: катятся арбы, палками торопят своих ослов погонщики, снуют пешеходы.

Карим сегодня хмур и задумчив. Дел, столько дел! Это рождает чувство постоянной озабоченности, а порой неуверенности в своих силах. Вчера он вернулся из длительной поездки по аулам района. Больше десяти лет прошло с того времени, как установлена советская власть, а дехканин еще живет в нужде. Земли получил, а обрабатывает ее плохо, с превеликим

ми трудностями. Не хватает тягловой силы, нет мочи в одиночку бороться с засухой. Да, колхозы нужны. Они помогут сломить и деревенского кулака — самого безжалостного эксплуататора. Это, понятно, вызовет вспышку недовольства, классовая борьба обострится. Значит, надо быть готовым ко всякого рода неожиданностям, усилить революционную бдительность.

Со скрипом приоткрылась дверь. В щель втиснулась голова заведующего общим отделом райкома. Вид у него встревоженный. Округляя глаза, он произносит испуганно:

— Иванов из обкома.

— Василий? — Карим в радостном удивлении привстал. — Зови! Пусть зайдет.

Ему вспомнились годы гражданской войны и веселый русоволосый друг Вася. О том, что Василий теперь работает в обкоме, Карим узнал недавно, встретиться им пока не доводилось.

В кабинет вошел высокий и плотный мужчина в полувоенном френче. Очень спокойный взгляд, серые глаза. На лбу глубокие борозды морщин, а две складки, залегшие рядом с уголками правильно очерченного рта, придавали его красивому лицу суровое выражение.

Карим — нетерпеливый, порывистый — так и выбежал из-за стола. Да, перед ним был Василий! И все-таки где-то в подсознании он огорчился от того, что друг его так изменился. Память не хотела считаться со временем. Вспомнилось давнее.

...Устало ступают кони. В такт их размеренному шагу покачиваются в седлах красноармейцы. Их пятеро. Одежда, лица людей серы от пыли. Притупляет внимание утомительное однообразие раскинувшейся равнины.

Первым едет Карим, он местный житель, а потому и ведет отряд. В седле юноша держится прямо, взгляд его задумчиво устремлен вдаль. Негромко над степью льется тоскливая без конца и начала мелодия.

Скоро две недели, как отряд не знает отдыха. Он гоняется за бандой.

По какому маршруту двигаются бандиты, никто из опрошенных сообщить не смог. Оставалось предположить, что они делают по местности большой, на несколько сотен километров, круг.

Карим оборачивается к скуластому парню.

— Вася, кони совсем устали.

Красноармеец пытается оглядеть степь.

— В том ауле, пожалуй, можно будет сделать привал. — Он показывает на серые домики и коричневые юрты, раскинувшиеся в полукилометре по правую сторону дороги.

Красноармейцы свернули с тропинки, сразу начался крутой спуск в лощину. Под копытами лошадей захрустела солончаковая корка. Тут все и увидели, что к ним кто-то бежит, размахивая руками.

Поскакали навстречу. Бежавший оказался подростком, если ему было больше тринадцати лет. Он плакал. Пытался сдержаться, и не мог. Размазывая слезы по грязному лицу, мальчонка повторял только одно слово: «Дяденьки, дяди...» Карим спрыгнул на землю, нагнулся над мальчиком, слегка встряхнул его за плечи.

— Ну, брось хныкать, рассказывай поживей.

— У н-нас басмачи! Па-алу во двор вывели, палками бьют...

Карим, быстро выпрямившись, оглядел товарищей.

— Сколько их в ауле? — спросил Василий.

Глаза его прищурились, дыхание участилось. Он уже чувствовал запах близкого боя.

— Много.

— Сколько?

Мальчик, подняв вверх обе руки, растопырил на них пальцы. Он, очевидно, не знал счета.

— Десять!

Теперь все повернулись к Василию, который командовал отрядом. Он должен был принять решение.

— Бой примем.

В этот момент со стороны аула до красноармейцев донесся топот коней и нестройные крики. «Ал-л-а-а! Ал-ла-а!»

— Опередили!

Красноармейцы выскочили из лощинки и увидели, что, растянувшись цепочкой, на них несутся всадники. Впереди, намного оторвавшись от своих и часто на них оглядываясь, скачет богато одетый, по всей видимости, главарь.

«Сомнут они нас, порубают», — с тоской подумал Василий. Расстояние быстро сокращалось. Он уже видел рты, широко раскрытые в крике, округлившиеся глаза всадника, скачущего первым. То был момент предельного первого напряжения.

И вдруг бандиты почему-то стали сдерживать своих коней. А передний этого вовремя не заметил и продолжал нестись жаться к красноармейцам. Вот он, привстав на стременах, вытянулся, поднял над головой кривую саблю.

Василий, перекинув клинок из правой в левую руку, дернул повод. Конь послушно повернул и оставил противника слева. Сверкнул клинок. Когда сильно дернуло руку, Василий понял, что удар пришелся в цель. И точно, всадник, схватившись за голову, стал медленно клониться в седле. Остальные

бандиты, не приняв боя, поспешно развернули коней. И два отряда вскоре вытянулись в линию. Сбоку, упав на луку седла, истекая кровью, продолжал скакать курбаши.

До басмача, которого Василий решил настичь, остался десяток метров. Василий уперся взглядом в его согнутую спину. Бандит, будто почувствовав это, быстро оглянулся. Лицо исказила гримаса страха. Он поднял руку с тяжелым маузером. Над головой Василия с визгом пронеслись пули: одна, вторая, третья... Он прижался к шее коня, но преследования не оставил. Вот до бандита три, два метра. Быстрый взмах шашкой, и конь, испуганно заржав, несется в степь без седока.

Кони у красноармейцев утомлены длительным переходом, и басмачи отрываются от преследователей. Ясно, что дальнейшая погоня бесполезна.

Тогда Василий поднял вверх руку, все остановились сразу. Красноармейцы рвут из-за спины винтовки, стреляют. Но пули не находят цели: трудно попасть в всадника, скачущего галопом.

Догорает багровый закат, на землю опускаются сумерки. Там, куда ускакали басмачи, клубится облако пыли. И ни звука кругом. Временами у кого-нибудь звякнет уздечка да глубоко вздохнет конь.

...Карим и Василий обнялись. Потом, отступив, глянули друг другу в глаза. И время, казалось бы отступило, друзья вновь почувствовали себя молодыми.

22

В комнату набилось столько людей, что стало душно, запахло потом. Дехкане негромко переговаривались, ждали приезда секретаря райкома, чтобы окончательно решить давно волновавший всех вопрос.

Карим приехал не один. С ним вместе в комнату вошел голубоглазый русский. Дехкане сразу обратили внимание на то, что виски его были белые от седины.

Первым выступал секретарь райкома. Он говорил о том, что страна испытывает трудности в производстве зерна и хлопка. И только колхозам будет под силу купить у государства машины, с помощью которых можно в короткие сроки обрабатывать большие участки. Тогда повысятся урожаи, и все, кто прилежно станет трудиться, получат хлеба в избытке.

Говорил секретарь убедительно, и дехкане жадно ловили каждое его слово.

Составили список колхозников. В нем оказались все присутствующие на собрании. А когда дошло до инвентаря и скота,

что дехкане должны были передать колхозу, без спор[illegible] обошлось.

— Мне предлагают привести в колхоз лошадь и дву[illegible] нов, а Батыр омача не имеет! — крикнул Еримбет, [illegible] ный худой дехканин. — У бая берет для пользования. Где [illegible] тут справедливость?

На разгневанном лице его выступили красные пятна. И как ему не волноваться, [illegible] недоедал, копил деньги, и, наконец, приобрел лошадь...

— Надо создать [illegible] лос другой дехкан[illegible] — [illegible] туда имущества, а [illegible].

Карим глянул на Василия. И тот, согласно кивнув головой, поднялся.

— Тут предложили батраков и бедняков-безлошадников отделить от дехкан, живущих [illegible]. Смогут ли они тогда обрабатывать землю? Нач[illegible]-нибудь новую, счастливую жизнь? Да не видать им такой жизни. Значит, опять будут в деревне люди, перебивающ[illegible] воды на сухой кусок.

Выступал Василий на род[illegible]зыке дехкан. Сперва это их удивило. Но вот они стали р[illegible]о прищелкивать языками, раскачиваться, выражая ора[illegible]ру свое одобрение.

— Скажите, разве пло[illegible] работают те, кто не имеет в хозяйстве коров? Разве они ленивы? Нет, дело обстояло не так. На их труде, на их п[illegible] бан и муллы. Сейчас советская власть [illegible] работайте сообща, [illegible] ше не было ни б[illegible] хорошо... Уже сейчас [illegible] дется отобрать рабочий [illegible] шемся положении [illegible] правильным [illegible]

Прочитав спи[illegible] дехкан, вступивших в [illegible] смех и шутки внесли туда еще несколько фам[illegible] ли пропущены в спешке.

— А теперь вам, товарищи, надо, — предложил Карим, — избрать председателя. Он человеком должен быть [illegible] очень справедливым. Прошу назвать его имя...

— Талас! — быстро выкрикнул Ырза.

Он сидел позади всех, у порога.

Это было настолько неожиданно, что большинство засмеялись.

— Если лошадь привязать к кормушке осла, тот [illegible] но повлияет на ее нрав, — спокойно произнес Оразбай.

У двери завозились: Ырзу вытолкнули из комнаты

— Кулак в председатели колхоза? Нет, не подходит. Назовите другое имя.

— Батыр.

— Шамурат.

— Нет, Батыр!

— Шамурат! Только Шамурат!

Народ вмиг разгорячился. Выкрики слились в сплошной гул. И трудно было понять, на чьей стороне большинство. Кричали все. Только Джума молчал. Наконец, торопливо заложив под язык порцию табака, он проворчал: «Батыр, Шамурат. Будто других людей в ауле нет». Но тут же оглянулся, испугавшись, что его могут услышать.

Поднялся Шамурат. В нем боролись два чувства. Победило то, которое вопреки собственному самолюбию жаждет во всем справедливости. Он вытер рукавом халата мигом вспотевший лоб и сказал:

— Великое спасибо вам, дехкане, что назвали мое имя. Но будет все-таки лучше, если мы выберем Батыра. Он намного смелее меня. Значит, за колхоз постоять сможет.

Батыр не предполагал, что когда-нибудь ему будет оказано такое доверие в ауле, в котором он не родился. Правда, в жизни он руководствовался всегда только совестью: как она подсказывала, так и поступал.

— Батыр-ага, — услышал он, словно издалека, голос секретаря райкома. — Пройди вперед. Пусть все хорошенько взглянут на своего председателя.

Десятки глаз, словно впервые, устремились на него, широкогрудого, высокого. Взгляды дехкан потеплели. Они как бы говорили ему: «Мы на тебя надеемся. Смотри не подведи. Будь стойким. Не склоняй головы перед невзгодами. А они могут быть в любом, даже простом деле».

Батыр, неожиданно сдернув с головы шапку, низко поклонился дехканам.

23

Оразбай через определенные промежутки времени поднимается с одеяла, расстеленного на земляном полу, глядит в окошко. С его лица не сходит выражение глубокой печали. Тяжело, очень тяжело вести со двора лошадь, кормилицу семьи, отдавать ее неизвестно кому в руки.

Оразбай ждет, кто будет первым. А улица будто вымерла, даже мальчишек не видно.

И в душу дехканина вдруг закрадывается беспокойство. Что, если передумали люди? В жизни тогда ничто не изменится. Из-

[illegible]ельный труд на пустой желудок да постоянные мысли о куске хлеба снова будут его неизменными спутниками. Все это казалось настолько страшным, что Оразбай вскочил с [illegible]. Еще раз, прижавшись к стеклу, посмотрел на улицу. Пусто.

Тогда Оразбай торопливо вышел из дома. В сарае [illegible]щими пальцами освободил конец веревки, [illegible] была привязана лошадь. Похлопал ее [illegible], [illegible] привычным движением гриву, погладил и [illegible] двор.

В дверях дома Оразбай [illegible]. [illegible] Ба[illegible] текли слезы. Она вытирала их [illegible] широкого платья.

Оразбай вел по улице [illegible]. Пусть [illegible] дят, — думал он. — Пусть [illegible], что Оразбай [illegible] душой тянется к новой [illegible]. [illegible] передает [illegible] собственность»

Кончилась улица, а [illegible], Оразбай [illegible]. Немного подумав, он [illegible], к Батыру, [illegible] председатель. Вон его [illegible]. В стороне стоит, за [illegible].

Едва успел Оразбай [illegible] петлю на [illegible], вбитый в землю [illegible], как появился Батыр. Не скрывая радости, он [illegible] Оразбаю, затем принялся расспрашивать о [illegible] в семье. И только [illegible] полнив этот обычный [illegible], похвалил.

— Молодец, Оразбай! [illegible] мужчина, первым сдержал слово.

Оразбай промолчал. [illegible] состоянии он был сейчас разговаривать с Батыром. Ра[illegible] честно выполненного долга и чувство жалости по утра[illegible] собственности — все смешалось в его сознании.

— Куда нам поставить [illegible]? — вдруг спросил Батыр — У меня для нее нет даже [illegible].

— Давай выберем место. [illegible] придется строить в первую очередь. Ничего, все вместе быстро поднимем. [illegible] дехкан не захочет, чтобы его [illegible] страдала.

Оразбай шел за Батыром [illegible], заложив [illegible] спину, — в них был повод. И когда ощущал на [illegible] дыхание лошади, да еще [illegible] прикасались ее [illegible] лицо морщилось, словно от боли. [illegible] предстояло отдать в люди, воспринимал он эти дружеские [illegible] косновения.

Миновали пашню, пошли напрямик к большому [illegible]. Ничто [illegible] ногами захрустели сухие кустики полыни. [illegible] редких побегов джингила, не привлекало взгляда.

— Привяжи пока лошадь хотя бы к кусту, Оразбай [illegible] будем строить. Сегодня начнем. Главное, что вода [illegible]. А придет время, деревья вокруг насадим. Сад [illegible]

Оразбай решил вернуться в аул, чтобы, захватив из дома лопату, без которой не обойтись, сразу же приступить к строительству. Навстречу стали попадаться дехкане, которые тоже вели скот. Оразбай каждому, с ненужными подробностями, объяснял, как добраться до будущей [illegible]. Дехкане глаза отводили в сторону, на Оразбая старались не смотреть. Не хотели, чтобы он видел смятение в их взглядах.

24

Доверие дехкан, избравших его в председатели, настолько взволновало Батыра, что он ни на минуту об этом не мог забыть. Но думал он не о власти, данной ему, не о почете, который принесла высокая должность, а о широком круге новых обязанностей.

Впереди было много дел, [illegible] забот, огорчений, так как колхоз пока существовал лишь в протоколе, отразившем волю дехкан. Его имущество насчитывало семь лошадей, три коровы и овец десятка [illegible]. Все это накануне передали Батыру.

Он чаще и чаще стал обращаться в мыслях к совету того русского, что был на собрании. Да, тягло придется забрать у богатых... Батыр вспоминает [illegible] коровник Таласа. Несколько пар гладких волов лениво хрустят там стеблями джугары, пугливо косятся выпуклыми глазами коровы. Вот за перегородкой слышится ржание лошади, затем она сердито бьет о землю копытом. До мелочей все тут знакомо Батыру. Если бы не его труд, не нажить столько Таласу.

«Завтра соберу дехкан, — решается Батыр. — Возьмем скот у Таласа».

Алима подала ужин, присела рядом. Она стала особенно внимательна к Батыру, предупреждает малейшее его желание. Но он погружен в свои мысли настолько, что ничего не видит. Наконец, Батыр, заметив жену, говорит:

— Тяжело расставаться с тем, к чему прирос душой. А Оразбай сумел, первым привел свою лошадь. Ценить и понимать надо такие поступки. Оттого мне и страшно становится. Вдруг не оправдаю надежд односельчан? Пугает не работа, с ней справлюсь... Хватит ли у меня ума, способен ли повести народ за собой к новой жизни? Достоин ли оказанной чести?

Алима молчала. Не нужны слова, когда одобрение жены, поддержку, веру и еще многое другое Батыр мог прочитать в ее взгляде.

Быстро стемнело. Алима засветила лампадку. Разбежались от нее тени, но светлее не стало.

— Скажи мне, Алима, всегда ли честно мы жили? Может, случалось, что я делал людям плохо?.. Женщины в этом разбираются куда лучше мужчин, потому и спрашиваю?

— Не помню. Мы всегда хотели помочь тем, кто беден и голоден.

— Еще беспокоит меня... Сумею ли постоять за народ так, как за самого себя? Хватит ли сил, когда надо будет быть твердым?

— Ты у меня смелый и сильный, — ответила Алима. — Ты сможешь.

25

Пожалуй, ничего больше так не хотелось Таласу, как вернуть привычный уклад жизни. А он расползался, словно изношенная рубаха. Талас мрачнел день ото дня, перестал выходить на улицу, чтобы не показываться на людях. Пристрастился к кокнару[1].

Вот и сегодня он полулежал на подушках, не спеша готовил себе напиток в большой [illegible] пиале. В комнату вошел мулла. С величайшей осторожностью снял новые галоши, поставил их у порога. После [illegible] и смиренно опустился на край ковра. В глазах его [illegible] жадный блеск. Он как не мог оторвать взгляд от пиалы с [illegible] жидкостью, что была в руках у Таласа.

Талас никогда не скупился на угощенье мулле. И не потому, что верил в загробную жизнь или в священную книгу — коран. Он руководствовался [illegible] расчетом. Если священнослужитель будет рассказывать всем о его щедрости и добропорядочности, тем самым он уже оправдает свой плов.

Талас крикнул жене. Она принесла вторую пиалу. Хозяин поднялся, достал из сундука узелок с толченой маковой кожурой. Взял из него щепоть и, стряхнув лишнее, высыпал в пиалу с водой. Протянул гостю.

Гость и хозяин сосредоточили внимание на приготовлении напитка. Размоченная кожура растиралась пальцами, [illegible] лась. Затем она снова мокла. Все это повторялось много раз, пока вода не приобрела цвет крепкого кофе.

— Жизнь-то снова меняется... — прервав молчание, [illegible] мулла. — То революция, теперь вот колхозы... Как все [illegible] не пойму. Одно чувствую: не приведет это к добру.

---

[1] Кокнар — настойка из сушеных головок мака. Употреб[illegible] наркотическое средство.

обычаи, привычки, на которые ушли столетия молитв и послушания. Коран справедливо толкует, что все новое противно желанию аллаха.

— Колхозы меня лишат земли, батраков... А тебе убытка от этого немного. Десятину[1] свою, если постараешься, ты всегда заберешь, — сказал Талас и зло засмеялся.

Мулла считал себя воспитанным человеком, он не стал перечить, хотя и обиделся. Тяжело вздохнул, выпил [illegible] чашки.

С того дня, как в ауле эти [illegible] заговорили [illegible], Талас постоянно ломал голову над тем, как бы [illegible] этого шага односельчан. Осторожный по натуре, он [illegible] ждал. А с муллой можно говорить откровенно.

— Старики в ауле — величайшая [illegible], — произнес Талас.— Хотя ушли в прошлое времена [illegible] и всеми делами верховодит молодежь, к мнению людей, умудренных годами, все же прислушиваются. Если бы вы их собрали, убедили, что эти новшества в обработке земли приведут к одному — разрушению святейших основ религии Магомета и что поэтому всячески надо препятствовать обществлению... Я бы перед вами в долгу не остался.

Случись этот разговор в другой обстановке, при свидетелях, мулла уклонился бы от ответа. Очень боялся он проявлять открыто враждебную настроенность к власти. Но Таласу можно довериться, да и опиум уже начал действовать.

— Я выполню вашу просьбу. Не одни старики, а все, кому дорог ислам, будут вместе с нами, — поклялся мулла.

Надежда, сладостная надежда, что все останется, как прежде, вспыхнула с новой силой в опьяненном сознании Таласа. Нет, не могут измениться дорогие сердцу устои. Богатство во все времена было и будет источником могущества.

С улицы донеслись до сидевших в затемненной комнате оживленные голоса людей. Они вскоре переросли в шум, который неумолимо нарастал, надвигался. А мулла с Таласом, развалившись на ковре, продолжали предаваться грезам.

В комнату вбежала жена Таласа. Дернув за рукав мужа, она испуганно произнесла:

— Люди идут к нашему дому! Они выкрикивают угрозы. А впереди них — поденщик Батыр...

Вздрогнул Талас, лицо стало белее муки. С трудом поднялся. А с улицы доносилось:

— От нас не спрячешься. Выходи-ка! Судить тебя будем.

---

[1] Десятина — десятая часть урожая, которая отдается в пользу духовенства.

Вскоре после создания колхоза в ауле открылась еще [illegible] школа.

Дождливым днем по разбитой сельской дороге, мимо в беспорядке разбросанных домов прошагал паренек. Одет он был в новые сапоги, городского покроя куртку с меховым воротником, очень редким по тем временам, на голове желтая шапка из каракуля [illegible]. Паренек постучался к Сар[illegible]

С радостью встретили старики [illegible] своего младшего сына, вернувшегося в аул учителем.

У них Нарбай отдыхал [illegible] ночь. Утром он уже ходил по аулу, переписывая детей школьного возраста. Ему [illegible], как учебный год уже начался.

С [illegible] ребятишек молодого учителя не [illegible] без угощения. Но Нарбай, [illegible] лепешек, садиться за дастархан отказывался.

В большом [illegible] Еримбета он никого из взрослых не застал. [illegible] девочка лет девяти качала [illegible] которого она держала на руках, а третий ползал по одеялу у ног.

— Ты будешь ходить [illegible] — ласково спросил Нарбай, присев перед ней на корточки.

Девочка пыталась ответить, [illegible] от волнения слова не могла выговорить. Тогда она [illegible] головкой, настолько велико было ее желание учиться.

Тут Нарбая кто-то схватил сзади за шею, повалил на спину. Он попытался подняться, но не смог. Когда падал на спину, увидел перед собой морщинистое лицо и злые-презлые глаза старухи. Нарбаю надо было крикнуть, но он не смог. Цепкие пальцы все сильнее сжимали горло. В глазах поплыли, расширяясь, фиолетовые круги.

— Заповеди Магомета забыли, будьте вы прокляты, — шипела обезумевшая старуха. — На путь неверия детей толкаете! [illegible]

Это была мать Еримбета.

Помощь к Нарбаю пришла, когда он потерял сознание. [illegible] невестка вбежала в комнату и оторвала от него свекровь. За [illegible]

Вот так у Еримбета Нарбай задержался подольше. [illegible] который приготовила молодая хозяйка, он убежденно говорил:

— Учить детей, Зибагуль, просто необходимо. Ну, что такое неграмотный человек? Это слепой, который палкой ощупывает перед собой дорогу. Ему все время надо беспокоиться, чтобы [illegible]

упасть в яму. Поэтому советская власть настойчиво зовет нас к жизни культурной. Хочет, чтобы мы все зрячими были. Не пайти, пожалуй, Зибагуль, такой матери, которая пожелала бы своего ребенка слепым увидеть?

А в углу плевалась старуха. Зибагуль, строго посмотрев на нее, сказала:

— Ладно, дочь моя пойдет в школу. А по хозяйству мы со свекровью сами как-нибудь управимся.

Потом Нарбай уехал из аула в город. Пробыл там два дня, а на третий пара больших телег, запряженных верблюдами, уже приближалась к аулу. На телегах лежали ученические парты.

Школа разместилась в доме Таласа, в одной из самых больших его комнат. Все то и утрам сбегались сюда дети. Нараспев они зубрили буквы алфавита. Даже немой подросток, раньше днями слонявшийся по аулу, выводил теперь палочкой на пыльной дороге какие-то знаки, отчасти напоминавшие буквы, и радостно при этом мычал. Он, как мог, подражал своим товарищам, которых в игре у[illegible] новая, незнакомая игра.

27

Это случилось на исходе [illegible] в соседнем ауле. Происшествие взволновало округу своей жестокостью, потому и рассказывали о нем с дрожью в голосе. День, предшествовавший преступлению, выдался ненастным. К вечеру ветер усилился, поднялась настоящая буря. Завывало в трубах, в стекла бился песок. Тучи и пыль закрыли звезды, на улице потемнело, вытянутую руку не было видно. Нехорошая, дурная погода. В такую ночь, если не гонит необходимость, люди стараются быть дома.

Но тот, у кого созрел преступный замысел, именно такую ночь выбирает для его осуществления.

Засветло загоняют колхозный скот на площадку, обнесенную глинобитным забором. Боятся пастухи, что в темноте коровы могут забрести по памяти к прежним своим хозяевам. Вместо ворот загон заставляется несколькими скрепленными жердями. Животные отодвинуть их не догадываются. Сторожа нет. Люди всегда излишне беспечны.

Глубокой ночью на скотный двор, приподняв легкую решетку, проскользнули двое. Первый, почти на ощупь, пробрался на середину двора. Второй, трусливо оглядываясь, устремился ближе к забору.

— Шарип, или сюда, заячья твоя душа, — кричит первый, перекрывая шум ветра.

Его не видно среди коров. Очевидно, не надеясь, что его услышат, первый возвращается, берет второго за руку.

— Байрам-ага, жалко... — шепчет тот, кого назвали Шарипом.

Он тяжело дышит. А Байрам, не обращая больше на него внимания, приглядывается к мордам коров.

— Смотри! — Байрам произносит это будто бы с гордостью. — Узнаешь?

Шарип не видит коровы. Молчит.

— Еще недавно моей была. А сколько тут других, отнятых у хозяев? Много. Твои тоже здесь. Голодранцев кормят!

Байрам гладит морду коровы. Взяв ее за рога, целует мой глаз. И вдруг, попятившись, приглушенно вскрикивает: «Да простит нас аллах!» И бьет [illegible] всей силы тяжелым топором [illegible] то место, которое [illegible]

Корова, шумно выдохнув, падает на колени, стукается о землю мордой, [illegible]

Один за другим сле[illegible] удары. Коровы мычат, жалобно блеют овцы, почу[illegible]. А Байрам носится по загону как обезумевший, бьет животных по спинам, ломая хребты.

Шарип в страхе бе[illegible] воротам. Ему хочется побыстрее выбраться со двора, он [illegible] решетку. Уцелевший скот устремляется в степь.

Байрам [illegible]

— Трус! Что ты [illegible] по башке стукнуть бы надо!

Шарип [illegible] Он-то знает, что Байрам может угрозу [illegible] минуту.

— Бежим к [illegible]!

Они отвязали от кустов джингила укрытых в поле лошадей, вскочили в седла. Когда отъехали на порядочное расстояние, Байрам произнес:

— Ну, ничего, на первый раз и этого хватит.

Ехали они долго. Наконец, справа от дороги в предрассветной мгле проступили очертания дувала, за ним шумел листвами сад.

— Слезем, — сказал Байрам.

Расседлали лошадей. Подхлестнув, отпустили их, а седла и сбрую перебросили через глинобитную стену.

В город вошли, когда совсем рассвело. Дома и сады, обнесенные дувалами или колючим кустарником, чтобы не забрела чужая скотина, были настолько похожими, что трудно отличить один от другого. Поэтому на базарную площадь выбрались они не скоро. Байрам, оглядевшись, свернул в одну из многочисленных

ных узких улочек, веером разбегавшихся от базара. Шарип послушно пошел следом.

— Я никогда у него не был. Запрещено к нему заходить, — сказал Байрам. — Но живет он здесь, и идти нам больше некуда. Только, он может дать адрес, где будем отсиживаться.

Байрам остановился у окна, обеленного в отличие от других широкой полосой извести, стукнул в переплет рамы раз и еще через равные промежутки два и три раза.

Не прошло и минуты, как из ворот вышел довольно молодой человек, лицо которого рассекал глубокий шрам.

Пока обменивались по-восточному длинными приветствиями, Даулбай холодно ощупывал гостей единственным глазом.

— Привет вам от тетушки Алимхан, — наконец, произнес Байрам.

— Что ж, заходите...

Пароль, казалось, не произвел на хозяина дома никакого впечатления. Можно было подумать, что он его не расслышал.

Комната, в которой жил Даулбай, выглядела скромно. Земляной пол застлан грубой кошмой, в углу растрескавшийся сундук с несколькими потрепанными одеялами. На окне выгоревшая до желтизны занавеска. Вещи эти, вероятно, оставили одинокому квартиранту сердобольные хозяева дома.

Гости присели на кошму, а Даулбай остался у двери.

— Чаю не будет, — сказал он. — Я живу на квартире, и не следует, чтобы вас здесь видели. Говорите. И не забудьте объяснить, как попала на вашу одежду кровь.

Байрам, с уважением отметив наблюдательность Даулбая, подробно рассказал о побоище, устроенном в колхозном загоне.

— Что вы думаете делать дальше?

— Бороться! Мы хотим бороться. Вы обязаны помочь нам найти соратников.

— Хорошо. Подумаю, как помочь, а сейчас мне пора на работу. Хлеб в сундуке. Сотрите следы крови. Выходить не следует. Я вас запру на всякий случай.

На дверь Даулбай действительно повесил ржавый замок в виде подковы и направился к почтовой конторе, где он служил. Из-за раннего времени здесь еще не было никого. Повернувшись к окну, из которого была видна и улица, и вход в помещение, Даулбай принялся рассматривать прохожих и все-таки не заметил, как появился начальник почты. Полный, неторопливый в движениях мужчина.

— Грустишь, Даулбай, — добродушно пробасил он. — Жениться тебя надо, вот что...

Даулбай ответил на шутку смехом.

[illegible] вас, аксакал, дожидался. Сходить бы надо, раз[illegible] [illegible] Путаница с райздравом вышла, чe все газеты [illegible] [illegible].

— Сходи. Какой может быть разговор

Даулбай, проходя мимо райздрава, даже не повернул головы в сторону этого учреждения. Ему надо было быстрее [illegible] лепящиеся друг к другу строения. За городом вздымался желтый холм, да [illegible] Вершину его венчали два [illegible] ниже опоясывала холм крепостная стена. Темный провал [illegible] обращен к городу. Крепость называли Ишан-калой. Ра[illegible] обитали различного рода служители [illegible] Теперь [illegible] ство [illegible] камыш, а [illegible] время [illegible]

А [illegible] арабской вязью [illegible] а может, [illegible] Красноватая глина, из которой он[illegible], с одинаковой стойкостью переносила и тропическую [illegible] и зимнюю стужу. Многие не отказались бы [illegible] найти ее в округе не удавалось [illegible], что привозила ее издалека на арбах, а замешивали на верблюжьем молоке...

Даулбай уверенно ориентировался в лабиринте коротеньких туннелей. [illegible] видно, что здесь он не в первый раз. Вот он глянул через рассохшуюся дверь в полутемный зал медресе. Но там никого не оказалось. Дальше пошел он уже медленнее, на лице было недоумение. Но тут показался высокий старик в круглой шапочке [illegible] служителя. Взгляд старика выражал полное отчуждение от [illegible] суеты, голова гордо поднята. Холеное лицо обрамляла аккуратная бородка. Он прошел бы мимо, не удостоив Даулбая взглядом, если бы тот сам не остановил его вопросом:

— Скажите, почтеннейший, где можно встретиться со светлейшим Ибрагим-ходжой?

Старик поглядел на солнце, ответил:

— Они в это время отдыхают в тени священных деревьев [illegible]

Даулбай знал, что могучие карагачи растут в саду. О[illegible]стро пошел нужной дорогой. В сад проник не через ворота, напрямик через провал в глинобитной стене.

В лицо пахнуло запустением. Яблони, корявые [illegible]ши стояли среди сплошной поросли молодых деревцев. На [illegible]лянах, где едва проглядывали кусты роз, господствовал [illegible]кий репейник, верблюжья колючка. Сад уже позолотила [illegible]кая осень.

С трудом раздвигая дички, Даулбай выбрался на едва [illegible]

метную тропинку, которая и привела его к большому искусственному пруду в центре сада. Четыре карагача, росшие по углам водоема, образовали над ним сплошной зеленый шатер.

В густой тени деревьев, на глиняном возвышении, убранном коврами, сидел тот, кто был ему нужен. Даулбай издали узнал его по маленькой хрупкой фигуре. Ибрагим-ходжа не спеша пил зеленый чай. Странное впечатление производили его хорошо сшитый европейский костюм и белоснежная чалма, лежавшая рядом. Прислуживал ему пожилой дехканин, загоревший до черноты, в изодранной одежде.

«Любят наши духовные наставники пожить вполне своему довольствие, — с неодобрением подумал Даулбай. — Даже в тяжелое для всех нас время не могут от этого отказаться».

Узнав Даулбая, Ибрагим-ходжа сделал попытку встать. Но передумал и лишь протянул ему руки. Потом Ибрагим-ходжа подал гостю свою пиалу. Это тоже было знаком большого расположения. После двух-трех минут молчания, необходимых при каждой встрече уважающих себя мусульман, Даулбай заговорил о деле.

— Сегодня пришли ко мне двое, — произнес он неторопливо. — Скот колхозный в загоне [illegible]. Просят переправить их на юг.

Ибрагим-ходжа довольно хохотнул, забыв о своем важном сане. Захлебываясь словами, проговорил:

— А-а, зашевелился народ! Поднимается на борьбу за святое дело аллаха. Это прекрасная весть, сын мой. Держитесь все, кто вынудил нас так долго терпеть, гнуть спину перед каждым босяком, поставленным у власти!

— Те двое из раскулаченных.

— Что? А-а... — Ибрагим-ходжа быстро потух. — Жаль... Покойники. Их быстро найдет и уничтожит милиция. Нам же надо сохранить силы до лучших времен. До восстания! Понял?

Ибрагим-ходжа вытер с лица обильно выступивший пот.

День был, правда, не жаркий, но мирские дела его взволновали.

— Действовать надо умно, на четвереньках, на животе вползать в доверие всюду. А уж тогда создавать неполадки, неразбериху, чем и вызывать народное недовольство.

Даулбай это давно и много раз слышал. Ибрагим-ходжу он недолюбливал, хоть и подчинялся ему беспрекословно. Даулбай чувствовал в нем труса, понимал, что стоит появиться малейшей опасности, как он скроется или от всего отречется. Беспокоило его сегодня другое: куда спровадить двоих, что явились к нему. Их наверняка уже ищут по всей округе.

— Как же все-таки быть с теми? — напомнил Даулбай.

— Вы очень нетерпеливы. Мусульманину это не к лицу, — недовольно проворчал Ибрагим-ходжа.

Он медленно свернул уголки дастархана и жестом приказал слуге унести его. Когда тот отошел достаточно далеко, сказал негромко:

— Ночами пусть добираются до Шах-Аббаза. В [illegible] дороге, напротив кладбища, они увидят дервиша. Надо бросить ему в чашу золотой. Дервиш не удивится их щедрости, [illegible] изнесет обычные слова благодарности: «Да не оскудеет [illegible] дающего». Они ему ответят, и дервиш поведет их туда, [illegible] следует.

Ибрагим-ходжа достал из внутреннего кармана пиджака [illegible] желую монету и лоскут голубого шелка.

— Ответ написан на шелке. Надеюсь, они грамотные [illegible] читать сумеют без [illegible] помощи.

Даулбай [illegible] Ибрагим-ходжа [illegible] юще [illegible] еще не окончен.

— Терять им нечего. Предложите поэтому зайти в дом к председателю колхоза «Минеткеш». Сильно он мешает. Лучше, конечно, без кро[illegible] Ибрагим-ходжа поморщился. — Прис[illegible] путь, дать [illegible] убрался из аула на все четыре стор[illegible] Мир велик [illegible] всем хватит. Раньше следовало бы [illegible] встретиться с [illegible]м. Он из того же аула, поможет отыс[illegible] дом. И н[illegible] ли какие возникнут осложнения. Сло[illegible] наш чело[illegible]

Даулбай с[illegible]нил в поклоне голову.

— Послед[illegible] — произнес Ибрагим-ходжа. — За тайну вс[illegible] чи со мной от[illegible]аете вы. Головой! Если я вдруг исчезну, [illegible] удивляйтесь. Зна[illegible], так надо.

Даулбай [illegible] попрощался и еще раз подумал: «Т[illegible] Едва запахло [illegible]овью, а святой отец уже подумывает о [illegible] стве».

28

Талас ложился спать в одно время с курами [illegible] часть ночи проводил без сна. Душу грызла [illegible] под школу лучшую комнату, забрали в [illegible] Правда, Талас не [illegible] в город к знакомым.

Но, пожалуй, больше всего задевало самолюбие Т[illegible] что во второй комнате дома хозяином стал Батыр [illegible] рак, а ныне председатель колхоза и первый в аул[illegible] Внесли в комнату стол, несколько скамеек [illegible] ем. Вчера из любопытства заглянул в нее Талас [illegible]

ра, сидевшего за столом. Медленно читал председатель какую-то бумагу.

Пришлось снять шапку.

— Здравствуй, Батыр,— произнес подобострастно. —Зашел посмотреть, как устроился. — При воспоминании об этом Талас поежился, повернулся, кряхтя, на другой бок. Вспомнил, с каким трудом добывал свое благополучие. А однажды... думал уже, что лишится жизни. Натерпелся он тогда страха

Произошло это тихим летним днем. Пыль, поднятая ехавшими по дороге всадниками, долго висела в воздухе. Талас с отрядом вступил в большое селенье. В нем он раньше никогда не бывал. Басмачам, уставшим от долгой езды, почерневшим от зноя, нужен был отдых. Разместились все в караван-сарае.

Талас решил пройтись. Внимание его привлек аккуратный домик с камышовым навесом у входа.

Вошел. Застал двух молодых женщин. Они испуганно прижались друг к другу. У одной в ухе блеснула тяжелая золотая серьга Талас, облизав вмиг пересохшие губы, произнес:

— Снимите свои украшения. Быстро!

Женщины исполнили приказание.

Опустив взятые у них браслеты и серьги в карман, Талас сказал, чтобы открыли сундук. Оттуда он вытянул молитвенный коврик с яркой раскраской. А когда собрался уйти, увидел в дверях ветхого старика. Расставив в сторону руки, он не хотел выпускать из комнаты грабителя.

Талас сильным ударом отшвырнул его в угол.

— Молчи, трухлявый! Пойдешь жаловаться — убью!

Старик попался настойчивый, не побоялся угрозы, пожаловался главарю шайки.

Талас слышал, как рассерженный курбаши крикнул во дворе:

— Собрать отряд!

Поведение его было непонятным Таласу. Неужели курбаши решил пожертвовать единомышленником, чтобы поддержать авторитет личный? И еще Талас слышал, как он пригласил старика:

— Идите, аксакал Узнаете грабителя —расстреляю на месте.

Холодными стали у Таласа руки и ноги, а по спине покатились липкие капельки пота Он уже считал себя покойником.

Старик Таласа узнал издали. Закричал:

— Этот! Богоотступник, бандит! Пусть будет справедливым возмездие...

Быстрым, нервным шагом приблизился курбаши. Взмахнул плетью Но ударил он не Таласа, а старика. Тот примолк от неожиданности и боли.

— И это мы за них проливаем свою драгоценную кровь — курбаши плюнул. — Талас, возьми под стражу неблагодарных. За аулом расстреляешь.

Вот тут, когда тишину разорвал хохот бандитов, Талас только и понял, что ему нечего бояться.

...На крыше в третий раз пропел петух, предвещая близкий рассвет. А Талас все думал. И уже начинало казаться, что во всех его бедах виноват один Батыр.

29

Байрам с Шарипом шли неподалеку от дороги. Боялись, что может кто-нибудь неожиданно встретиться. Часто на пути попадались заброшенные арыки через которые надо было переходить. В этих местах кустарник рос особенно густо. И когда колючие иглы вонзались в ноги, Байрам ругался вполголоса. Шарип, тяжело дыша, переносил боль молча.

— Дымком потянуло, — сказал, остановившись, Байрам. — Аул скоро.

Ветерок, дувший путникам в лицо, донес петушиные крики. Нетерпение взяло верх над осторожностью. Байрам, а за ним и Шарип выбрались на дорогу.

— Дом Таласа должен быть с краю аула, — напомнил Шарип, нагнав Байрама.

На небо к этому времени уже наползли тучи. Они заслонили звезды. Стало темно, под ногами исчезла дорога.

Впереди завыла собака. Тотчас откликнулись ей другие. Лаяли они вяло, беззлобно. По этому собачьему хору не представляло теперь труда определить расположение аула.

Талас, впустив незнакомцев к себе во двор, вначале испугался. Но быстро сообразил, что люди эти, очевидно, скрываются от властей. Значит, они скорее друзья ему, чем враги.

Талас проводил их не в дом, а в юрту, стоявшую внутри двора. Зажег лампу, достал лепешки, несколько желтых луковиц и бутылку водки. Затем он вышел на улицу. Постоял, прислушиваясь, не видел ли кто его гостей. Ласкаясь, к ногам подошла собака. Повернула голову по направлению к юрте, зарычала. Талас пнул ее в бок. Привычно пригнувшись, полез обратно в низкую дверь. Прикрыл ее за собой, накинул на крюк стальную щеколду. А жена во дворе уже разводила огонь с намерением покормить гостей.

Гостей он застал блаженно развалившимися на подушках. Худощавый и длинноликий, видимо, главный, отбивал тяжелым ножом сургуч с горлышка бутылки. Истребительное лицо его Таласу показалось знакомым. Будто где-то он с ним встречал-

ся. Другой был толст, щеки и подбородок покрывали рыжие волосы.

Байрам разлил в пиалы водку. Талас попытался отказаться, но одного строгого взгляда было достаточно, чтобы и он протянул руку к пиале.

— За здоровье и долгие годы жизни хозяина гостеприимного дома.

Выпили. Молча закусили лепешками и крупно нарезанным луком.

— Ну, и как ты тут поживаешь, почтеннейший? — спросил Байрам. — Один среди своры оборванных и голодных. Не страшно?

— Живу... Как видите, — смиренно ответил Талас.

Тут он и вспомнил о Батыре. Злобой налились глаза, покраснели. «Может, помогут? Им что: сегодня у меня, завтра уйдут дальше. А куда — кто узнает?»

— Как быть спокойным, когда колхоз под самым боком? Землю отобрали. Оставили совсем крохотный участок, сказали, что столько положено по какому-то уставу. Скот тоже там, в колхозе. Скоро, наверно, и дом отберут. Школу в ней уже открыли. Пришлось отдельную дверь себе прорубить. Всех грамотными хотят сделать...

Байрам усмехнулся. Не поднимаясь с подушек, протянул руку и снова разлил водку по пиалам.

— Пей, почтеннейший! За то, чтобы в один прекрасный день восторжествовала справедливость, чтобы вернулась привычная жизнь.

Талас схватил пиалу, судорожно глотая, осушил до дна. В голове зашумело, а лица гостей стали расплываться. Ястребиный нос Байрама вдруг приблизился, показался величиной с тыкву. Потом вновь уменьшился, напомнив о клюве ворона. Талас чувствовал теперь доверие к этим людям.

— Ну, а сам-то ты что делаешь? — спросил Байрам.

— Я? Их же много! Вот если бы помогли... Есть тут у нас один, председатель... — Талас провел пальцем по горлу и тоненько засмеялся.— Остальные не страшны. Как куры без петуха разбегутся, не отыщешь.

Шарип, который не сразу понял, о ком идет речь, удивленно посмотрел на Байрама. Тот спокойно продолжал играть ножом. Молчание затянулось, и Талас начал трезветь от испуга. Но вот Байрам поднял глаза. Они у него недобро горели.

— Сколько ты нам заплатишь? Даром переполох устраивать и рисковать своей головой я не буду.

Талас вцепился задрожавшими пальцами в бороду. Мысленно прикидывал, как бы не продешевить.

— Сто рублей хватит? — спросил он с надеждой в голосе.
— Рубли оставь себе, нам золото нужно.
Талас заколебался.
— Золото? Немного найдется.
— Ну, молодец. Неси. Сторгуемся.
— Подождите меня. Я скоро вернусь.
Талас, пошатываясь, прошел через двор к приземистому сараю. Долго не мог в темноте попасть ключом в замочную скважину. Наконец, открыл. В сарае бросился в угол. Отставил в сторону кули с зерном, поднял присыпанный землей обрубок дерева. Под ним, в яме, оказался кожаный мешочек. Талас развязал сыромятный ремень, стягивающий горловину, запустил внутрь руку. Пальцы ощутили холодок металла.
Взял он несколько небольших по величине предметов. Хотел сунуть мешок обратно в яму, как вдруг почувствовал, что в спину уперлось что-то твердое. Талас услышал сдавленный волнением голос:
— Не спеши прятать золото, хозяин. Давай полюбуемся им вместе...
Проводив Таласа до юрты и сунув под халат маузер, Байрам высыпал перед собой на кошму содержимое мешка. Вспыхнули, засверкали драгоценные камни, матово сияло золото.
— Молодец! Успел кое-что скопить, — произнес Байрам.
Талас трясся в ознобе. По осунувшемуся лицу текли мутные слезы.
— Нехорошо,— сказал Байрам,— ты, хозяин, жадный.
— Да, очень жадный, — с готовностью подлакнул Шарип, заглатывая раскрытым ртом воздух. А сам в это время думал: «Может, со мной поделится Байрам. Ведь вместе идем, одной веревочкой связаны»...
— Разве жизнь ненавистного тебе человека стоит дешевле?
Байрам собрал драгоценности, прикинул их вес на руке. Тут силы совсем оставили Таласа. Он со стоном упал на колени и все старался ухватить Байрама за ноги.
— Сжалься. У меня дети... — жалобно скулил он, слозя по земле бородой.
Байрам увидел, что пальцы левой руки Таласа крепко сжаты в кулак. Определив причину, он засмеялся, ответил:
— Хорошо, я буду великодушен.
Талас, не веря ушам, приподнял голову.
— Ha! Я оставлю тебе немного золота. Ты его держишь в руке.
Талас, недоумевая, разжал пальцы. На ладони его действительно лежали золотое кольцо, три монеты царской чеканки и

массивные серьги. Все, что он хотел отдать за убийство Батыра.

— Нам пора уходить. Спасибо за водку и ужин. Но и ты с нами пойдешь. Укажешь, где живет председатель, посмотришь, как будет он унижаться, вымаливая себе жизнь. От этого тебе полегчает... А вообще люди мы честные: раз аванс забрали, надо рассчитаться.

Талас с земли не поднялся, только сильней задрожал.

— Помоги, Шарип, доброму мусульманину.

Шарип, схватив Таласа за ворот, поставил его на ноги.

— Присматривай за ним, не следует теперь ему доверять,— предупредил Байрам.

30

— З-здесь он ж-живет, — с трудом выговаривая слова, произнес Талас.

Шарип разжал пальцы, и Талас с облегчением выпрямился. Халат перестал резать ему под мышками, шея освободилась от тяжелой руки, которая костяшками пальцев все время толкала и толкала его вперед.

Байрам постучал в дверь. Прислушался. В доме было тихо. Тогда он застучал снова: чаще и настойчивей. Наконец, внутри кто-то заходил. Байрам приготовился, оглянулся на Шарипа. И вдруг обеспокоенно спросил:

— А где наш добрый хозяин?

Таласа около них не было.

— Упустил? Растяпа ты, Шарип.

— Кто тут ругается? — спросил из-за двери заспанный голос.

— Из райкома, председатель. Открой.

С двери сняли цепочку, из темноты выступила фигура человека — вся в белом. Она показалась настолько огромной, что Байрам заколебался. Но вот он шагнул внутрь.

— Зажег бы свет, — сказал Байрам, впотьмах ступая через коридор в комнату.

Батыр принялся шарить по печи руками. Он искал оставленные здесь с вечера спички. Фитиль разгорался с треском. Узкая струйка копоти потянулась к потолку от красного язычка пламени.

Опершись на согнутую в локте руку, с постели приподнялась Алима. Из-за ее спины глянула и снова спряталась, сверкнув бусинками глаз, голова мальчика.

Батыр подошел к халату, висевшему на стене

— Одеваться не надо, — предупредив его намерение, сказал Байрам. — На тот свет в рубахе можно отправиться. Примут.

Увидев в его руке оружие, Батыр вытянулся.

— Страшно? А когда почтенных людей грабил, весело, наверно, было? Легко жить захотели?..

Байрама все больше и больше охватывала ненависть. Как тогда, в колхозном загоне, хотелось убивать и убивать.

Он впился взглядом в Батыра, поздри его искривленного носа широко раздулись.

— Не жить на земле нам вместе! Или вы нас всех перебьете, или мы...

Батыр быстро глянул в сторону окна. «Не успею», — мелькнула мысль. В дверях, прислонившись к косяку, стоял второй бандит. От Байрама взгляд не ускользнул.

— О побеге не думай — пуля догонит, — он повел маузером.— Знаешь, что такое народ? Он стадо баранов: куда погонишь, туда и пойдет... И если мы таких вот, как ты, перебьем, народ опять будет послушен.

— Снова загоните в грязь, нищету?

— Молчи!

— Сидели бы вы на нашей шее долго. Привыкли жить, не работая. Вам это нравилось.

— Убью!

С ужасом смотрел Аман на большую тень от пришельца, которая двигалась по стене. Встала и Алима, прижав к груди руки.

— Завтра ты распустишь колхоз. Сам тоже уйдешь из аула.

Перед глазами Батыра всплыли просветленные лица девчат, полные надежды и веры. Припомнилась беседа с секретарем райкома на поле. Лоб прочертили упрямые складки.

— Я этого не сделаю.

— Тогда ты умрешь.

Байрам медленно поднимает маузер, чтобы дать возможность Батыру одуматься и переменить решение. Черная дырочка ствола замерла, холодно уставилась в грудь.

— Ну?!

Лицо Батыра мгновенно покрылось потом, а морщины на лбу не разгладились. Он продолжал тяжело смотреть на врага.

У соседних домов кто-то закричал, созывая людей. Байрам, не опуская оружия, попятился к двери. Батыр с облегчением подумал: «Все, теперь он уйдет»...

Но темное отверстие вдруг дохнуло пламенем. Батыра резко толкнуло. Затем предметы в комнате завертелись, слились в сплошную серую пелену. И еще до сознания Батыра донесся крик жены. Он заставил его в последний раз вскинуть голову и открыть на мгновенье глаза. Упал Батыр на пол вниз лицом.

Алима, обливаясь слезами, бросилась к мужу. Приподняла голову, с большим трудом перевернула его всего на спину. Пальцы Батыра еще продолжали что-то искать. И, не найдя, судорожно сжались. На виске все слабее пульсировала жилка...

Лицо мужа осталось прежним. Смерть почти не изменила его. Алиме даже стало казаться, что бандиты, ворвавшиеся в дом, их угрозы и выстрел — все это лишь страшный сон. Теперь надо проснуться, только проснуться!

В комнату набились дехкане.

— Тише,— сказала им Алима, оторвав безумный взгляд от Батыра.— Он скоро встанет.

31

Телефон зазвонил во второй половине ночи, настойчиво, требовательно. Стоял он на тумбочке, у изголовья постели, но Карим никак не мог проснуться, потому что пришел из райкома поздно и лишь недавно уснул. Наконец, снял трубку с рычагов.

То, что услышал, заставило его вскочить с постели. Сна как не бывало, упрямо билась одна мысль: «Кто это мог сделать?!»

— Вызовите следователя и автомашину,— сказал Карим в трубку.

— Уже сделано,— ответил дежурный.

— Сейчас приду. Ждите.

Карим быстро оделся. Выдвинув ящик письменного стола, вытащил из-под бумаг браунинг, сунул его в карман.

На крыльце райкома его ждали: дехканин, привезший известие, следователь в брезентовом пальто с поднятым капюшоном.

Шофер заводил полуторку.

Карим забрался в кузов, чтобы расспросить о происшедшем дехканина. Но оказалось, что тот, кроме самого факта, не знает никаких подробностей.

Когда приехали, увидели у дома Батыра толпу народа.

Вперед вышел следователь. Он предложил людям выйти на улицу. Немало потратил времени, чтобы добиться от Алимы связного рассказа о случившемся. Потом он перешел в дом соседа, попросил разыскать и пригласить к нему Таласа.

Талас вошел осторожно, бочком. Встал так, чтобы свет не попадал ему на лицо. Следователь в подобных делах имел опыт. Он переставил лампу и неожиданно громко крикнул:

— Где прячешь оружие?! Говори!

Брови Таласа полезли вверх, отразив искреннее удивление.

— Что, решил отрицать свою причастность к убийству? — настаивал следователь.

— Товарищи, я хотел спасти Батыра! — произнес Талас

— Спасти? — пришла очередь удивиться следователю. — Ну, давай, выкладывай. Интересно будет послушать.

Талас понимал, что ему не верят. Одно необдуманно произнесенное слово может его погубить. Говорить поэтому он стал медленно, тщательно взвешивая фразы.

— Ночью, сегодня ночью, ко мне пришли двое... Люди незнакомые. Спросили, где живет председатель. Я сказал: там, дальше!.. Они ушли. Потом, когда я понял, что у них, возможно, плохие намерения, побежал к дому Батыра Заглянул в окно. Худой, длинный — оружие в руке держит... Я стал людей поднимать. Можете спросить.

— К кому первому ты зашел?

— В этот дом зашел. Оразбай — вот он, рядом стоит...

Оразбай подтвердил, что Талас действительно ночью постучал в окно и сообщил об опасности, угрожающей Батыру.

На лице Таласа промелькнуло подобие усмешки. Она ускользнула от следователя, но ее заметил секретарь райкома. Это подтвердило его предположение, что Талас что-то недоговаривает. А так пока все выглядело довольно странно. Раскулаченный Талас выступает в роли спасителя председателя колхоза. Надо искать тех, кто стрелял в Батыра Только тогда все прояснится.

— Как удалось бандитам так быстро найти дом председателя? — продолжал вести допрос следователь.

Талас пожал плечами: мол, не знаю.

Дверь в комнату открылась, порог переступил Джума.

— Здравствуйте,— вежливо произнес он и подал руку секретарю райкома, следователю.— Я слышал ваш разговор... — Он качнул головой в сторону двери.— Подслушивал... Вбежали к Батыру мы вместе с Таласом. Он водку пил! Я это сразу почувствовал,— Джума с присвистом втянул внутрь воздух и указал пальцем сперва на свой нос, а затем — на Таласа.

Следователь оживился. Интересно, как же теперь поведет себя Талас? Может, наконец, во всем признается.

— Выпил, потому что они заставили.

— Почему же ты сразу скрыл это? Значит, сперва они были гостями в твоем доме?

— Какие гости? Я их испугался, товарищи!

— Ясно! Таласу хочется, чтобы мы считали его совершенно непричастным к убийству,— произнес раздраженно Ка-

рим.— Пусть пока будет так. Скажи, куда могли скрыться бандиты?

Жажда мести, точившая душу Галаса, вспыхнула с новой силой. Его потянуло сказать правду, но это было равносильно самоубийству. И он сдержался.

— Слышал, что собирались идти на север. В леса, вниз по Амударье...

— Приметы! Как они выглядят?

Талас описал внешность бандитов. Говорил он сейчас правду. Это ведь не имело большого значения, так как преступников будут искать за сотни километров от мест, куда они действительно направились

Секретарь райкома, а за ним следователь вышли. Талас опустился в изнеможении на пол, закрыл лицо руками. «Неужели спасен?» — подумал он, прислушиваясь к звукам с улицы Вот до него донесся сигнал автомобильного рожка. Талас подбежал к окну и увидел машину, которая, подмигнув ему красным огоньком, скрылась в той стороне, откуда дули холодные ветры. «Слава аллаху, поверили!» — с облегчением произнес Талас.

Долго ехали по пустынной дороге. Если раньше Карим еще немного сомневался, то теперь было ясно, что Талас их обманул. Бандиты ушли, конечно, в противоположную сторону. Скорее всего, они попытаются пробраться на юг, где еще орудуют басмаческие банды.

Прошло не больше часа, как машина вновь промчалась мимо аула, громыхая на выбоинах. Порозовело небо. Светало. Обильная роса смочила траву.

Вот впереди показались две темные точки, которые вскоре выросли в фигурки людей. Путники, заметив автомашину, сошли с дороги, начали углубляться в степь.

Машина свернула за ними, но путь вскоре преградил старый арык. Еще дальше поднималась гряда сыпучих песков. Карим, распахнув дверцу, спрыгнул на землю, побежал. За спиной услышал топот ног и тяжелое, с присвистом, дыхание. Это бежал следователь.

Когда Карим взобрался на гребень бархана, визгнула пуля. Она сбила с головы фуражку. Он поднял ее, отряхнул от пыли. Выстрел был довольно метким, ведь от бандитов их отделяло не меньше ста пятидесяти метров. Карим вытащил свой браунинг, но в сравнении с маузером это была игрушка. Вперед он двинулся, пригнувшись. Бандиты, поняв, что преследователей не остановили, бросились бежать. Решили скрыться в лесу, заросли которого поднимались на горизонте.

Кариму помогли здоровое сердце и закалка, приобретен-

шая еще в армии. Он преследовал бандитов до тех пор, пока последний бандит не обхватил ствол турангила, чтобы не упасть от усталости, а второй в изнеможении лег на землю. Теперь, кажется, оставалось скомандовать:

— Руки вверх!

Он так и сделал.

Окрик вывел худого бандита из оцепенения. Он поднял маузер. Выстрелы последовали один за другим. Карим, почувствовав ожог, схватился за правую руку. Из ослабевших пальцев выскользнуло оружие.

Подоспел следователь. Увидев, что секретарь ранен, он разорвал рукав его гимнастерки и начал перетягивать платком руку выше локтя

— Берите бандита! — приказал Карим.

— Надо остановить кровотечение. А в лесу их теперь все равно не сыщешь...

Карим застонал. Не от боли, было обидно, что все эти часы нечеловеческого напряжения закончились ничем. Бандиты ушли от расплаты.

32

Завернутое в белую простыню лежит тело Батыра. Над ним на коленях Алима. Скорбно опущены худые плечи, за ночь они как-то особенно заострились.

Она вздрагивает от рыданий, причитает. В голосе глубокая, хватающая за душу тоска.

«Мой любимый не вернется,
Счастье мое не разгорится...»

С традиционными возгласами «В-в-а-ай! В-в-а-ай!» входят и входят в комнату односельчане. Мужчины садятся, опустив головы. По лицам женщин катятся слезы, они тоже всхлипывают, причитают.

Голос Алимы тоскует и стонет:

«Я была готова ко всем испытаниям,
И вот пришла беда на мою голову,
Моя опора была из золота,
Я сама выбрала себе удел, а теперь
Разлучилась я с моим беком,
И вот какова теперь моя жизнь...»

Со двора донеслось блеяние козы. Ее должны скоро зарезать на угощенье людям, пришедшим на похороны.

«Теперь разве вернутся те дни,
Когда я жила с тобой, мой бек?..»

Алима вдруг умолкла. Застыла в каком-то оцепенении. Тогда к ней подошла профессиональная плакальщица, которую заблаговременно пригласили на похороны. Она продолжила плач, запричитала столь жалобно и горько, что дрогнули, не выдержав, и сердца мужчин.

«Когда встретит тебя мой старший брат-бий,
Черный чекмень накинув,
Как черный верблюд, насупившись,
Когда скажет: «Где Батыр?»
«Сраженный единственной пулей в грудь,
За народ погиб», — ты передай.
Это известие услышав,
Бота-бий, старший его брат,
К лошади подходит поближе.
Заблестели черные глаза его
И, взяв в руки платок,
Он начинает, всхлипывая, плакать»...

Алима думала о том, что будет с ней дальше. Представила, будто сидит в полутемной холодной комнате, на коленях надрывно плачет голодная дочь, в ногах прикорнул исхудавший Аман. И не к кому обратиться за помощью. Острая боль пронзила сердце. Вскрикнув, Алима упала лицом вниз.

«За Бота-бием тюрей
Вслед пришедшие нокеры
Узнают о его печали.
К бию подходят ближе.
Но не подал вида Бота-бий.
В шалаши, поставленные Карабаем,
Не останавливаясь, он идет.
И после того, когда поближе подъехал,
Карабай, старший брат, обратился:
«Сорок нокеров благополучно ли пришли?»
Знаете ли вы известие о моей утрате?
Белого сокола я выпустил, —
Такого джигита вы видели?
Известий о нем никто не имеет?
Никто о нем не спрашивал?
Когда я, стеная, плачу.
Нет мне смерти,

Ушел мирза моего знамени,
Сломалась основа моего дома.
Из ушей серьги выпали.
После того, как пробил его час,
Бек по имени Батыр
В поход отправился одиноким»...

Надо было приступать к похоронам. К телу Батыра подошло четверо мужчин. С трудом оторвав Алиму от мужа, они вынесли покойника из дома.

Следом вышла Алима. Она протянула вперед дрожащие руки, но с места не сдвинулась: обычай запрещал идти следом. Тоскливо смотрела женщина на удаляющуюся группу людей, на хорошо видное из аула громадное дерево, росшее у кладбища, увитое черными воронъими гнездами.

33

Прошло несколько дней, и односельчане вновь собрались в дом к Батыру, на поминки. Сидели, степенно пили чай, разговаривали в ожидании горячего блюда.

Джума нетерпеливо барабанил пальцами по подошве своего старого сапога, бросал частые взгляды на открытую дверь. Где-то там у котла хлопотала хозяйка. Джуме очень хотелось поторопить Алиму, он едва удерживал это желание, судорожно заглатывал набегавшую слюну.

Алима внесла бешбармак. Две большие миски, их поставили в круг. Женщина, отойдя в сторонку, наблюдала за гостями, готовая выполнить любую их просьбу.

Лицо ее вдруг передернула судорога, задрожали губы. Чтобы сдержать рыдания, она крепко прикусила кончик платка.

— Когда умирает добрый, справедливый человек, память о нем остается. За правду Батыр смерть принял. Хотел очень, чтобы народ побыстрее зажил счастливой жизнью, — нарушив затянувшееся молчание, сказал Шамурат. И, обращаясь к Алиме, добавил:

— Рассказала бы людям о последних минутах его жизни. Пусть все знают.

В памяти Алимы вновь встала страшная ночь. Она слышит, что в дверь стучатся... Женщина, повинуясь возникшему предчувствию, не решается разбудить мужа. Слышит стук и лежит, не двигается. Может, люди уйдут?.. Искаженное злобой лицо бандита. Едва пульсирующая жилка на виске упавшего мужа

— Они требовали, чтобы колхоз Батыр распустил, — взгляд Алимы рассеянно скользит по лицам мужчин, а в широко рас-

крытых глазах глубокая боль.— Батыр не захотел, они уби-
ли его

Дехкане, перестав есть, молчат. Джума, облизав жирные пальцы, подумал, что зря завидовал Батыру, желал оказаться вместо него в председателях. «Вот так бы сидели все сейчас в моем доме. Ну, нет! Лучше прожить свой век в тени. А посе-дет борода, как у аксакала аула, старика Сарсенбая, само собой придет и уважение людей».

Джума вглядывается в лица дехкан, ему интересно узнать, кого решат они выбрать в председатели. Не каждый теперь согласится. И вообще, как в дальнейшем дехкане посмотрят на колхоз? Ведь скот снова по своим дворам развели.

— Крепко, значит, мешают баям колхозы. Как кость в горле, — сказал Сарсенбай, самый старый, самый почтенный человек в ауле.—Да-а... А я, знаете, очень не люблю баев. От них много зла на земле. Да-а... Как это у нас говорят?.. Пока народ не расположится на новой кочевке, собаки не успокаиваются. Запиши меня в колхоз, Шамурат. Будь другом...

Решение Сарсенбая было для всех полной неожиданностью. Всего неделю назад старик, когда ему предложили вступить в колхоз, ответил:

— Подожду. В народе говорят: в осторожности нет позора.

В комнату вошел Карим. Его не ждали. Дехкане усадили секретаря райкома на почетное место. С сочувствием посматривали на его руку, висевшую на перевязи, покачивали головами.

— Приехал, чтобы отдать последний долг уважения председателю,— произнес Карим.— Потом краем уха слышал, что бандитов вы здорово испугались. Из колхоза обратно все позабирали, по дворам попрятали? Талас вас благодарить еще не приходил? Придет, обязательно!

— Горько слышать твои слова,— произнес Сарсенбай,— потому что справедливы они. Видит аллах, мы виноваты, ибо испугавшийся саранчи посевов не сеет...

С большими предосторожностями пробирались дальше Байрам и Шарип. Погоня их напугала. Не окажись рядом леса, им бы не уйти.

По незнакомой дороге за ночь преодолеть больше двадцати пяти километров не удавалось. Потом Шарип стал отставать, все жаловался на усталость. Его нытье раздражало Байрама, в нем закипал гнев. Сдерживала лишь боязнь одиночества, иначе он бы высвободил душу Шарипа из этого рыхлого тела.

В дома заходили ночью. Дехкане угощали их тем, что сами имели. Нарушая правила гостеприимства, Шарип в те минуты, когда хозяева оставляли их в комнате одних, брал с дастархана хлеб, урюк, торопливо запихивал все это себе за пазуху.

Байрама коробило, но он молчал, потому что днем, когда они прятались в каких-нибудь зарослях, вместе с Шарипом поделил краденое.

Особенно трудно было переходить горы. Невысокие, они растянулись на многие километры. Темные, мрачные склоны были лишены растительности. На камне и глине не прижилась даже известная своей неприхотливостью верблюжья колючка. Редко можно было встретить и жилье человека.

Двое суток мучили Байрама с Шарипом голод и жажда. Чтобы быстрее миновать эти лишенные жизни пространства, они, пренебрегая осторожностью, шли теперь днем.

По ту сторону гор снова был густонаселенный оазис. До Шах-Аббаза оставалось совсем немного. Но вконец измученный Шарип предложил украсть лошадей или хотя бы ослов. Байрам согласился.

— В Шах-Аббаз нам надо войти днем, — сказал он. — Мы незаметно вольемся в общий поток дехкан, которые обычно едут с утра в город.

С наступлением темноты Байрам и Шарип вошли в какой-то дом с намерением поесть. Хозяин оказался человеком словоохотливым. Он бойко рассказывал о том, что жизнь его теперь несравненно лучше, что в их ауле колхоз. Он вступил в него, но еще боится бандитов.

Байрам соглашался с дехканином, а в глаза ему не смотрел: вдруг выдадут его истинные чувства?

— До сих пор джигиты Садулла-балы ночами наведываются. Грабят. Берут все, что понравится. Но скоро их переловят. Красные воины в Шах-Аббаз прибыли.

Новость была не из приятных. Байрам с Шарипом, несмотря на протесты дехканина, не хотевшего на ночь глядя отпускать гостей, начали собираться в дорогу. Утром они решили быть в городе.

Вышли во двор вместе с хозяином. Тут оказалось, что исчез осел. На столбе, к которому он был привязан, висел обрывок веревки.

— Его увели! — воскликнул дехканин.

— Может, он сам убежал? К сосунку, — высказал предположение Байрам.

— Он осел, а не ослица! — возразил дехканин.

Осла отыскали уже без хозяина. Он покорно стоял метрах в двухстах от дома. Там, куда его отвел Шарип.

Шарип предложил Байраму сесть в седло, но тот отказался. Гордость!

Им повезло в том, что был базарный день. Вереницами тя-

нулись в город по всем дорогам арбы, много дехкан ехало на лошадях и ослах, но больше было пеших.

Чем ближе к базару, тем людской поток становился гуще.

Кладбище располагалось не за городом, как это принято, а в самом его центре. Серые глиняные гробницы различных размеров — в зависимости от достатка и знатности усопших — навевали уныние, напоминая людям о бренности мирской суеты.

Байрам вскоре заметил нищего. Он сидел с опущенной головой, сильно согнув спину. Держался обеими руками за посох, воткнутый в землю.

На подошедшего нищий внимания не обратил, не стал он просить и подаяние. Вскинул голову только тогда, когда в его деревянную миску вдруг упала золотая монета.

— Да не оскудеет рука дающего, — прогнусавил и оглянулся по сторонам.

Серое лицо нищего изрезали глубокие морщины. Трудно было определить его возраст. Он казался одновременно и старцем, и человеком, которому не больше тридцати лет.

— Не дрогнет рука карающего... ответил Байрам.

Нищий еще раз очень внимательно оглядел его, показал глазами в сторону Шарипа, грузно восседавшего на осле.

— Кто?

— Мы пришли вместе.

Осмотр, видимо, нищего удовлетворил. Он поднялся и пошел в глубь кладбища, уверенно обходя прижавшиеся друг к другу гробницы. Байрам ждал, что нищий пригласит их следовать за собой. Когда этого не случилось, он бросился за ним, чтобы не потерять из виду. Шарип, оставив осла, двинулся следом.

Пройдя через все кладбище, они оказались на клевернике, огороженном по сторонам забором. А впереди, за яблоневым садом, просматривался дом.

Остановились под навесом-террасой. Она протянулась во всю южную сторону дома. Нищий сделал знак рукой, приказывая остановиться. Сам юркнул в дверь.

Вскоре он вернулся, приглашая войти, шепнул:

— Садулла-бала оказал великую честь, посетив сегодня сей дом. Он хочет вас видеть.

Байрам слышал об этом предводителе банды. Сейчас, когда басмачество в основном было разгромлено и когда не стало отрядов, насчитывающих сотни людей, банда Садуллы, пожалуй, была самой крупной. Он налетал на селения ночью. Активистов, которые попадали бандитам в руки, прежде чем убить, жестоко истязали. На день басмачи укрывались в лесах, густо разросшихся по берегам Амударьи.

Байрам и Шарип миновали несколько темных коридоров

Наконец, нищий распахнул дверь, в глаза ударил яркий свет. Путников обдало теплым воздухом, густо насыщенным запахом жареного мяса.

Садуллу Байрам узнал сразу. Он сидел в центре. Неторопливые движения, надменное выражение лица, тяжелый взгляд — все это выдавало привычку повелевать. Даже Байраму под взглядом курбаши стало не по себе. А у Шарипа на лбу выступила испарина, на лице появилась льстиво-виноватая улыбка.

На расстеленной по ковру скатерти в беспорядке стояли бутылки с водкой. Пьяные защитники ислама, как любили именовать себя бандиты, сейчас преспокойно нарушали одну из заповедей мусульманской религии.

Байрам и Шарип поздоровались со всеми за руку.

Мужчины потеснились, Садулла-бала предложил вошедшим сесть.

— Не удивляйтесь, сегодня я отдыхаю, — сказал он, указывая на питье и еду.

— Да, почтеннейший Садулла вполне заслужил отдых, — поспешно вставил хозяин дома, стоявший у двери.

Только один Байрам уловил в его словах скрытую иронию. Бандиты были изрядно пьяны, а Шарип туповат от рождения.

— Хотел бы я знать, — важно сказал Садулла, — как вам все-таки удалось меня разыскать?

— Послал Даулбай.

— Даулбай? Это тот, из Ак-Терека?..

— Не знаю, откуда он родом, но у него хорошая примета: шрам через все лицо.

— Он. Э-эх, сколько нами вместе дорог изъезжено, сколько было славных дел...

Садулла стал вспоминать. Рассказывал он плохо, путал последовательность событий. Но слушали его с большим вниманием.

— Участвовал я и в том бою, когда Даулбай получил свою рану, — произнес Садулла печально. — Неожиданно столкнулись с красным отрядом. Даулбай скакал впереди, вот и пришлось отведать клинка. Нас долго преследовали. Не отставал от нас раненый Даулбай. Мы все были удивлены, как смог он удержаться в седле? А все объяснилось просто: повод, который он намотал перед боем на руку, зацепился за седло.

Садулла потребовал налить гостям водки.

— Вовремя вы пришли, — сказал он повеселевшим голосом. — У нас будет много работы...

— Мы, предугадав ваши намерения, очень спешили, — сказал Байрам.

Садулла, поняв шутку, рассмеялся. Но тут же хмуро сказал:

— Жаль, что не всегда ко мне орлы прилетают. Твой Шарип разве что чай разливать годен?

Шарип под общий хохот пытался возразить. И громче всех смеялся, пожалуй, Байрам.

Давно, очень давно Байрам не испытывал такой радости — находиться в кругу единомышленников.

34

Под копытами лошадей громко чавкала грязь, потому что недавно прошел ливневый дождь. Тучи продолжали еще плотно окутывать небо, не видно дороги, но всадники гонят лошадей быстро, уверенно. Путь им знаком хорошо: из родного аула — в аул соседний.

Всполошилась, залаяла чья-то собака, бросилась к лошадям. Щелкнула плеть, собака, взвизгнув, успокоилась.

В большой, богатый дом ввалилось трое бородачей. Одеты в добротные сапоги с загнутыми кверху носами, домотканые, из верблюжьей шерсти халаты, на головах лохматые черные шапки.

Хозяин дома встал им навстречу. Бородачи почтительно с ним поздоровались. Начались расспросы о здоровье родственников близких и дальних.

— Караджан, нам нужен курбаши,— сказал, наконец, один из вошедших, старший по возрасту.

— Садулла? Его здесь нет! А где бывает, этого сказать не могу. Да откуда мне знать?..

Острый подбородок, клок козлиной бородки на нем и очень вкрадчивый голос хозяина — все это было в высшей степени неприятно. В его словах нельзя было отделить правду от лжи. Поняв, что ему не верят, Караджан, подняв глаза к потолку, поклялся:

— Видит аллах, я говорю правду.

Гости засобирались, решив ехать дальше. Они отказались от предложенных отдыха и ужина. Озабоченность была на их лицах.

— Ну, зачем спешить? Останьтесь, — уговаривал Караджан. — Даже самое срочное дело не терпит суетливости.

— Поедем искать курбаши.

— Может, поделитесь, какая причина побудила вас в непогоду совершить столь утомительную поездку?..

— Вай, услышав такое, на животе решишься переползти из аула в аул!

И они сообщили, что в селение приехал из города какой-то русский. Собрал дехкан в дом к батраку Кенесбаю. Теперь шу-

мит аул. Утром дехкане возьмут в колхоз их имущество, от-
рут лучшие земли.

— Только Садулла может выручить из беды.

— Видит аллах, дело ваше правое. Идите! Пусть сопут-
вует вам удача, — сказал путникам Караджан.

Не успел стихнуть топот их коней, как от дома отделился
еще один всадник. Он не стал догонять уехавших. Проследовав
за ними через весь аул, человек свернул в сторону.

35

Василия разбудили выстрелы. В том, кто стрелял, можно
было не сомневаться. Басмачи! Значит, им стало известно о
его приезде в аул. Стрельба, шум создавались специально, что-
бы дехкане в тревоге ждали, что к ним в любую минуту могут
вломиться, избить и ограбить.

— Окружить дом. Доставить живым! — отдает приказ Са-
дулла-бала

Бандиты бросаются в темноту ночи. На дороге остаются
двое: тучный Садулла и длинный, худой Байрам.

Василий спал в верхней одежде. Натянуть сапоги и схва-
тить ремень с кобурой нагана было делом одной минуты. Он
подбежал к двери, но поздно: во дворе уже мелькали сгорб-
ленные фигуры людей. Дверь задергалась от ударов. Били по
ней прикладами.

Василий вытащил наган, стрелять медлил. Тогда к нему
подбежал Кенесбай, горячо произнес:

— Пощады никому не будет. Их надо убивать!

Хлопнули подряд два револьверных выстрела. За дверью
кто-то застонал, затем послышалась грубая ругань. Все
стихло.

Василий мог теперь осмотреть помещение. Кроме наруж-
ной, еще две двери выходили в коридор из комнат. В комна-
тах по одному окну, они обращены во внутренний дворик. Ок-
на и представляли наибольшую опасность. Держать их одно-
временно под обстрелом Василий, конечно, не мог. Он затво-
рил одну дверь, выходящую в комнату, и подпер ее лопатой,
привалил мешками с джугарой. Баррикада не была серь-
езным препятствием, но она исключала внезапность напа-
дения.

Кенесбай через вторую дверь, оставшуюся открытой, вер-
нулся в комнату и принялся успокаивать расплакавшегося
ребенка. Можно было подумать, что он совершенно равно-
душно стал относиться к происходящему. Василий прижался
в коридоре к стене так, чтобы не задела пуля, пущенная в

дверь. И потом — ему было видно окно в комнате, куда ушел Кенесбай.

На дворе светлело. Стали видны за окном тонкие, прямые ветки карагача.

Не раз приходилось Василию сталкиваться с басмачами. То были бои в степи, в горах, на улицах городов и аулов. Там ощущалось плечо товарищей, а здесь он попал в западню. Помощи ждать неоткуда, надежда на патан плохая. Оставалось — умереть достойно.

Затянувшееся затишье вызывало у него тревогу. Уйти басмачи не могли, они, очевидно, совещаются после первой неудачи.

Загремели выстрелы. Стреляли в окна и дверь одновременно. Звенели выбитые стекла. Со стен пули отбивали куски глины. Василий отодвинулся и был в безопасности.

Вот чья-то фигура заслонила свет. Басмач попытался проникнуть в дом через окно. Василий нажал на курок, человек остался лежать, безжизненно свесив руки. Тело затем утащили наружу.

Сильно застучали в забаррикадированную дверь. Скатился верхний, туго набитый мешок, в образовавшуюся щель просунулся ствол карабина. Василий подбежал ближе, чтобы выстрелить наверняка. Этим и воспользовался другой бандит. Он пролез в окно, спрыгнул внутрь комнаты. Но тут же получил в лицо свою порцию свинца.

Кенесбай подхватил убитого за ноги, выволок в коридор.

— Чтобы дети не пугались, — пронзнес он.

В соседней комнате уже слышались голоса. Басмачи, сколпившись, готовились к нападению.

— Живыми попасть к ним нельзя, замучают. А патронов мало, сдержать их напор нам не под силу,— сказал Кенесбаю Василий. — Что ты предложишь?

Кенесбай понял, к чему он клонит. Замахал протестующе руками, крикнул:

— Нет... У меня здесь дети!

Потом он скрылся в своей комнате. Василий стоял и ждал, когда басмачи решатся скопом ворваться в коридор.

В заложенную мешками дверь начали бить чем-то очень тяжелым. Она дернулась, из кованых железных петель полезли гвозди. Еще удар. Сорванная дверь упала в коридор. В нем оказалось сразу несколько человек. Вытаращив глаза, бандиты испуганно осматривались, привыкая к царившему здесь полумраку.

Василий стрелял, считая патроны. «Последний!» Он глубоко, всей грудью вдохнул свежий воздух. В разбитое окно

[illegible] видно, как всходит солнце. Нежный розовый лучик жизни полоской затрепетал на стене. До боли в груди было жаль расставаться со всем, что окружало.

Рука стала тяжелой, словно ее налили свинцом. Тогда Василий шагнул навстречу басмачам, оставшимся в коридоре, в надежде, что они освободят его от ужасной необходимости стрелять в себя самому. Но басмачи начали пятиться.

Василий обошел трупы и дверь, вставшую на мешках ребром, появился в проеме. Заблестели стволы, они были направлены ему в грудь. Вдруг худой горбоносый басмач закричал:

— Не стрелять! Он ищет смерти!

Окрик подбодрил басмачей. Они осторожно стали приближаться. Василий, признав в худом старшего, вдруг решил: «Я должен убить главаря». Но Байрам опередил его на долю секунды, вовремя разгадав намерение русского.

Басмачи бросились мимо упавшего Василия во вторую комнату. У порога их встретил с топором Кенесбай. Размозжив голову одному, он замахнулся на второго... Удар приклада заставил его тихо осесть на пол.

Тела басмачи вытащили на улицу. Садулла был злой, его бесили потери.

Кенесбай застонал, пошевелился. Байрам подбежал к нему и, желая угодить курбаши, вытащил маузер.

— Назад. Его мало убить. Облейте водой... А ты, Байрам, пройди в дом к неверному. Там не должно остаться живых.

Байрам повиновался неохотно. Приятней потешаться над поверженными врагами, чем ходить по комнатам, где лежат трупы единомышленников. На полу в комнатах кто-то уже успел разбросать одежду, валялись черепки битой посуды, под ногами потрескивало стекло. На широкой деревянной кровати, прижавшись друг к другу, как испуганные зверьки, сидели мальчик и девочка. У кровати — их мать. Сидит, не шелохнется. Волосы растрепанные, голова пригнута к самым коленям.

Шаги, чужие шаги заставили ее приподнять голову. Почувствовав опасность, грозившую детям, женщина вскочила, раскинула руки, пытаясь загородить их собою. Байрам выстрелил в упор. Колени женщины подогнулись. Она упала, не вскрикнув, не застонав.

Опять перед Байрамом беззащитные дети. Расширенные зрачки их глаз наполнены ужасом, они смотрят на Байрама не мигая. И ему становится страшно. Стоит, кажется, совершить это преступление, как жизни не будет: убьют людские проклятья.

Задрожавшую руку он все-таки поднимает. Отвернувшись, выпускает несколько пуль. Ничего больше не ощущая, натыкаясь на стены, выбегает наружу.

Тут Байрам видит, что к ногам русского уже закрепили черную волосяную веревку, а второй, которого он хотел пристрелить, стоит, размазывает руками по лицу кровь, смешанную с грязью. Что будет дальше, всем ясно. Их, привязанных к лошадям, проволокут через аул в назидание другим. И дальше, в степь, пока не выбьются из сил кони.

Садулла торопится. Он заметил движение в садах. Видно, жители аула решили сопротивляться. Вот с крыши соседнего дома кто-то выстрелил из дробовика. Жалобно заржала раненая лошадь.

Медлить больше нельзя. Сейчас Садулла-бала отдаст приказ.

Его отвлекает топот коня. Скачет дозорный.

— Красноарме-ейцы! — кричит издали. — Они едут сюда!

Басмачи всполошились.

— Рубите веревки! — кричит курбаши и, тронув коня, уводит басмачей за собой.

Послышалось негромкое красноармейское «ура». Через дувалы прыгают дехкане, вооруженные кто чем: охотничьими ружьями, вилами, топорами. Гневом пылают их лица. Не будет пощады бандитам.

Командир, а за ним красноармеец спрыгивают на землю. Склоняются над распростертым телом. Приподняв голову Василия, откинув со лба седую прядь, командир произносит:

— Вася, друг?! Как же это?..

Потом он торопливо разрывает ворот рубахи, прикладывается к груди Василия и радостно, еще не веря себе, сообщает:

— Он жив! Бинты! Скорее.

3

Вот уже рядом спасительные лесные заросли. Банда благополучно уходит все глубже и глубже в лес. Ветер раскачивает оголившиеся ветви деревьев.

Впереди река. Настолько широкая, что серая полоска противоположного берега слилась со свинцовыми волнами. О том, чтобы переправиться вплавь, нечего и мечтать.

Басмачи поворачивают влево, вверх по реке. Едут у самого берега в надежде, что наткнутся на лодки. Но лодок не видно.

Чаще стали попадаться поляны, деревья пошли тоньше,

[illegible]. Потом встретилась большая вырубка. За ней кустарник, лес кончился. Местность ровная, открытая.

Остановились, решая, как поступить. В степи от красноармейцев не уйти. А вот и они... Огибая кусты, мчатся, раскинувшись, всадники в островерхих шлемах. Басмачи повернули обратно. Но их уже заметили, ветер донес хлопки выстрелов.

Свиста пуль не слышно. Значит, стреляют вверх. Условный сигнал! Можно предположить, что отряд красноармейцев разделен, они могут появиться, откуда их меньше всего ожидают. Точно, с другой стороны тоже послышалась стрельба.

Басмачи сбились в кучу. Бросают угрюмые взгляды на Садуллу. Ясно, вырваться теперь невозможно. Но каждый все же надеется остаться в живых.

— Братья, у нас один путь: мужественно сражаться! — кричит Садулла-бала. — Главное, продержаться до темноты. Тогда уйдем все!

Он первым спрыгнул с лошади, залег у ствола турангила. Басмачи последовали его примеру.

Байрам шепнул Шарипу, легшему рядом:

— Сейчас каждый сам должен побеспокоиться о своей шкуре. Не упускай меня из виду.

Байрам скатился в канаву. Извиваясь змеей, пополз в сторону. Стебли густо разросшейся травы скрыли его. Расчет Байрама прост: пока басмачи перестрелкой отвлекают на себя красноармейцев, выбраться из окружения. Бандит как можно плотнее прижался к земле: увидел, что прямо на него идет красноармеец. Он держит в руке палку, на ней трепещет белый лоскут материи. «Предложит ослам сдаться», — мелькнула мысль.

Красноармеец совсем близко, видно молодое, хорошо загоревшее лицо. Взгляд настороженный. За своей спиной Байрам улавливает сопенье. «Хорошо,— думает он.— Шарип не отстает от меня...»

Байрам неторопливо целится в красноармейца. Это очень рискованно, но нет другого выхода. Надо, чтобы поднялась перестрелка.

Раздался выстрел. Почти одновременно Байрам ощутил страшную боль в затылке.

Парламентера больше не видно. Лишь белый лоскут продолжает развеваться, зацепившись за дерево. Красноармейцы открывают сильный винтовочный огонь.

Воздух ожил, наполнился тугим жужжанием свинцовых шмелей. Шарип уткнул голову в землю. Не успел опередить

он Байрама. В этом его ошибка. Оглушив Байрама, он думал сдаться, тем самым заслужив себе прощение. Теперь всего разумнее бежать. Когда стрельба стала реже, Шарип пополз.

К Байраму сознание вернулось как-то сразу. Открыл глаза, скрипнул зубами от боли, все вспомнил. Где-то в отдалении продолжали постреливать. Очень хотелось пить. Байрам пополз туда, где должна была находиться река. Передвигался медленно, временами к горлу подкатывала противная тошнота. Тогда, роняя голову на руки, он терял сознание.

Увидел перед собой подошвы чьих-то сапог. Сразу догадался, что перед ним труп. Но долго еще не мог освободиться от охватившего страха.

В лесу снова, кроме шума ветра, ничего не было слышно. Если бы не тупая боль в голове да чьи-то ноги перед глазами, трудно было поверить, что совсем недавно тут дрались люди, лилась кровь.

Поравнявшись с головой убитого, Байрам не удержался, глянул на человека. Он сразу узнал, кто перед ним. Глуповатое выражение не покинуло лица Шарипа и после смерти, застыло где-то в уголках большого рта.

Затем Байрам продирался сквозь заросли джингила, все чаще и чаще облизывал пересохшие губы. Вода была совсем близко. Влажнее стал воздух и, если напрячь слух, слышался слабый плеск о берег. Байрам уже считал себя спасшимся, когда над ним прозвучал голос:

— Ну, вставай, убийца!

Байрам поднялся. Увидел дехканина, очень бедно одетого. На Байрама был направлен черный ствол старенького дробовика.

37

Третий день не посещал уроков в школе Абдулла, сын Джумы. Серьезный, способный мальчик. Учитель решил его навестить.

Зима с мокрым снегом, холодными дождями кончилась. Ласково светило нежаркое солнце, идти по улице было приятно. Дом, в котором жил Джума, стоял в центре аула, но был слеплен кое-как, с одним крохотным окошечком, в которое вмазан кусочек стекла. Это наводило на мысль, что хозяин дома не только беден, а в неменьшей степени нерадив. И вокруг голая земля: ни дерева, разбросан мусор, валяются камни.

За домом, где начинались огороды дехкан, кто-то пахал землю, погоняя осла. Нарбай, приглядевшись, узнал мальчи-

ка, склонившегося над сохой. Он подошел ближе, окликнул его. Абдулла, бросив соху, подбежал к учителю. Он не чувствовал себя виноватым.

— Что мешает тебе ходить в школу?

— Позавчера в тугай за дровами ездил... Сейчас пашу. Просо надо посеять.

— А где отец? Он-то чем занят?

— Дома.

— Болен?

— Не знаю...

Нарбай вернулся обратно к дому, Джуму застал за дастарханом. Хозяина настолько удивил визит учителя, что он забыл предложить гостю присесть.

— Болеете, ата?

— Вай, очень сильно болею! Вот тут... И там... Все кости мои ломает.

Нарбай с притворным сочувствием спросил:

— И, наверно, не знаете, как болезнь называется?

— Не знаю. Откуда же, сын мой, мне знать?

— Русские ее зовут си-му-ля-ция! Завтра пусть Абдулла придет в школу.

Нарбай повернулся. От порога заметил:

— Видел председателя. Он к вам собирался. Наверно, тоже здоровьем поинтересуется.

Джума, забеспокоившись, крикнул жене, чтобы свернула дастархан и убрала пиалу с чайником. Расстелив одеяло поближе к печи, он прилег на него. Несколько раз повторил про себя то слово, которым учитель назвал его болезнь, чтобы запомнить.

Шамурат действительно встретился с Нарбаем недалеко от дома Джумы. Спросил, чем занят хозяин. Нарбай, с огорчением махнув рукой, молча прошагал мимо.

Председателя Джума встретил протяжным стоном. Он едва ответил на приветствие. Шамурату стало неловко от того, что заподозрил человека в лености. Он присел рядом с Джумой. Желая выразить свое сочувствие, спросил:

— Что за болезнь скрутила тебя?

— У нее мудрое имя, — откликнулся Джума, приподнимаясь. — Название ей — си-му-ля-ция!

Кровь бросилась в лицо Шамурату, он вмиг побагровел. Негодование вырвалось наружу:

— Не работаешь, и вздумал еще насмехаться?!

Словно на пружинах подпрыгнул с постели Джума. Он изумленно вытаращил глаза, дрожала от волнения бородка. Никак ему было не понять, чем так рассердил председателя.

Трудно в тот год было Шамурату. Каждое утро обходил он дома аула. Одним достаточно было стукнуть в окно, и люди шли в поле; в других домах надо было назвать каждого по имени, поторопить; в третьи приходилось заходить самому, чтобы затем появиться на улице уже вместе с хозяевами.

...Ярко светило майское солнце. Искрился, звенел радостью окружающий мир. Но хромой Еримбет на краски весны не обращал никакого внимания. В поте лица трудился на приусадебном участке. А ведь еще час назад он, прихрамывая, шел за Шамуратом на колхозное поле.

Еримбет был занят прополкой пшеницы. Шамурат, увидев его, подошел, встал и принялся наблюдать. Вот Еримбет заметил на меже грубые сапоги из сыромятины. Догадался, кому они могут принадлежать. Глаз поэтому он не поднял, а, продолжая махать серпом, развернулся к председателю спиной.

— Ты думаешь, что этот клочок земли тебя прокормит?— спросил Шамурат.

— Может, ты и прав, председатель. Но зачем мне в колхозе за двоих работать?

— Как за двоих?

— Так. В колхозе — я и лошадь моя... А Джума с собой кетменя не принес.

— Теперь мне ясно, — произнес председатель. — Сегодня день, когда в колхозе вместо тебя работает лошадь?

Еримбет промолчал.

— Ты можешь поступить и наоборот: привести свою лошадь на прополку пшеницы, а сам заняться колхозным полем.

Еримбет, почесав затылок, ответил:

— Твоя правда. Сейчас иду. А тут вечерами управлюсь.

Такие столкновения были нередки. Они заставляли Шамурата задумываться над тем, почему дехканам трудно поверить в колхоз. Наверно, потому, что так никогда не было, люди даже сказок не сложили о том, что мог дать им совместный труд. До осени будет тяжело. А когда дехкане получат хлеб да еще деньги за работу, тогда станет легче. Людей никакой силой нельзя будет оторвать от колхоза.

В размышлениях Шамурат подошел к хлопковым плантациям. На полях работали дехкане. Он подумал: «А ведь напрасно я сомневаюсь, многие и сейчас верят в колхоз, тянутся к нему всей душой...»

Ближе других к Шамурату была Алима. Шамурат видел, как в лучах солнца серебром над ее головой сверкает кет-

мень, которым она рыхлит землю вокруг растений. Шамурат, залюбовавшись ее работой, хотел подойти, подбодрить. Но не сделал этого, так как Алима не нуждалась сейчас в сочувствии.

38

Поле, которое обрабатывала Алима, выгодно отличалось от остальных. Здесь не было сорняков, рядки хлопчатника стояли ровнее, а темно-зеленая окраска растений говорила о том, что развиваются они хорошо.

Но Алиму одолевали сомнения. Ей не приходилось раньше растить хлопок. А урожай надо получить высокий, чтобы обеспечить семью на зиму продуктами, которые ей выдадут взамен белоснежного волокна.

Алима присела на корточки. Под ногами бежала по борозде вода. Подпрыгивая, лопаясь, на ее поверхности воздушные пузырьки.

Если на пути попадалась ямка, то образовывалась крохотная воронка, и, кажется, движение воды на какое-то время прекращалось. Но вот уже плещется лужица и, поглощая комочки земли, узкий поток упрямо пробивает себе дорогу дальше. Без воды нет жизни. Так издавна говорили в народе. А время спешило выдвинуть второе условие, без которого жизнь становилась невозможной. Это была работа на людях, в коллективе.

Работа! Только она отвлекала теперь Алиму от тоски по мужу, только в ней находила она смысл существования, отдавала ей все свое время.

«Кто бы мне посоветовал, как лучше ухаживать за хлопчатником?» — думала Алима. Перебирала в памяти всех, кого знала.

Она подняла голову, увидела невдалеке от себя мужчину, который, сидя на корточках, рассматривал растения на ее поле. Ырза! Алима узнала его, хотя человек сидел к ней спиной.

Она подошла к нему.

— Вы долгое время растили хлопок Таласу. Как же могла я об этом забыть?..

Ырза выпрямился. На лице его отразилось смущение и радость. К нему обращалась женщина, которую он обожествлял за качества, которых так недоставало его невесте Фатпе. Ах, если бы Фатпа была чуточку посмелее.

Никогда не приходилось Ырзе говорить так много и с таким увлечением. Он рассказывал, что хлопок поливать лучше

медленным током воды. Земля тогда сможет равномерно и глубоко увлажниться. Недостаток воды влияет на рост растений, кусты будут низкими, с укороченными междоузлиями. Урожай созреет быстрее, но коробочки будут мельче. А переольешь хлопчатник — он закустится, вымахает в росте, что тоже плохо.

— На вашем поле всходы появились дней пятнадцать назад. Вот посмотрите, растения выбрасывают второй листок. Теперь надо следить, чтобы сорняки не поднялись. А почву после полива разрыхлить.

С этого дня Ырза стал наведываться на поле. Сидел, посматривал, как работает Алима. Когда она уставала, молча брал из ее рук кетмень. Бескорыстна была его помощь. Нравится человек, приятно ему услужить. Алима понимала это, внимание Ырзы ее не оскорбляло.

Беспокоясь за судьбу Ырзы, Алима как-то сказала:

— Вам от Таласа не попадет? Что бываете здесь?

— Я привык... Ругань его меня не оскорбляет. Потом Талас меня обманул. Свадьбу не справил, не хочет платить за работу. Я от него уйду.

Ырза оставался верен привычке и почти все время молчал. Нелегко сразу переменить характер. Никто ведь раньше, сколько помнит Ырза, не интересовался его жизнью.

Алима как-то пригласила Ырзу взглянуть на другие поля, засеянные хлопчатником. Ырза отказался. Пошел тогда, когда Алима настойчиво повторила приглашение.

Поле, к которому они вышли, оказалось сильно подсушенным. Листья растений обвисли, сморщились, им не хватало влаги. Дней десять назад прошел небольшой дождик, на поле образовалась корка, но ее никто не разрыхлил. И нежные стебельки были стиснуты сейчас жесткой землей. Пожалуй, неплохо себя тут чувствовали лишь сорняки. Они бойко тянулись вверх. Разрослась лебеда, пробили корку, отворотня целые комья земли, боян и камыш. Разбросал свои плети вьюнок.

— Дехкане всю воду на свои поля гонят, — заметил Ырза. — У некоторых они от избытка влаги заболачиваться стали. Свое-то всегда дороже. Жадничают. Понасеяли кто сколько мог. Сюда ходить-то и некогда... Если так будет дальше, не видать колхозу с хлопковых полей урожая.

Ырза был, кажется, прав. Колхоз пока обобществил землю, которую отвели под хлопок. Случилось то, что своевременно не смогли предугадать. Дехкане начали интенсивно обрабатывать участки, оставшиеся в их единоличном пользовании. Остальные посевы были заброшены.

«Как поступить, что предпринять, чтобы успеть исправить ошибку?» — этот вопрос был сейчас для Алимы важнее всего.

39

Алима вернулась домой, накормила раскричавшуюся дочь. Когда девочка успокоилась, принялась готовить ужин себе и сыну.

Ночь. Заснули дети, ни звука на улице. Будто всю землю охватила сейчас тишина. Даже мысли приходят в порядок. Здесь, в ауле, не смогут ей оказать большой помощи. Кто же из дехкан посягнет на нею из жалости три лишних рта, когда свои дети голодны, просят постоянно хлеба. Да и сильнее всего страшилась Алима людской жалости. Лучше не жить, чем чувствовать себя нахлебницей, кому-то быть в тягость. Работа в поле, хлеб, полученный от колхоза, мог спасти ее от голода и унижений. Иного выхода она не видела. А сегодня поколебалась и эта ее надежда. Если не изменится отношение людей к общественным посевам, хлопчатник вскоре погибнет, иссушат его горячие ветры, забьют сорняки. Алима понимала, что, спасая себя, свою семью, она одновременно поможет и людям.

Решилась с утра поговорить об этом с Шамуратом. Решила, и словно кто снял с души камень.

Алима не успела далеко отойти от своего дома, как Шамурат нагнал ее. Пошли дальше рядом.

— Вы знаете, в каком состоянии посевы хлопка? — спросила Алима и, скосив глаза, посмотрела председателю в лицо.

Усталость увидела она в ответном взгляде. На небритых щеках председателя густо пробилась седина, резче обозначились скулы.

— Плохо обрабатываем мы хлопчатник. Но не на всех полях. У вас он хорош... Людей не хватает. Где их найдешь?..

Тут Алима заговорила о том, что было передумано за ночь. Потребовала от Шамурата немедленно созвать дехкан, поговорить с ними, усовестить.

— Не согласятся они на уговоры.

— Быть не может. Они нас поймут! Душа и у них сейчас разрывается надвое: колхозное жалко, и свое вцепилось, не отпускает...

Шамурат долго крутил усы — отросшие, длинные. Он их наворачивал поочередно на пальцы то правой, то левой руки. И не мог придумать, что ответить.

Шамурат проявлял нерешительность. Алиму охватило отчаяние. Она сказала:

— Я пойду в город. Больше ждать нельзя, — поправив платок на голове, добавила: — попросите свою жену, чтобы накормила детей, если придется мне задержаться.

Пыль на дороге мягка, словно бархат. И как ни ступай, она поднимается вверх облачком, щекочет в горле. А в сторону не сойдешь, там колючие кусты. Они цепляются за одежду, больно царапают икры.

Долго шла Алима, пока не догнала арбу. Кляча едва плелась, а возница, безбородый мужчина в огромном лисьем тулупе, здороваясь, кивнул головой. Он согласился подвезти женщину. Передвинувшись на козлы, освободил место. Арба снова тронулась, возница затянул бесконечную песню. Благодарна была ему Алима, что не стал надоедать расспросами.

В городе Алима, поблагодарив дехканина, сошла с арбы. Лицо прикрыла платком. Не хотела, чтобы узнал кто-нибудь из давних знакомых. Это могло задержать. А еще больше боялась она упреков за самовольный уход из дома, сочувствий по поводу смерти Батыра.

Алима хорошо знала, куда ей идти. Переулочки привели ее прямо к зданию, которое занимал райком.

В приемной села на стул, приготовилась спокойно наблюдать за дверью, обитой черной клеенкой. Оттуда все выходили люди — чрезвычайно серьезные, сосредоточенные.

Приемная не пустела, она заполнилась вскоре другими. А потом и эти посетители, уступая друг другу дорогу, исчезали за клеенчатой дверью. В комнате осталась черноволосая девушка. Разглядывала она Алиму, лукаво смеясь.

— Вам очень нужен Карим-ага? Подождите, он сейчас освободится и поговорит с вами.

Наконец, Алима в кабинете. Сознание того, что тут должна решиться ее судьба, придало женщине смелости.

— В колхозе погибает хлопок! — почти выкрикнула Алима.

Карим ее узнал. Удивился разительной перемене, которая в ней произошла. Перед ним была не женщина, убитая горем, а мать, решившая до конца бороться за право жить на земле.

Секретарь слушал ее внимательно. Он ни разу не перебил рассказа. Когда Алима выговорилась и замолчала, немного подумав, ответил:

— Я с вами согласен. Всю землю, исключая небольшие приусадебные участки, надо обобществить.

— Все соглашаются со мной, а предпринять ничего не хотят, — произнесла Алима.

Секретарю нравилась настойчивость Алимы. И выводы, к которым пришел он, полностью совпадали с тем, что она только что высказала. Вопрос следовало быстрее решить.

— Хорошо. Мы сейчас поедем в колхоз. Созовем собрание, поговорим с народом.

40

Карим вертел в руках телеграмму. Всего три слова: «Немедленно приезжайте обком». А что скрыто за ними? Ясно одно: есть упущения в работе.

К концу дня Карим уже находился в областном центре. Прямо с дороги, обтерев платком потное, пропыленное лицо, вошел в обком.

Первый секретарь был у себя в кабинете. Он встал. Кариму бросились в глаза упрямые складки в уголках его рта и очень глубокие морщины, пересекшие лоб. Взгляд у секретаря внимательный, спокойный. Фигура крепкая, словно высеченная из гранита. Человек сильной воли, неутомимый работник, он пользовался огромным уважением тех, кто знал его, кому когда-нибудь приходилось слушать его выступления или столкнуться с ним по работе.

— Доложите, как выполняется постановление бюро обкома по обобществлению посевов пшеницы, риса, джугары.

— Постановления не читал,— признался Карим.— Наверно, не успело еще дойти, где-нибудь задержалось. Обобществление посевов мы начали проводить. В колхозе «Миннеташ» необходимость таких мер подсказали сами колхозники.

— Да-а, — недовольно произнес секретарь обкома. И тут же тоном приказа продолжил: — Первое, наведите, пожалуйста, порядок в работе аппарата. Постановление в райкоме. Давно! Изучите его. Опасайтесь перегибов.

На обратном пути в район Карим несколько раз ловил себя на том, что все думает, куда же могло запропаститься постановление обкома. Почту получает заведующий общим отделом. Правда, работает он в аппарате недавно, но исполнителен, вежлив, даже очень вежлив. Раньше, кажется, счетоводом был, после служил в армии, там вступил в партию. Биография обыкновенная.

Карим вошел в райком и сразу потянул на себя обитую железом дверь. За ней находился общий отдел. Секретарь райкома редко заходил в эту комнату, и заведующий, увидев его, растерялся, вскочил, предложил свой стул, так как боль-

ше присесть было не на что. А Карим все старался перехва-
тить его взгляд. Но глаза заведующего ускользали. «Неуже-
ли врет?» — гадал Карим.
— Постановление обкома по обобществлению зерновых к
нам поступило?
— Есть такое, аксакал. Недели две как я его получил.
— Покажи!
Карим не поверил. Он решил, что заведующий ошибается.
Уж очень просто нашелся виновник.
Скрипнула крышка железного ящика. Заведующий достал
толстую серую папку. Полистал ее и протянул секретарю не-
сколько листов плотной бумаги, сшитых скрепкой. То самое
постановление, о котором говорил ему секретарь обкома.
— Две недели держать такой документ! Какое вы имели
право?! Почему сразу не передали?
Заведующий отделом побледнел.
— Посмотрите, — он протянул дрожащую руку. — Там
написано «лично». Я и спрятал бумагу подальше, чтобы
никто не увидел. В папке еще есть такие...
Карим опустился на стул, любезно ему подставленный.
Схватился за голову. Но вскоре плечи его начали вздраги-
вать, и комната наполнилась безудержным смехом.

41

В конце сентября неожиданно налетел северный ветер, он
принес с собой холод. Заморозки случились ранние, рост хлоп-
чатника прекратился преждевременно.
На кустах с хрустящим пожелтевшим листом хлопка было
все меньше и меньше, сбор его подходил к концу. Но впере-
ди оставалось самое трудное — очистка курака.
Его собирали на полях в мешки, разносили по домам, где
дехкане всеми семьями принимали участие в лущении жест-
ких коробочек. Работа не прекращалась до глубокой ночи.
Возвратившись с поля, Алима внесла в дом большой ме-
шок с кураком. В комнате было темно, она зажгла лампу.
Переставила ее поближе, на уголок печи, высыпала на пол
курак и, позвав Амана, принялась за работу.
Мальчик любил эти спокойные, длинные вечера. Мать пе-
ла ему песни — все больше грустные, рассказывала сказки.
Тогда, зачарованный, он смотрел ей в лицо, не отрываясь.
Алима на время забывала свою усталость, тоску по мужу. Ее
руки, быстрые и ловкие не останавливаясь, очищали одну ко-
робочку за другой.
— Обширные, без конца и края поля раскинулись по бе-

реки могучей реки, что несла свои обильные желтые воды к лазурному морю, — Алима произносила слова медленно и чуть торжественно.— Богатой была в том краю природа, а люди жили бедно. У них не бывало даже хлеба, так как все что давали поля, тут же попадало в руки жадных баев. Только ко им и жилось хорошо в той несчастной стране. Долго, многие годы сетовал народ на свою горькую долю. И однажды ночью прокатился по небу страшный гром.

Тут в печи, словно кто сильно вздохнул, вспыхнула кокушара курака, набросанная туда Аманом. Белое дрожащее пламя осветило комнату.

— Полетели огненные стрелы... — продолжала Алима — На земле стало светло, как сейчас в нашей комнате. Все живое в страхе попадало. Когда люди очнулись, увидели, что нет в их стране больше ни баев, ни самого хана. А за морем, окутанный дымкой, стоял великан, и разбегались от него в стороны яркие лучи жизни. Силу свою, мудрость свою нашел в этих лучах народ. Назвал он их лучами великого счастья. И стал на той земле человек человеку брат, а плоды ее с тех пор отдавали тем, кто трудился.

— Это не сказка, — произнес, рассмеявшись, Аман. — Ты про нас рассказываешь.

Алима посадила сына к себе на колени, заглянула ему в глаза. Аман был серьезен. И она произнесла:

— Не сказка.

— А великан, который хана с баями победил, наверно, дядя Карим?

— Ты угадал. Но это не один Карим, их было много...

42

Сегодня в классе за партами сидят колхозники. Бородатые, крупные, они с трудом втиснули себя на узкие сиденьица и держатся неестественно прямо, опасаются пошевелиться.

За столом учителя, покрытым красным сатином, стоит Шамурат. В руках у него раскрытая тетрадь.

Шамурат медленно переворачивает ее листы и монотонно зачитывает, кто и сколько заработал в колхозе.

Алима вслушивается в фамилии и цифры с напряжением. «Скоро ли он назовет мое имя? — думает она, все больше тревожась. — Сколько я получу? А может, мне ничего не дадут. Ведь я женщина...»

Одобрительный гул голосов каждый раз рвал нить размышлений. Тогда Алима сильней прижимала к груди малень-

мю Гульжамал. Вот и ее фамилия! Шамурат почему-то произнес ее громче других. «Но почему? Что это означает?» Алима, побледнев, прислонилась к стене.

Алиме кажется, что шифры, которые назвал председатель, бьют в самое сердце. Наконец, овладев собой, она открыла глаза. Большие и темные, как ночь, до краев наполненные слезами.

— Почему женщине выдаете наравне с нами, мужчинами? — выкрикнул со своего места Джума.

— Работала она в колхозе не хуже мужчин, — спокойно ответил ему Шамурат. — Даже обогнала многих... Тебе, к примеру, причитается меньше.

Джума пригибает к парте голову.

Из класса все пошли прямо к складу. Шамурат распорядился, чтобы Алиме отпустили первой. Мешки с зерном были быстро отсчитаны и уложены на арбу.

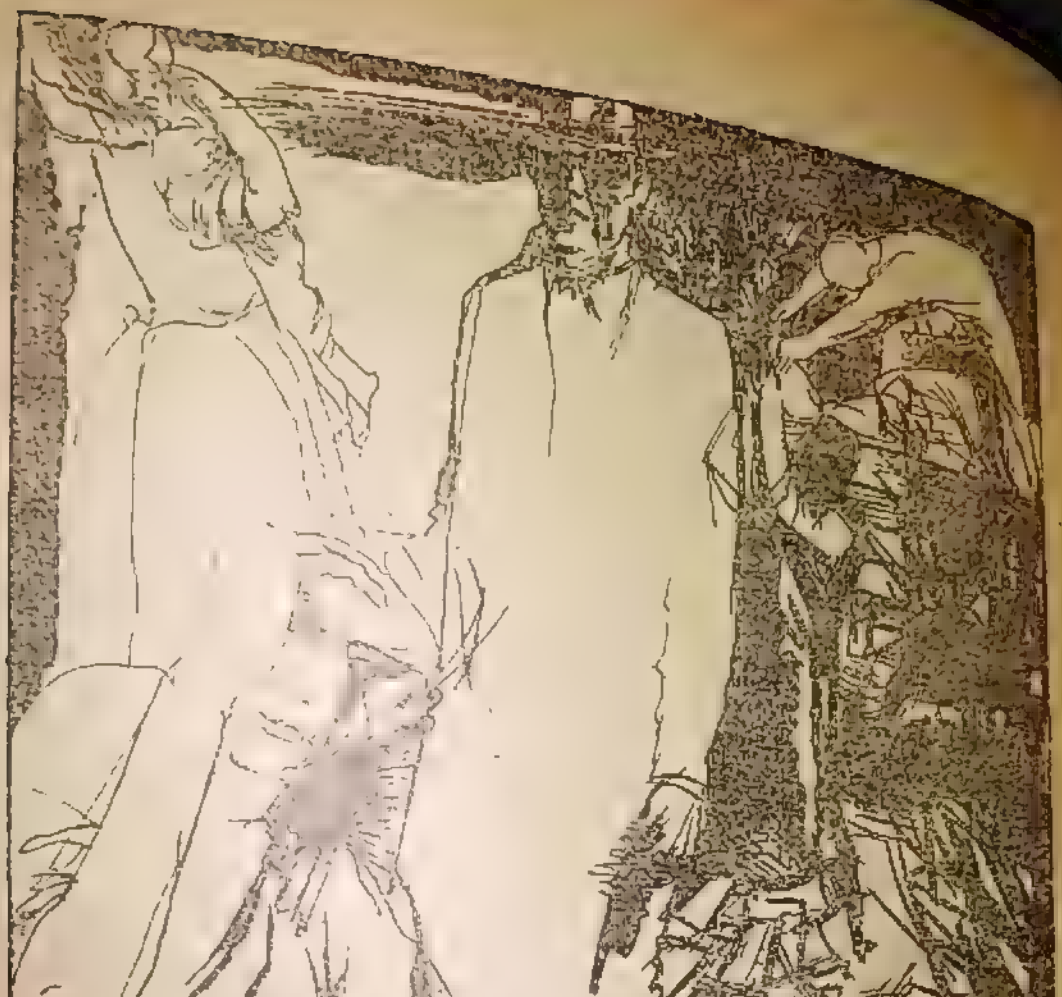
— Спасибо всем, спасибо колхозу, — проговорила Алима и приложила к глазам платок. — После того, как убили мужа, думала, что пропадем. А колхоз не дал погибнуть. Равной с другими себя в нем почувствовала...

Арба тронулась, а женщина все стояла в окружении односельчан. Наконец, спохватилась:

— Что ж я стою? Идем домой, Аман. Есть у нас хлеб. Свой!

И пусть пока только хлеб. Жизнь ведь только еще начинается. С каждым годом она будет красивее, богаче. Этого, именно этого хочет народ.

Шла Алима быстро, а северный ветерок легко и весело играл складками ее платья.



СЛУЖЕБНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

I

Бекетову не спалось. Работа теперь очень его утомляла. А ведь сам упросил директора школы, чтобы увеличили нагрузку. В семье у него два сына, три дочери. Дети подрастали, соответственно росли и расходы семейного бюджета. Но на работе, хотя Бекетов надеялся именно на это, послабления ему не сделали. Требовали, чтобы и письменные контрольные он проводил к сроку, не задерживая с проверкой тетрадей, выполнял и общественные поручения.

Сегодня как раз и произошел у него неприятный разговор в учительской. Правда, директор замечания ему сделал без вызова в кабинет, так сказать, на ходу. И все-таки это было предупреждение.

Декабрьская ночь тянулась медленно. Было, наверное, уже очень поздно, когда по окнам полоснул свет автомобильных

фар. В комнате четко проступили все предметы. Бекетов успел отметить, что старенькие настенные часы показывают четверть третьего.

Машина остановилась почти против дома. Гостей учитель не ждал, но ему стало все-таки интересно, кто это мог подъехать?

Осторожно, чтобы не разбудить домашних, встал и прошлепал к окну. Занавески были короткими, их не пришлось раздвигать.

Грузовик проступил огромным пятном. Как сперва показалось Бекетову, нагружен он был стеблями кукурузы.

Шофер, сдавая машину назад, выключил фары. «Культурный, — подумал учитель. — Припоздал и не хочет беспокоить людей, которые спят».

Автомашина, пятясь, въехала во двор дома, стоявшего чуть правее на противоположной стороне улицы. Ворота за ней тотчас закрылись. Но они оказались не настолько высоки, чтобы скрыть груз, который был в машине.

Бекетов хотел было отойти от окна, но из-за туч, которые плотно окутывали небо, выплыла луна. И сразу стало видно, что автомашина нагружена не только стеблями кукурузы, а большими мешками. Если же судить по тому, что сгружал их один человек, мешки не были особенно тяжелы.

«Это неочищенный рис!» — осенило учителя.

Луна спряталась. Все вновь погрузилось во мрак. Но учитель теперь словно прирос к окну, забыв о времени, о том, что ему надо все же успеть. День ожидал его хлопотливый.

Он уже догадался, что рис привезли ворованный. На базаре цены на него устойчивые. Ниже рубля за килограмм купить невозможно, а к весне возрастут еще больше. «На машине груза тысяч на пять! Две моих годовых зарплаты! Ну и соседи...»

Учитель отошел от окна вконец расстроенный. Он слышал, как примерно через час снова заработал мотор автомашины, и она, осторожно выбравшись со двора, уехала. «Значит, покормили шофера», — отметил про себя учитель, так как сгрузить мешки с шалой было делом десятиминутным.

Забылся в коротком сне Бекетов лишь тогда, когда за окнами забрезжил серый рассвет.

Утром и все время в школе он думал о том, что воровство должно наказываться. Вспомнил, что в одном законе даже сказано: если у тебя на глазах совершается преступление и ты не сделал попытки помешать этому, то сам, таким образом, уже являешься соучастником, и тебя могут привлечь к уголовной ответственности.

Бекетов мучился: ведь заявлять он собирался на соседку. Правда, у него с ней не было особо добрососедских отношений. Встречались иногда на улице, здоровались.

Школьный звонок, наконец, известил о конце первой смены. Бекетов теперь был свободен. Вновь перед ним встал вопрос, решить который у него почему-то не хватило мужества: заявить или воздержаться?

Упрекнув себя за слабохарактерность, он направился... Нет, не в милицию. Пошел домой. Правда, по другой стороне улицы. Чтобы заглянуть, если удастся, во двор к соседке.

Створки железных ворот были подогнаны одна к другой неплохо, щель между ними была толщиной всего в палец. А остановиться, прильнуть к воротам Бекетов не решился.

Вечером ему очень захотелось спать. Сказывалась бессонная ночь, но Бекетов не позволил себе лечь в постель. Он решил дежурить. Чтобы не мешать жене и детям, расположился на кухне, единственное окно которой давало ему возможность видеть улицу.

Задремав, он несколько раз почти падал со стула. Когда понял, что больше не выдержит, услышал шум автомобильного мотора. На этот раз шофер вообще не включал фары. Машина продвигалась в полной темноте. «Значит, грузовик тот же, — осенило Бекетова. — По незнакомой улице водитель без света не проедет».

Автомобиль остановился, затем, попятившись, съехал с асфальта и скрылся во дворе. Ворота за ним тотчас плотно закрылись. Хозяева, наверное, давно его поджидали.

«Еще две годовых учительских зарплаты,— отметил про себя Бекетов. — Что ж это делается!..»

Он вернулся в спальную комнату, разделся и лег в постель. Долго не мог согреться, все ворочался и вздыхал.

* * *

Полковник с утра обычно занимался разбором тех происшествий, которые случались прошедшей ночью. На этот раз их было немного. Пьяная драка собутыльников. Часто бывает, что начинают пить друзьями, а заканчивается попойка телесными повреждениями, иногда серьезными. Протрезвев, так называемые друзья обычно не могут вспомнить, что же их поссорило... Еще в магазине кто-то выдавил стекло. Правда, ничего не похищено. Как уверяли оперативники, то была, очевидно, попытка укрыть образовавшуюся недостачу. Прилавки, естественно, стояла на своем; магазин обворовали. Ис-

тому предстояло установить. А вот как это сделать, надо по-
лечать голову.

Наконец, полковник остался в кабинете один. Он сразу
же углубился в чтение бумаг. Они поступали ежедневно, а
начальник горотдела не всегда имел время, чтобы вот так,
внимательно, ими заняться.

Поэтому он нахмурился, когда в комнату заглянул де-
журивший в приемной офицер.

— К вам посетитель, — сообщил он. — Пригласить?

Утаров мог отправить его к заместителю или к какому-ни-
будь другому должностному лицу, но он никогда так не по-
ступал. И сотрудники иногда злоупотребляли этим правилом
начальника городского отдела милиции, направляя к нему и
тех, с кем могли бы разобраться сами. Полковника лишь ве-
селила эта маленькая хитрость, потому что он был, таким об-
разом, в курсе всех дел, которыми занималось его учреж-
дение.

— Ну что ж, пусть войдет, — произнес Утаров, отодвигая
папку с документами.

В дверях появился худощавый, средних лет мужчина. Оки-
нув его внимательным взглядом, полковник подумал, что это
пострадавший. Наверное, обокрали. А когда перехватил
взгляд вошедшего, поправил себя: пришел, пожалуй, жало-
ваться. Какая-нибудь склока с соседями.

— Я долго колебался, прежде чем прийти к вам, — ска-
зал мужчина.

— Напрасно, — ободрил его полковник.

— Теперь боюсь, что опоздал.

— И все равно: не будем спешить. — Утарову вдруг пе-
редалось волнение посетителя. У него даже появилась симпа-
тия к этому человеку, которого мучили сомнения. — Прошу
вас все изложить по порядку.

Бекетов рассказал о странной машине, которая въезжает
во двор соседского дома с потушенными фарами, о горах ка-
кого-то груза.

— Может, шала в капарах? — сразу спросил полковник.

— Точно! — воскликнул посетитель.— Я так же подумал.
И еще я как-то видел соседку на базаре среди торгующих ри-
сом. А вы как догадались?

— Недавно закончилась уборка. Длилась она месяца пол-
тора. Рис долго лежал на совхозных токах, на глубинных
заготпунктах. Его перевозили тысячи автомашин. Продукт
очень ценный. Могли и припрятать. Теперь решили реализо-
вать... Не будем, однако, забегать вперед. Оставьте нам свой
адрес и идите домой.

— Спасибо,— произнес Бекетов, почувствовав облегчение. — И это все?

Полковник улыбнулся.

— Конечно. За сведения большое вам спасибо.

Он поднялся из-за стола, решив проводить посетителя до дверей. Поступал так полковник редко.

2

Бекетов собирался ложиться спать, когда в квартиру к нему постучали. Прежде чем открыть дверь, он по обыкновению спросил:

— Кто там?

— Лейтенант Туленов. Откройте. Я по делу, с которым я приходил к полковнику.

— Я не разбираюсь в званиях.

— Ну, в милицию вы приходили?

Бекетов отодвинул защелку. Ожидал увидеть человека в милицейской форме, а перед ним стоял мужчина в обыкновенном демисезонном пальто.

Молодой человек улыбнулся, сунул руку в карман, где наготове у него было удостоверение. Бекетов глянул в раскрытую книжицу, оклеенную красным коленкором. В коридоре горела сорокасвечовая запыленная лампочка. Но даже при хорошем освещении он, волнуясь, не разглядел бы ни фотографии, ни фамилии.

Гость и хозяин, однако, понимали, что это простая формальность. И насчет формы все было ясно, конечно же, появляться на улице в милицейской форме было рискованно. Может, из того дома, куда привозили еженощно груз, постоянно велось наблюдение.

— Останусь у вас, — сказал лейтенант, когда хозяин вновь запер дверь.

— Пожалуйста. Раздевайтесь и проходите. Сейчас скажу, чтобы жена поставила чай.

— Ничего этого делать не нужно. Укажите только, откуда лучше виден двор того соседа.

— Из кухни, — сказал Бекетов. — Да, из кухни лучше всего. А чай я вам все-таки поставлю. У нас — газ. Будет быстро, свет зажигать не надо.

— Спасибо.

Лейтенант снял пальто. Внизу у него оказался китель. В голубом свете газовой горелки сверкнул ряд медных пуговиц. Постоял у окна. Он хорошо видел железные ворота, на которые ему указал хозяин квартиры. Но наблюдение могло

и затянуться. На этот случай он приставил к окну табурет и чуть сдвинул влево хлопчатобумажную занавеску.

— Вы идите, отдыхайте спокойно, — предложил хозяину. — Вам ведь завтра на работу. С чаем я сам управлюсь.

Когда Бекетов лег, жена тихо спросила:

— Кто к нам приходил?

— Он и сейчас у нас.

— Ой! Как же так? Надо бы приготовить ужин.

— Он — милиционер. Сидит на кухне. Чай кипятит сесам.

— Чем он займется?

— Будет смотреть на улицу.

— И только?

— Спи, пожалуйста.

— Хорошо, — произнесла жена.

Она вообще никогда не возражала мужу. Бекетову с ней было легко. Но согласиться — это не так уж и трудно, гораздо сложнее выполнить обещание. Прошло полчаса, час, а жена не спала. Старалась почти не дышать, притворялась, будто уже заснула.

Конечно, какой тут отдых, когда знаешь, что в твоей квартире находится посторонний мужчина, который в любую минуту может уйти, забыв даже притворить за собой дверь.

Еще через два часа Бекетов уже думал о том, что зря он ввязался в эту историю. Люди умеют жить. И пусть занимаются тем, чем нравится. Так, видно, устроен мир. Одни трудятся в поте лица, ведут учет каждой заработанной копейке. Другие ловчат, воруют. Их не пугает ни закон, ни то, что когда-нибудь конец все же наступит, и они окажутся за решеткой.

Время, когда приходили машины с грузом, давно уже наступило. Но тихо было на улице, неслышно вел себя и лейтенант, засевший на кухне.

Учитель забылся в коротком чутком сне. А когда открыл глаза, понял, что скоро рассвет, что, наконец-то, закончилась эта длинная зимняя ночь.

Он осторожно приподнялся с постели. И тотчас услышал шепот жены:

— Куда?..

— Посмотрю, что он там делает. Может, уже вышел?

— Тихо сидит. Я не спала.

Бекетов снова откинулся на подушку. К утру в квартире установилось прохладнее, и он, натянув на голову одеяло, повернулся на правый бок, подтянул к животу ноги.

«Значит, сегодня не приехали,— подумал он.— Неуже-

ли перевезли все, что предполагалось? Тогда машина [illegible] — здесь больше никогда не появится. А лейтенант будет [illegible] ждать...» Учителю стало не по себе от мысли, что и завтра, и послезавтра он будет находиться у него в доме.

Не смог больше заснуть Бекетов. Когда он стянул с головы одеяло, в комнате можно было уже видеть предметы — наступил рассвет серого зимнего дня.

Жена его больше не останавливала. Накинув халат и шлепанцах, учитель пошел посмотреть, чем занят милиционер.

Лейтенант спал, уронив голову на подоконник. Плечо уперлось в стенку, потому он и держался на табуретке.

Бекетов осторожно кашлянул.

Лейтенант поднял голову, произнес:

— А-а...

Вот он стоит перед учителем. Извиняясь, разводит руками.

— Не приехали? — спрашивает Бекетов.

Ответа не надо. Это ясно и так.

— Не уходите. Вместе позавтракаем.

— Не имею права. Извините, что причинил вам столько беспокойства. Надо уйти незамеченным. Наверное, те люди не очень глупы: решили сделать передышку. На всякий случай. Пусть все успокоятся. Соседи — тоже. Машины видели, пожалуй, многие, к нам, однако, пришли вы один. И то после долгих колебаний...

Лейтенант осторожно выскользнул в дверь. Собаки во дворе у Бекетова не было. Милиционер ушел незаметно, как и появился.

«А он человек думающий,— решил вдруг учитель.— Надо сказать жене, чтобы приготовила все для плова, — подумал он. — Если лейтенант придет опять, вечер будет скрашен интересной беседой».

3

Днем жена Бекетова сбегала на базар, купила риса, моркови. Постояла в очереди за свежим мясом. Муж решил угостить ночного гостя пловом, а он не пришел. Так и остался на кухонной плите казанок с мясом, обжаренным в хлопковом масле. Рис не засыпали. Плов подают гостю горячим и свежим. А когда ложились спать, казанок вынесли в прихожую, на холод.

Ночь прошла спокойно. Учитель и его жена хорошо выспались. Вечером Бекетов снова ждал лейтенанта. И уже с нетерпением. Гости в доме появлялись редко, он соскучился по

дружеской беседе за дастарханом. И когда Тулепов опять не ловился, вконец расстроился.

— Плюнули на мое заявление, — сказал он жене. — Не хотят возиться. У них и других дел, конечно, хватает. Зачем еще это? Тут не грабят, дверей не взламывают, не убивают, даже не скандалят.

Каково же было удивление Бекетова, когда на третью ночь в окошко его спальни осторожно постучали.

Учитель бросился к двери. Открыл ее, не включая света.

— Еще раз извините,— сказал вошедший.— Хорошо, что вы догадливый.— Лейтенант имел в виду, конечно же, электричество.— Мне кажется, сегодня привезут груз.

— Почему так думаете? Может, тот грузовик уже привез шалу. Вчера?

— Исключено.

— Почему? Я, например, спал крепко.

— Зато наши люди не спали.

— Понятно, — учитель повеселел. — Жаль, что плов, который ждал вас позавчера, мы съели вчера.

— Обойдусь чаем, — сказал лейтенант, засмеявшись. — Только заварите покрепче.

И опять учитель, лежа в постели, прислушивался к каждому звуку, доносившемуся с улицы. Но присутствие постороннего в доме теперь уже беспокоило меньше.

Уснул он незаметно. Задремал и лейтенант. Голова, становясь неимоверно тяжелой, сама клонилась к подоконнику. Потом Тулепов ловил себя на том, что на какое-то мгновение отключалось сознание. Он прикладывался к носику чайника. Но и это не помогало.

Очнувшись в очередной раз, лейтенант услышал ровное гуденье мотора. Сначала подумал, что высоко в небе прошел над городом самолет.

Гул, однако, нарастал, а встать, сбросить сонливость не было сил. Когда же темное пятно грузовика заслонило почти половину улицы, Тулепов вскочил, прильнул к холодному оконному стеклу.

Автомашина свернула к воротам, на которые ему указал учитель еще в первую ночь. Теперь нужна только выдержка. Он появится, когда преступники будут переносить мешки в сарай, в дом или другое укромное место.

Одного не учел лейтенант. Что ворота могут быть на запоре. Закрытой на внутренний засов оказалась и маленькая калитка. Тулепов прижался на нее плечом, но заперта она была крепко.

Ему ничего не оставалось, как постучать. Люди, занятые по двору разгрузкой автомашины, услышали его сразу. Притихли. Наконец, приглушенный мужской голос спросил:

— Чего тебе?

— Это дом Жиенбаевой?

Лейтенант в горжилуправлении узнал фамилию хозяйки. Знал и то, что, кроме нее, в квартире никого не должно быть. Муж ее скоропостижно скончался еще в позапрошлом году. Вроде бы после очередной попойки. Детей, мальчика и девочку, часто уводит к себе сестра Жиенбаевой. Хозяйка, естественно, нигде не работает.

— Чего нужно? — повторил хрипло мужской голос.

— Куда вы денетесь. Откройте. Милиция!

Мужчина, конечно, не открыл. Было слышно, как он побежал в глубь двора. Очевидно, чтобы сообщить эту новость.

Вскоре раздались торопливые шаги. К калитке подошли уже по крайней мере два человека.

— Кто вы? — спросила женщина.

— Вам уже известно. Милиция.

Звякнула металлическая задвижка. В образовавшуюся щель протиснулся мужчина. Он был намного выше лейтенанта, навис над ним черной горой.

— Документы?

Тулепов протянул удостоверение. Мужчина принял его. Вспыхнул свет. Это лейтенант включил фонарик.

У мужчины правая рука была поднята над головой, сжата в кулак. Электричество его ослепило.

Тулепов, отступив на шаг, приказал:

— Отставить!

Мужчина разжал пальцы.

— Твоя правда. Зачем мне это. Я тут — человек посторонний.

— Шофер грузовика?

— Точно.

— Тогда постучись в соседние два дома. Скажи, что у Жиенбаевой произошло несчастье. Нужны, мол, свидетели для протокола.

— Понимаю. А не боитесь, что убегу?

— Найдем. Куда денетесь.

— Все сделаю.

Разрешая преступнику уйти из-под надзора, лейтенант не допустил просчета. Он, таким образом, оторвал его от тех, кто находился по двору и в доме. Сколько их? Кто они? Этого Тулепов пока не знал.

Он прошел к машине. Осветил ее, запомнил номер. Автомобиль был заметный, пятитонный, с двумя задними осями. Рис преступники сносили в сарай. На земле валялся огромный мешок. Очевидно, бросили, когда он постучал в калитку. Тулепов попытался его приподнять. Нет, такой груз одному перетащить вряд ли под силу. Надо искать сообщника.

С зажженным фонариком он поспешил к сараю. Половина огромного помещения была забита такими же мешками с нешелушеным рисом. Аккуратно уложенные, они упирались в самую крышу. А к задней сырцовой стене сарая мешки не прижаты. Это, наверное, для того, чтобы зерно не отсырело и не попортилось. Ему предопределено было лежать здесь не один месяц.

Внимание лейтенанта привлек выдвинутый мешок. Последний, у самой стены. Тулепов осветил пространство между стеной и мешками. Он не сразу догадался, что это. Две стертые подошвы. Словно кто-то втиснул между мешками кирзовые сапоги.

— Эй, дядя, вылезай! — произнес лейтенант.

Подошвы не двигались. Тогда лейтенант постучал по ним фонариком.

— Живее! — приказал он. — Дел у нас впереди много.

Мужчина попытался вылезти. Мешок с шалой еще выдвинулся, и, наконец, выпал из своего ряда. Другие рухнули на него. Потом эта груда задвигалась. Вскоре перед лейтенантом встал растрепанный человек. Шапку он потерял, запошенная телогрейка распахнулась. Надета она была прямо на нижнюю рубаху, на воротнике которой не оказалось пуговицы.

— Степан Махоркин. Механик.

Называя себя, он прикрылся рукой от яркого света.

— Готов дать показания. Глубоко раскаиваюсь.

Махоркин сделал шаг вперед, и Тулепов ощутил винный перегар.

— Сволочь сопливая! — произнесла хозяйка дома.

Она все время молча следовала за невесть откуда появившимся сотрудником милиции.

— Пойдемте в дом. Мне нужно вызвать оперативную группу.

— Телефон не работает.

— Лжете. Сегодня днем я проверил его. Помните звонок? «Алло, автобаза!..» — лейтенант произнес последние слова скороговоркой, возмущенно.

Женщина, видимо, узнала голос. Повернулась, пошла из сарая.

В комнате, при ярком свете дорогой люстры, лейтенант хорошо ее разглядел. Лет хозяйке, наверное, под сорок. Крупная. Некрасивая, хотя в лице и не было ничего отталкивающего.

Внешне спокойная. «Считает, что выкрутится», — подумал лейтенант.

По телефону он назвал себя, сказал:

— Выезжайте.

Насмешливо посмотрел на хозяйку, чтобы та поняла: у милиции все распланировано, милиции все известно.

— Присядем, гражданка Жиенбаева. Поговорим.

— Уберите этого.

Она кивнула в сторону нерешительно переминавшегося у двери Махоркина.

— К сожалению, некуда. Придется потерпеть.

Тулепов принялся разглядывать мебель. Стенка дорогая, два больших кресла, диван, у стульев и журнального столика резные ножки. Книг не было. Их место в стенке занято хрусталем — вазы, блюда различной формы. Лейтенант подошел к двери, ведущей в смежную комнату.

— Что это, обыск?

— Нет. Просто интересуюсь, как живете. По долгу, так сказать, службы.

— Неплохо живу.

— Вижу.

— Может, начнете задавать вопросы, относящиеся к делу?

— Какие, например?

— Ну, откуда рис? Кто привез? По какой цене куплен?

За окнами послышался скрип тормозов. «Дежурная машина, — Тулепов узнал ее. — Приехали». Он все время боялся, что у водителя грузовика сдадут нервы, он вскочит в машину, рванет на ней, куда глаза глядят.

На пороге вырос одетый по всей форме милиционер. Вытянулся, приложил руку к виску, доложил:

— Прибыли, товарищ лейтенант.

— Заберите, сержант, с собой задержанного...

Лейтенант выдвинул стул, приставленный вплотную к столу. Сел, предварительно расстегнув пуговицы на своем немодном демисезонном пальто, снял шапку. Женщина правильно его поняла: она расположилась напротив и тоже распахнула утепленную бархатную курточку.

На пальце ее сверкнуло кольцо с бриллиантом. Тулепов отметил про себя, что вещица эта очень и очень дорогая.

— Скажите, вы живете на пенсию, которая была назначена детям после смерти кормильца? Вашего мужа?

Хозяйка дома промолчала.

— Конечно, самой надо бы работать. А вы — домохозяйка... Дети у сестры?

Женщина опять ничего не ответила. Только глаза опустила.

— Я жду!

— Так. К чему их будить. Мне нужно было накормить тех людей.

— Это что, кто-то дал вам такое указание?

— Обычный долг вежливости. И не ловите меня на слове. Я скажу вам только то, что знаю.

— Понятно, — лейтенант поднялся. — Подождите меня в комнате.

Во дворе находились свидетели, несколько милиционеров. Шоферу грузовика и Махоркину лейтенант приказал продолжать разгрузку автомашины.

— Транспорт нам может понадобиться, — сказал он дежурному офицеру. — Сарай опломбируйте.

Когда возвратился в комнату, Жиенбаева в той же позе сидела у стола.

— У меня несколько вопросов, — выкладывая бумаги, произнес Тулепов.

— Допрос?

— Да уж, тут без допроса не обойтись. Итак, кто вам привез шалу и сколько ее должно быть?

— Сколько будет, не знаю. Я договаривалась по пятидесяти копеек за килограмм.

— Я просил бы назвать имя человека.

— Не знаю. Он подошел ко мне на рынке и предложил товар.

— Когда он зайдет за деньгами?

— Позднее. С шалой хлопот много. Надо свезти на рисорушку, забрать. Вывезти на базар. Всюду расходы.

— Копеек по сорок с килограмма у вас все же останется?

— Свое бы вернуть.

— Рис хороший. На него большой спрос.

— Успели проверить?

— Обшелушил на ходу несколько зерен.

Лейтенант выложил на стол из кармана горсть шалы. Придвинул к хозяйке дома.

— А вы не подумали о том, что рис краденый?

— Нет. Человек с виду порядочный. Цену запросил приличную.

— Зачем тогда товар везти ночью, с потушенными фарами?

— Я в этом деле ничего не понимаю, может, в пути в машине что-то сломалось.

Лейтенант вопросов больше задавать не стал. Хозяйка, решил он, сейчас все равно будет стоять на своем, сколько ее ни спрашивай. Тем более, что машину по двору уже, наверное, разгрузили, а сарай опечатали. Надо быстрее выехать туда, откуда прибыл груз.

1

Милицейский газик тронулся со двора за тяжелым грузовиком. На заднем сиденье, между лейтенантом и дежурным оперативным работником, поместили Махоркина.

Хмель с него давно сошел. И теперь этот человек, казалось, боялся всего. Дороги, своих спутников...

— Отпустите меня, — канючил он. — Ну, в чем я виноват? Я только работал. Что говорили, то и делал... Я не сбегу... Да вы меня сразу найдете.

Он, конечно, не врал. Ему действительно было сейчас выпить. И найти его снова действительно было нетрудно: стоит лишь проехать утром по магазинам, где торгуют вином.

— Я на комбайне вкалывал, — продолжал Махоркин. — Рис обмолачивал. В совхозе можете навести справки.

Он назвал хозяйство. Лейтенант определил, что машина, выехав из города, движется как раз в направлении этого совхоза. Он поближе придвинулся к Махоркину для того, чтобы узнать, сейчас же по свежим следам, как совершено преступление и кто его участники.

— Поймали-то вы в другом месте. И не при обмолоте зерна, — напомнил Тулепов.

— Правильно. На деньги клюнул. Есть грех. Свои-то, что заработал, я быстро спустил. Хотел жене отдать — не успел. Гастролером на пути попался, дружки-товарищи обступили. Когда домой пришел, жена на порог не пустила. Выкинула старый тулуп, сказала, чтобы жил в сарае. Так мы там вдвоем и почуем. Прижмемся друг к другу плотнее, чтобы теплее было...

— А кто второй?

— Тарзан. Пес дворовый. Лет десять у нас живет. Любит меня.

— Как же вас не любить,— с иронией согласился лейтенант.

Автомашины свернули с асфальта на проселочную дорогу, оставив слева слабые в занимавшемся дне огни совхозного поселка. «Рис брали не с государственного зернопункта. Его до поры до времени где-то припрятывали, — догадался Тулепов. — И хорошо, что сразу не взял под стражу шофера, идущего впереди грузовика, а поручил ему позвать понятых».

— Тот, что грузовик ведет, сколько раз брал из-под вашего комбайна рис?

— Его тогда не было. Он теперь появился. Толик заболел... Может, и отказался. Не такой он дурак, как я, к примеру. За чужой грузовик в петлю не полезет.

Дорога под машиной кончилась. Колеса стали глубоко уходить в рыхлый песок. Мотор едва справлялся с перегрузками, включенная передняя ось забирала значительную часть его мощности.

Махоркин глянул в окошечко. Увидев барханы и редкий саксауловый лесок, произнес:

— Скоро будет хитрый мостик.

— Почему хитрый?

— А он разбирается, когда надобность в нем отпадает.

— Чего только не напридумывают, когда украсть захотят, — произнес милиционер, сидевший слева от Махоркина.

Машина взобралась на бугор, преодолела по шаткому настилу глубокий ров.

— С другой стороны такая же впадина. Там и захоронил он шалу, — сказал Махоркин.

— Кто?

Лейтенант умышленно до сих пор не задавал этого вопроса. Ждал, когда о главном преступнике заговорят его сообщники.

— Бригадир.

— У него что, нет имени?

— Есть, конечно, но я никогда не слышал, чтобы его называли по-другому. Может, Толик знает...

Сидящих в кабине качнуло. Это резко затормозил шофер.

— Наверное, приехали, — сказал милиционер и открыл дверцу.

Спрыгнув на землю, лейтенант осмотрелся. Они находились на северной стороне большого холма. Скорее, даже какого-то нагорья, откуда далеко вокруг просматривалась вся местность.

— Здесь очень сухо, поэтому зерно хранится сколько угодно,— услужливо пояснил Махоркин.

Мешки с шалой аккуратно были уложены во рву, сверху присыпаны песком, в который преступники натыкали для маскировки сушняка.

Когда расчистили края и вытащили мешки, сфотографировали их, лейтенант разрешил начать погрузку.

Теперь Тулепову тут, кажется, больше нечего делать. Остальных преступников он найдет. Не все сразу. Главное сделано — похищенное зерно будет зачтено совхозу в счет поставок. Позднее, после суда, а сейчас его просто отвезут на государственный элеватор.

— Не возьмем все одним рейсом, — высказал предположение сотрудник милиции, когда Тулепов сказал, что намерен уехать.

— Оставьте постового. Сделайте еще одну, две, три ходки. Сколько понадобится.

У лейтенанта разболелась голова. Сказались бессонные ночи, пережитое напряжение.

Еще раз он оглядел вокруг. Вряд ли сюда за долгую зиму забредет хоть один человек. И пастух с овцами, и охотник голую сопку обойдут, не станут тратить силы на подъем и спуск.

— Постового все же оставьте, — повторил лейтенант. — Водитель грузовика завтра пусть явится ко мне в милицию. Махоркина забираю с собой.

5

Тем же утром лейтенант подробно доложил начальнику горотдела милиции о расхитителях риса. Сегодня он еще должен уточнить все, что касается человека, называвшего себя Бригадиром, заняться его розыском. Гошка тоже придется взять под стражу. Он основной исполнитель задуманной главарем преступной группы кражи.

— Действуйте, лейтенант. Это ваше первое серьезное служебное поручение. Нам нужна вся эта «бригада», — сказал полковник, доброжелательно улыбнувшись молодому сотруднику.

... Шофер грузовика был приглашен к одиннадцати. Часы, однако, показывали уже половину двенадцатого, а он все не появлялся. Тулепов стал нервничать. Наконец, решил позвонить в проходную.

Дежурный ответил, что никто к следователю не просился.

— Подождите! — тотчас воскликнул он. — Тут какой-то мужик у входа вертится. И никак подойти не решается. Сейчас я его позову.

Дежурный положил трубку рядом с телефоном. И лейтенанту было слышно, как он крикнул кому-то в открытую дверь.

— Товарищ, вы не к следователю Тулепову?

Что ответили дежурному, лейтенант не разобрал. Но веселый голос милиционера его обрадовал:

— К вам! Выписывать пропуск?

Шофер был коренастый, крепкий. Левую щеку рассекал глубокий шрам. Он задел и бровь, отчего казалось, что он косит.

— Где пострадали, Глебов? — спросил Тулепов.

«Не случайно Бригадир выбрал тебя, — подумал лейтенант. — Внешность уж очень характерная».

— В аварии побывал. Года три назад.
— Судили?
— Потерпевших не привлекают.
— Верно. Так где вас нашел Бригадир?
— Кто?
— Ну, тот человек, кому принадлежал припрятанный рис.
Ответ шофера подтвердил предположение лейтенанта, что Глебов подключился к преступной группе в последний момент. Почему? Новый человек в таком деле — это еще один свидетель. А Толик? Он куда девался?
— Человек тот меня встретил в чайной. Она на полпути от совхоза. Ну, чей рис был припрятан. Он мне не сказал о грузе, обещал сотню за рейс. А потом — премиальные, чтобы молчал.
— Так и сказал?
— Да.
— Может, убить хотел?
— Точно. Я это почувствовал, когда мы оказались на том пригорке. Как понял, что воровайкое подрядился возить, перепугался. Хотел на попятную. Только куда там. Убьет. Сами видели, какое безлюдье вокруг.
Возможно, Глебов разыгрывал из себя жертву. Сейчас это было в его интересах. С виду он был не робкого десятка. Когда такой возьмет в руки монтировку или какой другой тяжелый предмет, к нему не подступиться.
— Испугались, говорите?
— Взгляд у него нехороший. Я так понял: если бы ему не нужны были грузчики, закопал бы он меня и Степана в песок.
— Он ехал с вами в кабине?
— Отдельно. У него белая «Нива». Почти новая. Со мной Степан был. Поддатый.
— Выпивший? — уточнил лейтенант.
— Ага. Говорит, говорит, и никакой связи между словами уловить нельзя. Встречаются же такие...
— Случается. А номер «Нивы» запомнили?
— А не было на ней номера. Снятый.
— А что же смотрела инспекция, когда вы ехали?
— Не знаю. Может, перед постами он номер прикручивал. Минутное ведь это дело.
— Может быть... Может!
Лейтенант задумался. Марка машины, цвет. Если хорошо покопаться, владельца он найдет максимум за неделю. Но тут что-то не так. Не может опытный преступник подстраховывать себя только таким примитивным способом.
В кабинете было прохладно, но Глебов взмок. Ругал, видно,

себя, что польстился на дармовые деньги, которые тюрьмой сворачиваются. Неприятным ведь сразу показался ему тот тип. Вроде бы мягкий, добрый был, когда уговаривал. А стоило неожиданно перехватить его взгляд, когда тот думал, что за ним не наблюдают, в глазах презрение и могильный холод. Такой убьет спокойно, без угрызений совести. Это Глебов понял еще там, на песчаном бугре, когда струсил, когда хотел пойти на попятную.

Вытерев потные ладони о брюки, он спросил:

— Меня посадят?

— Непременно.

— Меня отсюда не выпустят?

— Почему же? Человек вы не глупый, прятаться от закона не станете.

— Значит, срок небольшой. Как несознательному пособнику.

— Суд все определит. Суд.

Надо было теперь у Махоркина подробнее узнать о главном помощнике Бригадира, это о Толике. Поиск придется вести параллельно, а брать одновременно с Бригадиром. Хотя, почему у меня такая уверенность? Какие-то причины ведь не позволили Бригадиру вторично воспользоваться услугами Толика? Не поделили ворованное? Не сошлись в цене?

Махоркин, когда он вновь предстал перед Тулеповым, выглядел похудевшим. Под глазами набухли мешки — свидетельство больных почек или нездорового сердца.

— Совсем не сплю я, гражданин следователь, — пожаловался он.

— Это пройдет. Месяца три поломает, и пройдет.

— Сколько?! — переспросил Махоркин испуганным голосом.

— Станете нормальным человеком.

— Я не выдержу...— произнес Махоркин. И, немного поколебавшись, добавил: — Может, опохмелиться дадите?

— Не положено.

Губы у Махоркина вдруг побелели, глаза сузились. Вскочив со стула, он закричал:

— Тогда ничего не скажу! Вот, выкусите! — он ткнул в сторону лейтенанта кукиш.

— Успокойтесь, Махоркин. Вы задержаны на месте преступления — это главное. Организатор, которого вы называете Бригадиром, скрылся. Разве не обидно? Втянул вас, бросил за решетку, а сам разгуливает на свободе.

Махоркин вновь опустился на стул. Притих, задумался. Олег он был неряшливо. Воротник некогда зеленого пиджака, измятого до предела, засалился, блестел толстой жирной полосой.

Рубашка, цветом похожая на милицейскую, расстегнута. Вместо верхней пуговицы торчал клок оборванных ниток.

— Сколько вам дал Бригадир за работу на комбайне? — спросил лейтенант.

— Ничего.

Это было интересно. А может, Махоркин крутит что-то? Нет. Он говорит правду. Ведь комбайнер почти не рисковал. Его обязанность обмолачивать рис. А кто подъедет за ним, куда повезет — забота других людей

— А сколько обещал?

— Пять тысяч.

— И вы не искали, чтобы получить обещанное?

— Он нашел меня сам. Предупредил, чтобы язык держал за зубами. А деньги, мол, будут после реализации товара.

— Вы молчали?

— По пьяному делу, может, кому и говорил, только кто пьянчужке поверит?

Лейтенант впервые слышал, чтобы алкоголик признавал себя таковым. Видно, многое передумал Махоркин, находясь в камере предварительного заключения.

— Во второй раз Бригадир опять обещал пять тысяч?

— Да.

— И вы согласились, в сущности не веря ему?

— Куда было деться, если сидишь на мели? Во время уборки он выдавал мне в день по три бутылки портвейна.

— Через Толика?

— Да.

— За каждую левую машину — бутылка?

— Не всегда так выходило.

— Ну, хорошо. Как же он расплачивался в этот раз?

— Через гастроном.

— Натурой? — не понял Тулепов.

— В рассрочку. Он показал меня продавщице, отдал ей зеленую и сказал, чтобы больше трех бутылок в день не давала. Помереть, мол, может.

— Это на десять дней,— подсчитал лейтенант.— А потом?

— Обещал рассчитаться.

Лейтенант записывал показания. Он не торопился, потому что ждал звонка. Там, в автоинспекции, сейчас разыскивали белую «Ниву». Тулепов еще раз оглядел отекшего, согнувшегося на стуле Махоркина, которого била мелкая дрожь.

Было очевидно, что Бригадир, так лейтенант привык уже называть организатора преступления, не хотел вводить в свою группу новых людей. Исключение было сделано для шофера

грузовика Глебова. И не переставала мучить мысль: что же с Толиком? Почему произошел разрыв?

— Ну, давайте дальше, Махоркин. Что же вы летом так про-сто согласились воровать рис?

— Я уже говорил. Убедил себя, что мое дело сторона. Под-катила автомашина — засыпал из бункера, вот и все.

— Подъезжали в неурочное время, наверное?

— В обеденный перерыв. И вечером еще.

— А Толик, он что: из привлеченных в совхоз временно, на перевозку зерна?

— Да.

— Опишите мне его?

— Ну, рост небольшой. Скуластый. Глаза черные, узкие. Русские слова произносит хорошо, чисто.

— Постой-постой? Он что, не русский?

— Ну, да. Может, казах...

— А настоящего его имени не знаешь?

— Может, Толибай?

Лейтенант знал, что есть такая практика: переиначивать местные имена на русский лад. Для простоты общения. А тут была, наверное, кроме того, и маскировка.

— А точно не знаете?

— Нет. Да и не интересовался я. Какая мне разница.

— Верно, — согласился лейтенант.

Настроение у него испортилось. Все усложнялось. Упустишь время — разбегутся преступники. Не так-то просто будет их отыскать.

В комнату вошел сотрудник отдела. В руке у него был лист бумаги. Он передал его лейтенанту так, чтобы не увидел написанного допрашиваемый.

Это было сообщение из госавтоинспекции: «Белых «Нив» значится на учете 76. Если снять с контроля старые и совершенно новые, недавно поступившие, остается 45. Выписали, прежде всего, номерные знаки и адреса городских владельцев. Районных и сельских дадим позднее».

— Ну, а номер машины Толика? — Продолжал допрос лейтенант, — он ведь его не мог снять?

— А никто не снимал. И Бригадир несколько раз приезжал на «Ниве» с неснятым номером.

— На белой?

— Да.

— Что ж ты не говоришь, зачем приезжал?

— Проверить.

— Снабжает ли вас Толик вином?

— Да.

— А номер?... Какой номер был на той белой «Ниве»?

Махоркин наморщил лоб.

— Первая — пятерка... Потом — шестерка... — А последний раз... с восьмерки почему-то начинался.

— Поменял, значит, номера?

— Вот-вот! А тогда мне показалось, будто сам я в цифрах запутался.

— Другие цифры не помните?

Махоркин взялся дрожащими пальцами за голову. Ему, видимо, было действительно плохо.

— Если стакан вина, — попросил он жалобно. — Тогда я, может быть, вспомню.

— Сочувствую, но... — произнес лейтенант.

Надо было побыстрее закончить этот допрос и приняться за розыски хозяина белой «Нивы». Тулепов не думал, что им окажется самозваный Бригадир. Но, как говорят, чем черт не шутит. Вдруг повезет.

— Ну, а как с номером Толика? Его машину вы видели ежедневно.

— Номер смешной: как ни поверни, переставь цифры, почти то же выходит. Шестьдесят девять — девяносто шесть...— Или девяносто шесть — шестьдесят девять. Перед глазами кружочки с согнутой палочкой так и эдак мелькают.

Лейтенант записал на листе бумаги номера.

Вызвав дежурного милиционера, подождал, не поднимаясь из-за стола, пока уведут арестованного.

6

Случилось так, что завгар Толыбаю Алдаханову оказался родственником. Правда, совсем неблизкие узы их связывали. Когда-то, в далеком прошлом, вместе перекочевывали по степи их предки, объединенные в одно большое сообщество. Но этого было достаточно, чтобы завгар частенько стал заходить к Толыбаю. Засиживались за ужином допоздна, пили вместе.

Алдаханов теперь сразу получал все запасные части, которые требовал. А был он себе на уме. Просил особо дефицитные. И случалось, тогда, когда в них не нуждался. Перепродавал их втридорога знакомым. А когда понял, что и этого дохода мало, стал появляться на толкучке, за городским рынком. Здесь кое-что из деталей продавалось по цене, в десять раз превышающей государственную стоимость.

Но и завгар оказался не таким простачком — потребовал свою долю. Зато стал усиленно снабжать «родственника» сальсо

ликами, прокладками, другой мелочью, которая шла нарасхват и по особо высокой цене.

На толчке шофер и столкнулся с Бригадиром. Тот приобрел у него две прокладки, не торгуясь. У Толыбая при виде этого покупателя сразу дрогнуло сердце. Чуть выше среднего роста, в хорошо сшитом сером костюме. Глаза прикрыты темными стеклами очков. Нос чуть приплюснутый, но лица не портил. Незнакомца можно было отнести даже к числу красивых мужчин. Заговорил он сперва на местном языке, затем перешел на русский. «Наверное, уйгур», — определил его национальность шофер.

Сразу было видно, что незнакомец в черных очках не водил грузовика. Если и нужны ему были эти прокладки, то лишь для каких-то своих целей.

Незнакомец, вежливо распрощавшись, ушел. В следующий воскресный день появился вновь. Толыбай заметил его загодя, за спинами других людей. Принялся собирать образцы своего товара, разложенного у ног. Но не успел этого сделать.

— Правильное намерение, — произнес незнакомец.

Он стоял над Толыбаем, наблюдая за суетливыми движениями его рук.

— Теперь пошли со мной.

— Куда? — осторожно спросил Алдаханов.

— С базара. Что еще тут делать.

— Ага... Верно. Пойдемте.

Незнакомец шел сбоку, придерживая шофера за локоть.

«Это, чтобы я не убежал, — решил Толыбай. — Много мне не дадут. Скажу, что сэкономил на ремонте автомобиля».

Прикинул вес мешка и вынужден был отказаться от пришедшей на ум версии.

«Надо бы спросить у него документ, — подумал шофер. — Рассердится. Впрочем, если он приведет меня в милицию, и так все будет ясно».

— Где живешь? — спросил незнакомец.

«Ага, решил еще и обыск устроить,— предположил Алдаханов.— Пожалуйста. Дома у меня товар не хранится».

Вскоре они свернули с центральной в узкую улочку, по обе стороны которой стояли домики индивидуальных застройщиков.

Дом Толыбая здесь выглядел победнее соседних.

— Что дом-то такой неказистый? Не успел заработать? — спросил человек в черных очках.

— Разве на этом много заработаешь?

Толыбай тряхнул мешок, который нес в руке.

— Вижу. И все-таки... А что у тебя с завгаром?

«Пронюхал. Все обо мне знает».

— Не вздумай выкручиваться. Это останется между нами, — попытался успокоить Алдаханова незнакомец.

— Родственник он мне.

— Ну и отлично. Скоро осень. Вас, наверное, в совхоз пошлют на перевозку зерна?

— Не всех.

— Нужно попроситься.

— Ладно.

— Мне понадобится небольшая услуга. Совсем небольшая. А пока возьми... Задаток, что ли... Или аванс... Называй это, как захочется. И на базаре больше не появляйся. Не мелочись.

Незнакомец сунул Алдаханову в карман плотную пачку красных купюр, оклеенную крест накрест банковской лентой. Улыбнувшись и махнув на прощанье рукой, он повернулся и быстро зашагал обратно.

Алдаханов хотел его остановить. Но в последний момент передумал. Пачка денег, которую он ощутил в кармане, не позволила этого сделать.

Через месяц деньги разошлись. Совсем незаметно, будто их и не было вовсе. Шофер уже давно заметил, что те, не заработанные честным трудом, тратятся бездумнее и быстрее.

На уборку риса он между тем напросился. Сделать это оказалось совсем нетрудно. О нем, как первом добровольце, похвально отозвался сам директор автобазы, когда формировалась автоколонна для отправки в совхоз.

Что же поручит ему человек в черных очках? Толыбай страшился встречи с ним и в то же время ждал ее.

Незнакомец появился, когда Толыбай выводил машину из гаража. Он поднял руку, просясь в кабину. Затем спросил:

— Порядок? Когда выезжаем?

Но Алдаханову показалось, что он в курсе всех автобазовских дел.

— Завтра.

Шофер с напряжением ждал, каким образом у него потребуют отработки полученных денег.

— Надо попасть в шестое отделение, — сказал незваный попутчик. — Возьми еще задаток.

Теперь у Толыбая в руке оказались уже две пачки красненьких, перевязанных шпагатом.

«Банковский кредит кончился, — сразу подумал он. — Значит, не особенно ты и богат».

— Остальные получишь, когда сделаешь мне работу, — сказал незнакомец. — Итого: пять тысяч. Такие деньги на дороге не валяются.

— Верно. Зато чем пахнут.

— Обойдется как-нибудь. Главное, чтобы язык был за зубами.

— Ясно. Ни родственникам, ни жене.

— Ко мне при посторонних будешь обращаться как к бригадиру. А еще лучше — никак не называй.

Он указал на педаль тормоза. Толыбай остановил машину.

Со Степаном Махоркиным Алдаханов сошелся быстро. Главное в их отношениях было вино. Днем Махоркин не позволял себе принимать лишнего. Подбодрит себя в меру и работает с азартом.

Делалось все просто. Толыбай останавливался на дороге в том месте, где ему надо было сворачивать, чтобы попасть к человеку, называвшемуся Бригадиром. Осматривался. Если впереди или позади вдруг оказывалась чья-либо машина, пропускал ее, копаясь для вида в моторе. Затем быстро сворачивал на ненаезженную колею. От постороннего взгляда его тут же закрывала дикорастущая роща.

Первые машины за песчаный бугор Толыбай отвез бездумно и быстро, словно в игру какую играя. По мере того, как в укромном месте росло количество ворованного риса, в душу стал закрадываться страх. Помешать могла любая случайность. И тогда срок заключения ожидал немалый.

— Может, хватит? — спрашивал он, разгружая с Бригадиром каждую очередную машину. — Больше не привезу.

— Еще одну. Последнюю. И катись, куда хочешь.

Так повторялось не раз. И Алдаханов снова возил рис.

Когда же он решил ослушаться, бригадир не стал искать с ним встречи. Он попросту исчез. Будто и не было его никогда.

Вину Махоркину Толыбай продолжал возить. Только пили теперь они вместе, отбросив всякую осторожность. Совхозное начальство стало выражать им свое недовольство.

— Видишь, — жаловался Степан. — Хозяин мне нужен строгий. — Он прикладывал руки к глазам, изображая человека в черных очках.

— А ты без него попробуй подтянуться,— советовал Алдаханов.

Сам он уже и не верил в существование Бригадира. Все с ним происшедшее казалось длинным кошмарным сном.

Закончилась уборочная, вернулись автомашины на базу. Толыбай принялся возить другие грузы, не спорил, не пытался отказываться, как принято у водителей, от рейсов невыгодных.

Завгар сразу заметил эту перемену.

— В деньгах больше не нуждаешься? — спросил насмешливо. — Почему не заходишь? Товар не берешь?

— Боюсь. В тюрьму попасть боюсь, понимаешь?

— Да-да. А я — ничего. Я это просто так... — смущенно пробормотал завгар. Попятился и исчез за бортом грузовика.

Алдаханов работой пытался заглушить страх. И не мог. Его стал пугать каждый стук в дверь, громкие голоса в прихожей.

Он понимал, что рис надо еще перевезти в город. Человек в черных очках это сделает тогда, когда ослабнет контроль на дорогах. Значит, зимой. Ночью. В мороз.

Бригадир все равно снова придет к нему. Он не захочет посвящать в свои дела нового человека.

И еще пугало Толыбая то, что он будет единственным человеком, кому удастся узнать, где находится Бригадир, с кем поддерживает связь, кому сбывает зерно.

«Убьет он меня,— все чаще приходил к одной и той же мысли Алдаханов.— Рука у него не дрогнет».

Он представлял, как в кабину к нему садится Бригадир. Потом на крутом повороте дороги — удар в висок. Человек в очках, вывернув руль, выскакивает, и машина летит под откос — в обрыв или реку. Кто в такой ситуации сможет докопаться до истины? Авария. В шоферской практике такое случается.

Как-то, просматривая газету, Толыбай наткнулся на объявление, в котором сообщалось о наборе рабочей силы в Тургайскую область. Переселенцам предоставлялись льготы на новом месте жительства, оплачивался проезд, провоз багажа.

Вспомнил, что и в прошлом году читал подобное объявление, только тогда он не обратил на него внимания. Ни к чему было. А теперь задумался.

«Завербуюсь годика на три, — решил тут же Алдаханов. — За это время сколько воды утечет. Забудется и Бригадир, затеряется, сотрется из памяти».

Жена предложение мужа встретила слезами. Конечно, она не знала подлинных причин. Если бы Толыбай ей открылся, первой кинулась упаковывать вещи.

Заявление Толыбай написал, а пяти с ним в бюро по переселению медлил. А вдруг случится чудо, и Бригадиру он больше не понадобится?

Но человек в черных очках появился. Вечером. Зимний день короткий, стемнело рано. Толыбай смотрел телевизор, ждал ужина. Он думал, что это, наконец, вошла жена с блюдом бешбармака.

— Добрый вечер, — поздоровался вошедший. — Явился без приглашения. Должок вернуть.

Толыбай и думать уже не смел про те две тысячи рублей, которые он должен был получить согласно договору после окончания уборочной.

Гость успел снять в прихожей обувь. Поэтому он, сделав несколько шагов по незастеленному полу, ступил прямо на одеяло, на котором с подушкой под боком лежал Алдаханов.

Под подушку Бригадир сунул две пачки денег. Придавил их, когда увидел в дверях женщину, державшую исходящее паром блюдо с ужином.

— Ко времени подошел, — удовлетворенно произнес гость и выбросил вперед короткие, но крепкие руки, приготовившись есть. — Хорошая примета.

Он был, видимо, голоден. Ловко подхватывал пальцами тесто, не забывал присовокупить к нему картошку и нарезанное кусочками мясо. Ловко отправлял все это в рот, не уронив ни крошки.

— Веришь в приметы, хозяин?

— Я — шофер,— уклонился от ответа Толыбай.

Сейчас он прикидывал, сколько понадобится дней, чтобы оформить документы, собраться и уехать. «За неделю надо управиться, — решил он — Иначе заподозрит меня. И от него уже не уйти».

— Контрольный пост с дороги убрали, — сообщил Бригадир.— Зима. Село отдыхает. Движения почти никакого.

— Пять тысяч,— назвал цену Алдаханов.

— Ты меня грабишь. Трех хватит. Две тысячи тобою получены!

— Это осенние. Еще три.

— Ну, хорошо. Отдаю сразу, после последнего рейса.

— Понимаю. А где ты живешь, я не знаю. Куда идти за долгом?

— Принесу. Может, немного задержу, но принесу. Товар еще реализовать надо.

Он протянул руку с намерением проститься. Толыбай сделал вид, что не заметил. Но это не смутило Бригадира.

— Завтра в полночь. Жду у джидовой рощи.

— Так скоро? — Алдаханов вскинулся, выдавая свое волнение. — Не могу.

— Почему?

— Мотор стучит.

— Ничего. Протянет, рейсы не дальние.

— А если заклинит?

Бригадир смягчился. Шофер прав: на неисправной машине за рискованное дело браться не следовало.

— Сколько надо времени на ремонт?

— Дней десять.
— Быстрее нельзя?
— Можно, — согласился Алдаханов.
И щелкнул себя по горлу пальцем: мол, угостить кое-кого придется.
— Деньги я тебе принес, — напомнил Бригадир. — Через неделю встретимся.

7

Государственная автоинспекция дала адрес владельца белой «Нивы», номерной знак которой начинался на восьмерку.
— Вам повезло, — сказал позвонивший Тулепову. — Если свидетель точно назвал номер, найдете именно то, что хотите.
Полковник посоветовал лейтенанту:
— Прихватите наряд милиции. Преступник может оказать сопротивление.
Уверенность старшего начальника поколебала сомнения лейтенанта. «Да, он найдет по указанному ему адресу Бригадира. И окажется тот обыкновенным ворюгой. А черные очки, отсутствие имени, таинственные появления и исчезновения — все это рассчитано на то, чтобы держать в страхе участников преступной группы».
Тулепов знал улицу Приганскую в старом городе. Узкая, некогда заасфальтированная. По сторонам — бугры из слежавшейся, неубранной золы, которую жители почему-то никак не хотели оставлять внутри дворов и выносить на приусадебные участки как удобрение.
Огороды домовладельцев тут выходили к совхозным полям. Этой улицей была как бы очерчена своеобразная граница между городом и деревней. Заметив по нумерации дом, который был ему нужен, Тулепов послал одного из милиционеров огородами. На случай, если Бригадир попытается уйти через черный ход и дворовые постройки.
Дом, у которого остановился милицейский газик, был построен как времянка: в одно окно, невысокий, крыша плоская. Рядом ворота и огороженное выгоревшим на солнце горбылем пустое пространство. Собирался хозяин обосноваться здесь прочно, да, видать, передумал.
«Машина есть, — отметил Тулепов, подходя к синей калитке. — Ворота, мосток через арык рассчитаны именно на нее».
Стучать не пришлось. Калитка оказалось незапертой. Выметенная тропинка вела к дому. «Ниву» лейтенант увидел сразу. Она стояла в двадцати шагах, загнанная в своеобразный сарай без дверей.
Дверь лейтенанту открыл старик кореец. Маленький, седой,

лицо в мелких-мелких морщинах. Выглядел он человеком, изрядно потрепанным жизнью.

— Проходите, пожалуйста, — произнес старик голосом мягким и подобострастным.

Тулепов кивнул стоявшему позади сержанту, чтобы осмотрел дворовые постройки. Старик все понял.

— Кого-нибудь ищешь?

— И да, и нет, отец, — решил успокоить хозяина Тулепов. — «Нива» ваша?

— Как же, моя. Показать документы?

— Придется.

В доме было всего две комнаты, разделенные легкой перегородкой. Кухня пристроена. На полу в комнате играли мальчик и девочка. Они не обратили на вошедших никакого внимания. Зато старуха, дремавшая у столика с отпиленными ножками, поднялась, что-то испуганно спросила у старика на родном языке.

Он ей ответил мягко, чтобы не вмешивалась, а занималась своим делом.

Тулепов вернулся на кухню. Там был стол, за который можно было устроиться с бумагами.

Старик, горбясь, принес ему документы.

— Кто водит машину? — спросил лейтенант.

— Теперь никто. Как сын умер, никто.

Тулепов все же надеялся встретить здесь Бригадира. Когда осмотр дома и дворовых построек не дал результатов, он успокоился. Слова старика отозвались в сердце тревогой. «Неужели не успели? Не учли, что за Бригадиром может быть еще некто, способный на убийство».

— Когда это случилось?

— Недавно. Совсем недавно... — зачастил старик.

— Время! Скажите точнее

— Весной. Скоро год будет. Операция. Желудок прободился насквозь. Две операции было. На второй не выдержал... На второй он умер.

— Машину никому не давали?

— Нет-нет. Стоит, как сейчас. Всегда стоит.

Лейтенант нахмурился. Неужели госавтоинспекция направила их по неверному адресу?

Старик по-своему истолковал неудовольствие, отразившееся на лице Тулепова. Вытер тыльной стороной ладони появившийся на лбу пот, виновато опустил голову.

— Давал, — вдруг признался старик. — Он мне риса привез. Детей кормить надо. А «Нива» стоит.

— Когда вам вернули машину?

— Три дня назад. Вторник будет. Брал на неделю, а вер-
нул скоро. Наверно, не нужна стала.
— Он вам близкий знакомый?
— Нет. Так, немного-немного знаю.
— Машина — не игрушка. Отдать человеку, которого по
фамилии даже не знаешь?.. Что-то тут не так, отец?
— Ден его фамилия, — обидчиво произнес старик. —
А моя — Ен! Говорю, рис он мне привозит. Кто зря рис давать
станет?
— Конечно, — согласился лейтенант.
Он подумал, что надо бы успокоить старика. А неплохо все
продумано: созвучные фамилии. Кого хочешь собьет это. Бри-
гадир, таким образом, свободно пользовался не только маши-
ной, но и документами умершего. Теперь нужен был адрес.
Неужели повезло?!. Знакомство-то, наверное, через сына.
— Сын ваш работал в совхозе?
— Да, — старик назвал район и совхоз, откуда был похи-
щен рис.
— Представьте, ваша «Нива» попала в аварию?
— Нет, она стоит в сарае, — отрицательно тряс головой
старик.
— Вчера вечером белая «Нива» столкнулась с грузовиком.
Машину отбуксировали на пост ГАИ, водителя отправили в
больницу в тяжелом состоянии.
— Не моя «Нива», — уперся хозяин дома.
— Теперь это ясно. Нас сюда направили очевидцы проис-
шествия. Они тоже живут на Пристанской улице. Вот и поду-
мали, что то была ваша автомашина.
— Спасибо им. Добрые соседи.
— А Ден этот не сосед ваш?
— Нет. Я и забыл, где он живет.
— Как? Забыли адрес?
Старик почесал у себя за ухом, взялся за подбородок. Вы-
глядел он растерянным. Потом взгляд его вновь обрел осмыс-
ленное выражение.
— Верно. Не помню, — произнес он. И тут же, хохотнув,
добавил: — Зачем мне Ден, когда «Нива» стоит в сарае?
У лейтенанта словно что внутри оборвалось. Неужели
осечка?
— Когда вы у него были? — механически задал следующий
вопрос Тулепов.
— В прошлом году. Летом. Сын зашел в дом, я остался в
машине.
— Даже улицу не помните? — настаивал лейтенант, а сам
думал сейчас о том, что и паспортный стол не даст ему адреса.

Ден наверняка живет в городе без прописки. Не так уж добр и прост, как это старается представить хозяин.

— Улица самая широкая. Где высокая гостиница и театр с фонтанами.

— Проспект Северный,— подсказал Тулепов.

— Он.

— Собирайтесь. Покажете, где ваш сын останавливал машину.

— Вам нужен Ден?

— Да, проколем ему талон, чтобы не пользовался чужой машиной.

Старик ушел в комнаты одеваться. Лейтенант, поджидая его, угрюмо разглядывал маленькую кухоньку. Посуда, плита, стены — все это было изведено временем, напоминало о ежедневных нелегких заботах семьи, потерявшей кормильца. Конечно, хозяину дома нужен был рис, чтобы кормиться. Но не в меньшей степени он нуждался и в участии, которое, несомненно, умел выказать ему этот Ден. Вот почему без страха старик отдавал автомашину, простаивавшую в полуоткрытом сарае.

Старик был мал ростом, к тому же с трудом передвигал искривленные ревматизмом ноги. Лейтенанту пришлось его почти поднять на заднее сиденье милицейского газика.

— Ориентир — гостиница, — сказал Тулепов шоферу. — И не торопись, пожалуйста.

От гостиницы расходились четыре улицы. В центре их пересечения оставлен был круг земли с прикопанными на зиму розами.

— Туда надо, — показал направление старик.

Ехали медленно. С правой стороны проспекта многие дома индивидуальной застройки были снесены. Бульдозеры навалили горы из битого кирпича, деревянных обломков, шифера и камыша. За этим строительным мусором железная арматура заливалась бетоном, вырисовывались уже фундаменты будущих многоэтажных зданий.

Областной центр менял свой облик.

— Эти деревья. Они очень шумели, когда я ждал сына. Был ветер. По дороге гулял песок, — произнес старик, показывая на два ряда огромных тополей.

Они росли по берегам небольшого канала. Тяжелые машины его сровняли. А там, где заложили фундамент здания, деревья выкорчевали.

Машина остановилась.

— Погибнут теперь они без воды, — с сожалением произнес старик, выбравшись из кабины.

Он как-то странно смотрел на кучу строительного мусора, который растаскивали самосвалы. Перевел испуганный взгляд на лейтенанта.

— Тут стоял его дом...— сказал прерывающимся от волнения голосом.

Он понял, наконец, как рисковал, отдавая машину в чужие руки.

8

В отделении милиции Тулепова ожидала вторая неприятность. Краткая характеристика на Толыбая Алдаханова, шофера сто восьмой автобазы, и сообщение о том, что неделю назад он уволился по собственному желанию.

Лейтенант позвонил в отдел кадров автобазы. Трубку подняла женщина..

— Скажите, когда Алдаханов подал заявление об увольнении?

— Хороший работник. Директор не хотел отпускать. Но он очень настаивал. Уволили по семейным обстоятельствам, в порядке исключения.

— Дайте мне его домашний адрес.

— Одну минуту... Найду дело.

Тулепов начал понимать, почему сбежал шофер. Что-то у них произошло с Бригадиром. Не сошлись в цене? А может, Алдаханов не захотел рисковать во второй раз? Пошел на преступление по недомыслию, соблазнился легкими деньгами. А когда подумал и все взвесил, времени у него на это было предостаточно, понял: слишком суровая кара ожидает его в случае провала.

— Алло?!. Вы меня слушаете, — раздался в трубке голос.

— Да-да. Диктуйте...

Тулепов поехал по полученному адресу. Жил Алдаханов на окраине города, на глухой Почтовой улице. Дом не пустовал. На вопросы лейтенанта отвечал брат жены уехавшего хозяина. Работал он раньше в райцентре, теперь переехал в город, взял участок под застройку.

— На три года меня пустил. Так и сказал: через три года вернусь обратно.

— Куда он уехал?

— А зачем Толыбай вам нужен? — родственник подозрительно прищурил глаза.

— Как свидетель по одному делу. Авария на дороге была. Он помог пострадавших в больницу доставить.

Не хотелось лейтенанту выставлять Алдаханова столь доб-

ропорядочным, а пришлось. А то ведь упрется родственник, не скажет. Или того хуже — направит по ложному следу.

— Завербовался дурак в Тургайскую область, где ни воды, ни деревьев. Я не отговаривал. Мне от его отъезда — прямая выгода. Боюсь только, что раньше обусловленного срока вернется.

— Возможно, — сказал Тулепов. — Так что будьте готовы к встрече.

...Центр Тургайской области встретил Тулепова снегом. Небольшой город, кроме того, насквозь продувался злым, холодным ветром.

В отделении милиции встретили его не особенно любезно. Переселенцев прибывало много, со всех концов страны. Народ разный. Поэтому работы хватает. Попробуй успей. А не откликнуться на все запросы нельзя.

Прикомандировали к лейтенанту старшину предпенсионного возраста. Немолодой, прихрамывает. «Наверное, фронтовик»,— подумал о нем Тулепов.

В областном управлении по переселению назвали местность, куда была направлена группа недавно прибывших.

— Километров восемьдесят,— сказал старшина.— Животноводческий комплекс там строится. На автобусе часа за два доедем. Если снежных заносов не будет.

На счастье, дорогу кое-как уже расчистили. Возможно, за ночь заметет вновь. Ветер буквально швырялся снегом, автобус захватывал буфером нележавшиеся сугробы, а по обочинам они поднимались до окон пассажирского салона.

В запиндевевшие стекла была видна ровная степь: без деревьев и без жилья.

— Неуютно у вас,— сказал старшине Тулепов.

— Мы привыкли.

— А пришлые не задерживаются?

— По-разному. Иные приживаются.

В конторе стройки Тулепову сказали, что жилья на всех не хватает, поэтому вновь прибывших размещают с семьями в вагончиках.

— Пойдемте. Я знаю,— сказал старшина.— Там целый городок на колесах. Есть даже улицы.

Он так и не спросил у следователя, зачем нужен ему этот Алдаханов. Это можно было расценить и как безразличие, и как деликатность. Поручили сопровождать лейтенанта, оказывать всяческое содействие — он и помогает. С другой стороны, поинтересуешься, нарвешься на подозрительное молчание, если дело особо серьезное и огласке не подлежит. Сло-

ном, старшина был угрюм, немногословен. И Тулепов смирился с тем, что в Тургайской области ему предстоит работать одному, без помощников.

Старшина вывел лейтенанта к вагончику, в котором разместился своеобразный ЖЭК со своими службами. Оттуда они пошли уже по точному адресу.

— Оружие держать наготове?— спросил, наконец, старшина. Этот вопрос надо было задать, чтобы не допустить оплошности при задержании.

— Думаю, все обойдется спокойно и мирно,— ответил Тулепов.

Он постучал в дверь. Открыла женщина.

— Вам кого?— удивленно произнесла она, рассматривая людей в милицейской форме.

— Вы жена Толыбая Алдаханова, шофера строительства?

— Входите.

В вагончике было жарко натоплено. Двое детей, мальчик и девочка, играли на полу в разноцветные кубики. Женщина поставила чайник на раскаленную чугунную печку.

— Когда возвратится с работы ваш муж?— раздеваясь, спросил лейтенант.

Старшина тоже снял шинель. И предположение, что его попутчик — фронтовик, подтвердили ряды орденских планок на кителе.

— Он редко опаздывает. Кругом чужие, незнакомые люди

Женщина посмотрела на старшину, как бы спрашивая у него, что это все значит. Фронтовик отвел глаза в сторону.

Хозяйка вагончика поняла, что главный здесь не он, а молодой человек с погонами, на которых поблескивали беленькие звездочки.

— Пожалуйста,— женщина предложила чай.— Я заварила покрепче. Вода у нас из колодца, солоноватая. Не такая, как там, откуда мы прибыли.

— Я тоже оттуда,— сказал Тулепов.

Женщина тотчас переменилась в лице. Оно у нее вытянулось, стало несимпатичным. Резче проступили черные широкие брови.

— Вот почему он заторопился с переездом,— произнесла, наконец, она.— Бросил дом, хорошую работу... Случилось что-то серьезное?

— Очень.

Жена Алдаханова бросилась к детям. Сгребла их в охапку, запричитала.

Старшина с укором посмотрел на Тулепова.

— Мне приказано увезти его с собой,— тихо сказал лейтенант.— Так что рано... или поздно...

Он приблизился к женщине, намереваясь ее успокоить. Но она, вскочив, визгливо закричала:

— Уходите!.. Убирайтесь вон из моего дома!

Лейтенант вернулся на свое место. Старшина угрюмо раскачивал на маленьком столике пустую пиалу. Молча они ждали, когда женщина успокоится.

Обстановка была напряженная. Надо бы мужчинам выйти на улицу. Но они не могли этого сделать. Алдаханов, подходя к дому и увидев милиционеров, мог с перепугу сбежать. Сколько уйдет тогда времени, чтобы снова его найти.

Через полчаса хозяйка вагончика притихла. Она так и осталась на [illegible] Дени, пригревшись около матери, уснули

— И чего [illegible] хватало,— сказал старшина.

— Кому? [illegible] по рукам некому было. Чтобы легкие деньги не липли.

— Зарабатывал наверное,— прилично.

— На большегрузных ездил. Вдвое против нашего.

Окошце заслонила чья-то тень. Но увидеть, что творится в вагончике, было невозможно. Его забросало снежком, который от внутреннего тепла, подтаивая, тут же превращался в рыхлый ледок.

— Старшина, к выходу! — скомандовал лейтенант.

Человек вошел уверенно, без стука. И сразу застыл. За ним клубился пар, по ногам ударила волна морозного воздуха.

Старшина затворил за Алдахановым дверь. Путь к отступлению, таким образом, ему был отрезан. Да и куда бежать! Догонят. Отпетых негодяев ловят. Ему же послабление может выйти — за чистосердечное признание и раскаяние.

— Жену с детьми с собой разрешите взять?— спросил шофер.— Пропадет она среди чужих людей.

— Доложу начальству,— уклонился от прямого ответа Туленов.— Впрочем, многое будет зависеть и от вашего поведения.

Алдаханов снял с себя куртку, подбитую овчиной. Подсел к столику.

— Где вы встречались с Деном?

— Не знаю такого.

— Вы хотели говорить правду.

— Да. Дена не знаю.

Алдаханов еще на что-то надеялся. Вдруг разговор пойдет не о краденом рисе.

— Хорошо. А Бригадира?

— Бригадир приходил.

— А вы у него бывали?
— Нет. Он всегда меня сам находил.
— Каким образом?
— Наверно, следил за мной.
— Когда вы виделись в последний раз?
Алдаханов, подумав, назвал число.
— Не сошлись в цене?
— Нет, я просто его испугался. Я боялся иметь с ним дело.
Тулепов посмотрел на жену, застывшую у железной печки, на детей, которые так и не проснулись, а лежали, подогнув голые ножки, на брошенном на пол одеяле:
— Трудную вы задали нам задачу.
Алдаханов понял лейтенанта.
— Не знаю, где живет Ден!— произнес он, вкладывая в это слово всю свою душу. И тут же с вновь проснувшейся надеждой спросил: — Вы что, его еще не поймали?..

9

Вернувшись к себе, Тулепов долго не решался зайти к полковнику для доклада. Он понимал, что без главного виновника, без организатора, если назвать его так, пресловутого Бригадира, суд над другими членами преступной группы не состоится. Следствие, таким образом, растянется на долгое время.

Когда же из приемной сообщили, что во второй половине дня у полковника состоится совещание, на которое приглашается довольно широкий круг сотрудников милиции, в том числе и он, Тулепов, лейтенант понял: от неприятного разговора не уйти. И чем раньше он состоится, тем будет лучше.

Полковник принял его незамедлительно. Расположившись поудобнее в кресле, приготовился слушать.

— Шофера, что возил рис от комбайна в заранее приготовленный тайник, я доставил. В совершенном преступлении он признался. Просит следствие учесть, что вину свою, хотя и поздно, но осознал.

— Это каким же образом?

— Он уклонился от вторичной просьбы Бригадира...

— Лучше называйте его своим именем,— перебил лейтенанта полковник.

— От предложения Дена помочь перепрятать рис.

— Потому и сбежал?

— Испугался. Ден мог его убрать, как очень опасного для себя свидетеля.

— Вряд ли. Сгущаете краски, лейтенант.

— Так заявил шофер Алдаханов.

— Нервы. У него просто не выдержали нервы. Если бы мы не обезвредили всю бригаду, к следующей уборке риса Ден ее снова собрал бы воедино.

— Возможно, товарищ полковник,— согласился Тулепов.— Куда проще идти протоптанной дорожкой.

Полковнику не понравилось, что подчиненный, подстраиваясь, так легко меняет свое мнение. «Виноватым себя чувствует. Оттого и подлаживается».

— Бригаду вы собрали,— усмехнувшись, сказал начальник горотдела милиции.— А где Бригадир? Упустили. Надо было у тайника его брать. Теперь он затаился. Не продумали операцию.

Это был просчет лейтенанта. Когда первая машина, загруженная рисом из тайника, ушла, оставленный для охраны постовой видел белую «Ниву». Она постояла у разборного мостика, развернулась и укатила. Человек, сидевший за рулем, из нее так и не вышел.

Тулепов покраснел.

— Еще раз опросите соучастников преступления. Может, наведут на людей, с которыми контактировал Ден. Выявите соседей по смежным домам. Займитесь ими. Вдруг окажется, что кто-то видел Дена на улице, в магазине, наконец, в ресторане. Не мог же он провалиться сквозь землю.

— Слушаюсь, товарищ полковник.

Лейтенант встал. Придвинул стул на прежнее место и замер, ожидая разрешения уйти.

— Ищите. Раскрыть преступление и вернуть государству украденное — половина дела, которому мы себя отдаем. Вторая же состоит в том, чтобы все причастные к преступлению оказались на скамье подсудимых.

* * *

В городе человека, проживающего под фамилией Ден, не оказалось. Соседи по снесенному дому, переселившиеся в микрорайон, его не помнили. Правда, кое-кто видел мужчину в черных очках. А вот жил ли он с ними рядом — этого с уверенностью не подтвердили.

Прошла уже неделя после разговора с полковником, а в расследовании лейтенант на шаг вперед не продвинулся. Полковник к себе его не вызывал.

Тулепов переживал неудачу. Стал вдруг просыпаться среди ночи. Старался не думать об исчезнувшем Бригадире, чтобы снова заснуть, но вскоре ловил себя на том, что опять, как бы видит этого человека, даже ставит себя на его место.

Денег у Бригадира, наверное, осталось немного. За осень он изрядно потратился. Пять тысяч пришлось выплатить Алханову, понял Махоркина. Расходы рассчитывал покрыть сразу, как пойдет в продажу краденый рис. А операция сорвалась. Кто мог предположить, что учитель, сосед перекупщицы Жиенбаевой, будет страдать бессонницей?

Кстати, Жиенбаева?.. Живет без мужа, детей надолго передает сестре. Может, ей надо, чтобы в доме никого не было? Не в любовной ли связи состоит она с Бригадиром?

Тулепов вспомнил, как женщина сидела перед ним за столиком. Полногрудая, пышущая здоровьем, она не походила на вдову, живущую воспоминаниями о супруге. Даже страх не мог стереть с ее лица печать сытости и довольства.

Прошел почти месяц с того времени, когда задержали грузовик с шалой. Жиенбаеву не арестовали, на допросы в последнее время не вызывали. Почему бы ей не считать, что милиция удовлетворилась тем, что государству возвращено украденное зерно? Почему тогда Дену и не рискнуть навестить вдовушку, обговорить с ней заодно и свои денежные дела?

Мысль эта все чаще тревожила Тулепова. Ворочаясь в постели, он был уверен, что его предположение не плод уставшего воображения. Днем, при свете солнца, все представлялось совершенно иначе. Поделиться своими предположениями с товарищами по работе лейтенант не решался. Как и каждый молодой человек, он страшился снисходительных улыбок людей, умудренных жизненным и служебным опытом.

Три дня оставалось до Нового года. Ждали на праздник снега, а пошел дождь. Притом теплый, занесенный ветром с каких-то южных широт. Тулепов, не входя в свою квартиру, стряхнул перед дверью намокшую шапку-ушанку.

Жена впустила его, подала шлепанцы, чтобы не наследил в коридорчике. Сняв шинель, потер озябшие руки и прошел в комнату. В углу матово светился экран телевизора.

Едва он присел к столу, как жена подала ему в касс наваристого супа. Сверху плавали разломленный стручок пер ца и желтая морковь. Пленка жира не давала супу остыть. Чтобы не обжечься, нужна деревянная ложка. В семье они были. Вроде не современно, а осталась привычка с детства, и трудно теперь отвыкнуть.

«Что может быть приятней в такую погоду, чем ужин и спокойный отдых в теплой комнате»,— подумал Тулепов.

И тут же пришла неотвязная мысль о Бригадире. Его еще больше тянет к теплу, к привычной обстановке, так как он понимает, что все, вероятно, потерял, и надолго.

Тулепов заторопился, обжег губы. Жена засмеялась: нетерпелив, словно ребенок.

«Он там, он у нее. Если не возьму его сегодня, Бригадир покинет город».

— Кумрай, мне надо отлучиться,— сказал Тулепов, подымаясь.

Он вынул из кобуры пистолет, переложил в карман.

— Ты должен сказать, куда направляешься,— испуганно спросила жена.— Где тебя искать, если...

— Пожалуйста, успокойся. Я скоро вернусь.

Что-то, прозвучавшее в голосе жены заставило лейтенанта остановиться. Взгляд его задержался на отрывном календаре, что висел на стене у двери. На картинке, к которой он был прикреплен, изображен летний лес. Тулепов сразу вспомнил о дожде и расквашенной земле под ногами.

Вынув ручку, [illegible] написал на листке адрес, сказал:

— На всякий случай.

Лейтенант давно приметил, что в канун праздников движение на автомагистралях уменьшалось. А тут еще мелкий дождик: сечет и сечет. Вскоре ему все-таки удалось остановить «Москвича». Человек, сидевший за рулем, с неохотой, но согласился подвезти Тулепова. Представитель власти — куда денешься.

Сошел лейтенант на центральной улице. К дому Жиенбаевой решил подойти незаметно, держась тротуара. Шагов через двадцать встретился «Жигуленок», сиротливо мокнувший под дождем. Лейтенант больше по привычке, чем осознанно, подсветил фонариком номерной знак, записал его себе в блокнотик.

«Машину-то угнать могут,— подумал он, так как свет в окнах дома, около которого она была оставлена, уже не горел.— Спать легли хозяева».

У Жиенбаевой тоже не было света. Тулепов перешел на противоположную сторону улицы, чтобы через забор видеть крыльцо. Но это ему не удалось.

Лейтенант уже решил уйти, как вдруг осветилось одно из окон. «Спальная комната»,— прикинул Тулепов, так как хорошо помнил, что в столовой было два окна.

Ему нужно обязательно заглянуть туда, удостовериться, что Бригадира в комнате нет.

Тулепов вернулся к калитке. Нажал на плотную деревянную дверцу, в которой была прорезана щель для газет и писем. Калитка не поддалась. Пошатав ее, Тулепов определил, что изнутри она заперта на засов.

Отошел к дереву. Это был карагач, от толстого ствола

которого, обрубленного сверху, веером расходились отросшие за лето ветви-прутья. Лейтенант легко выломал себе палочку. Просунув ее в щель для почты, попытался нащупать засов.

Минуты три осторожных усилий, и калитка открылась. Скрипнули несмазанные петли.

Всего шаг сделал Тулепов по дорожке, как что-то заставило его оглянуться. Он сразу различил прижавшегося к воротам человека. Небольшое углубление не смогло его укрыть полностью.

Лейтенант не успел нажать на кнопку электрического фонарика, он только увидел, что неизвестный выдвинулся, поднял руку... Боль туманом застлала глаза. Чернота и необыкновенная легкость в теле — это отметило сознание, прежде чем угаснуть совсем.

10

Где-то он уже видел это окно. Широкое, в три огромных застекленных створки. Третья, правда, была поменьше: ее разгораживала форточка. Вот окно опять расплылось в бесформенное пятно. Тулепов напряг внимание. И ближе, загораживая свет, всплыло лицо в белом поварском колпаке.

— Расслабьтесь. Лежите спокойно,— сказал человек.

И Тулепов все вспомнил. Больница! Чем тогда ударил его бандит? И окно показалось знакомым оттого, что он уже раньше, наверное, приходил в сознание. Час назад, возможно, вчера. Сколько же прошло времени с той дождливой ночи?

К вечеру он услышал за дверью голос жены. Она кого-то упрашивала, чтобы пропустили в палату.

— Сегодня нельзя, завтра я разрешу свидание,— уверенно отвечал жене мужской голос. Тулепов вспомнил человека в поварском колпаке и понял, что это, должно быть, его голос.— Да, ему лучше. Конечно! Кризис миновал, но разговор с вами его утомит и взволнует.

Ночью лейтенант часто просыпался. И опять видел тот же освещенный квадрат. На улице рядом с окном горела неоновая лампа, которая то ярко вспыхивала, то почти угасала. Как морзянка. Точка и два тире. Иногда Тулепов насчитывал три тире.

На следующее утро он почувствовал себя действительно окрепшим. Утром медицинская сестра покормила его с ложечки. Никогда, кажется, он не ел такой вкусной каши-размазни. Появился врач. Взял руку, проверил пульс и весело подмигнул, как старому знакомому.

После опять за дверью раздался голос жены. «Настойчивая»,— с удовольствием подумал Тулепов.

Наконец, дверь отворилась. Тулепов увидел перепуганное лицо. Кумрай бросилась к его постели. Белый халат, накинутый на ее плечи, свалился на пол.

Медсестра подняла его, накинула ей на плечи, осторожно вышла из палаты.

Жена беззвучно плакала, уткнувшись Тулепову в грудь. Он дотронулся рукой до ее волос на затылке, погладил. Хотел успокоить, а получилось наоборот: всхлипывания стали слышны на всю палату.

Тулепов молчал, экономя силы.

Жена подняла мокрое от слез лицо, горячо зашептала:

— Ты уйдешь из милиции! Я всегда за тебя боялась. И была права. Первое крупное дело, и ты едва вернулся оттуда... А у нас сын. Ему отец нужен. Пойми!

— Виноват только я. Один,— сказал лейтенант.

— Нет-нет. Ты согласишься со мной. Работы много, очень много! Найдется и для тебя.

— Хорошо, я подумаю.

— Правда?! — воскликнула Кумрай радостно.

Она вытерла ладошками мокрые щеки. А под глазами остались темные потеки от краски с ресниц. Но это ее не портило. Тулепов смотрел на жену с прихлынувшей к сердцу нежностью.

— Давно я здесь?— тихо спросил он.

— Ага. Больше недели.

— Как меня нашли?

— Я позвонила дежурному. Ждала долго. Спать не ложилась. А потом тревога ко мне подобралась — места не находила. Оторвала листок календаря. Было уже за полночь. Сутки новые наступили. Позвонила дежурному.

— Умница.

Тулепов с трудом поднял руку, захотелось вновь дотронуться до жены. Движение это стоило ему заметных усилий, на лбу выступила испарина. Кумрай предупредила движение мужа: зажав его руку, осторожно вернула на одеяло.

Лейтенант слабо улыбнулся, прикрыл глаза.

II

Полковник появился на другой день. Он, как и жена, не пришел с пустыми руками. Два бумажных пакета лежали на его широкой ладони. Чтобы содержимое не рассыпалось, Жолдасбай Утаров придерживал их сверху.

Белый халат был полковнику не по росту. Он совершенно не закрывал его грудь, сполз с плеча так, что был виден погон с тремя крупными звездочками. Голова у начальника горотдела милиции совершенно седая.

Медицинская сестра внесла за полковником цветы — красные и белые гвоздики. Поставила их на тумбочку, успела перенести к кровати стул и принять из рук Утарова пакеты.

— Ну и напугал ты нас, лейтенант, — сказал полковник, ласково сжимая Тулепову пальцы. — Лежи, не шевелись...

Полковник предупредил попытку лейтенанта приподняться.

— Если бы не шапка, все могло кончиться значительно хуже... Сколько я вам, молодым, говорю: не следует идти на встречу с преступником в одиночку. У нас людей достаточно. Надо было позвонить, чтобы подстраховали. Спасибо жене твоей надо сказать. Она у тебя настоящий товарищ.

— Не думал я с ним встретиться. Было у меня только предчувствие. Интуиция!

— В нашей работе она часто и предопределяет успех. Войти в роль, поставить себя на место преступника — большое это искусство.

Лейтенант похвалы не принял.

— Почему же меня не подобрала преступница? Она должна была выйти вслед за Бригадиром, чтобы закрыть на засов калитку?

— Тогда ей пришлось бы признаться, что к ней приходил этот Бригадир. Иными словами, выдать его.

Лейтенант потрогал повязку на голове. Рана саднила. Полковник понял его, произнес:

— Я сейчас уйду. Ты не торопись выписываться. Лежи до полной поправки.

— Почему?

— А-а... Ты еще не знаешь. Бригадира мы взяли.

— Дена?!

— Да никакой он не Ден. Вымышленная фамилия.

— Вот молодцы,— произнес с облегчением лейтенант.

Полковник рассмеялся.

— Мы выполнили техническую часть твоей работы. Но быстро выполнили. Опоздай на час — укатил бы он в неизвестном направлении. Деньгами его Жиенбаева снабдила. Не догадался преступник тебя обыскать. Изъять тот блокнот, где был записан номер его машины. Торопился.

— Значит, «Жигули», оставленные в начале улицы, принадлежали ему?— спросил лейтенант.

— Да. Машина, купленная на собственное имя в прошлом году. Признался он во всем. Кроме, конечно, нападения у калитки. Предполагает, что убил тебя... Удар нанес, очевидно, толстым куском железной арматуры. Вроде и не оружие, а штучка вредная...

Невольно полковник напомнил Тулепову о ране на голове. Лейтенант снова поморщился.

В палату вошел врач. Он застыл у дверей, не решаясь прервать беседу и в то же время давая понять, что больного пора бы оставить в покое.

— Все. У нас все,— сказал ему полковник, поднимаясь. И лейтенанту: — Не торопись выписываться. Это мой приказ.

12

Только через три недели Тулепов вышел из больницы. По повязку с него не сняли и на работу выходить запретили.

Внимание жены, ее забота сил его окружила, вначале приятное, теперь стало его раздражать.

А Кумрай никак не могла понять, чем угнетен ее муж. И настойчиво продолжала свою женскую линию.

— Ну, скажи им, что память теряешь,— подсказывала она.— Пусть непригодным к службе признают. Устроишься куда-нибудь в отдел кадров... У строителей, говорят, хорошая зарплата.

Тулепов отмалчивался. Иногда он думал так же, как и жена. Но настроение это проходило, и тогда неудержимая сила опять влекла его на работу. Хотелось вновь всецело утонуть в суматохе повседневных забот, ночных вызовов, срочных командировок.

Неожиданно позвонил полковник. Справился о здоровье.

— А знаешь,— вдруг произнес он веселым голосом,— завтра начнут судить всю бригаду. Тебе это, наверное, интересно будет послушать.

— Конечно. Спасибо,— отозвался лейтенант.

— Нет-нет. Спасибо надо сказать тебе. И мы это скоро сделаем. Публично. Выздоравливай.

Весь день Тулепова не покидало хорошее настроение. Похвала полковника окрыляла. Приятно было и то, что дело, которым он занимался, успешно доведено до конца. Преступники понесут наказание.

Жена заметила эту перемену. Но истолковала ее по-своему.

— Упросил врачей закрыть бюллетень? — спросила с тревогой.

— Понимаешь, преступников судят!

— Что удивительного? И ничего радостного.

— Конечно. Но это мои преступники.

У Кумрай от удивления вытянулось лицо.

— Извини, не так сказал. Судить будут людей, которых я вывел на чистую воду.

— Успокойся. Суд решит так, как и положено по закону.

— Не сомневаюсь. И все же интересно побывать на процессе.

— Тебе нельзя. Ты болен.

— Понимаю.

Кумрай, решив, что разговор на эту тему окончен, вышла в другую комнату.

Затем наступил вечер. За ужином Тулепов неожиданно предложил Кумрай:

— Может, ты сходишь?

— Куда?

Кумрай сперва не поняла, о чем просит ее муж. Когда догадалась, ответила:

— Если тебе этого хочется. — В глазах жены стояли слезы. — Опять вернешься в милицию?

На следующий день Кумрай ушла в суд. К обеденному перерыву она дома не появилась. До суда было не близко, и Тулепов подумал, что жена не захотела опаздывать на процесс. Значит, заинтересовалась. Он снова занялся малышом. Накормил сына манной кашей, которую жена сварила еще утром. Поводил, держа за руки, по полу. Сын едва начал ходить, и слабые ножки у него подгибались.

Когда же мальчику все это надоело и он захныкал, соскучившись по матери, отец потуже запеленал его и принялся раскачивать, напевая на манер колыбельной какой-то мары.

Кумрай вернулась только с наступлением темноты. Кинулась к ребенку, принялась его целовать — лоб, щеки, в ладони крохотных рук. Она была оживлена, поглядывала на мужа так, словно видела его впервые.

— Меру пресечения одобряешь? — сказал он.

— Еще как! — отозвалась Кумрай. — Эта перекупщица... Она сама не продавала, у нее, оказывается, были подобраны люди, которыми еще и помыкала.

— Масштаб.

— А тот, который бригадиром себя назвал? Подлец! Сколь-ких людей на воровство подбил.

— У каждого своя голова. И надо было хорошенько по-думать, прежде чем лезть в преступную шайку.

— Возможно, ты прав, а мне жаль Махоркина. Когда осужденных уводили, Алдаханову разрешили попрощаться с женой. Я стояла совсем близко и слышала, как он ей шеп-нул: «Дождешься меня, всю жизнь на руках носить буду. Запомни!» Не выдержала я, расплакалась.

Туленов отошел от жены, задумался. Что же надо пред-принять, чтобы человек вовремя мог остановиться и не пере-ступать ту черту, которая затем навсегда отделит его от честных людей?

Готовых решений на все случаи жизни, к сожалению, не было. А хотелось, чтобы они существо-вали.

СОДЕРЖАНИЕ

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ЖИЗНЬ 5
СЛУЖЕБНОЕ ПОРУЧЕНИЕ 98

Юрий Александрович Леонтичев

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ЖИЗНЬ

Повести

Рецензент В. Боксер
Редактор А. Липкина
Художник М. Карпузас
Художественный редактор А. Кива
Технический редактор С. Кадырова
Корректор Л. Бейгул

ИБ № 2688

Сдано в набор 11.01.84. Подписано в печать 28.06.84. Р 01726. Формат 60×84 1/16. Бумага типографская № 3. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 8.37. Усл. кр.-оттисков 8,83. Уч.-изд. л. 8.88. Тираж 30 000. Заказ № 1721/6. Цена 55 к.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Набрано и отматрицировано в типографии издательства «Таврида» Крымского обкома КП Украины, г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44.

Г.П.ТППО «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ташкент — 700129, ул. Навои, 30.

Леонтичев, Юрий.
Так начиналась жизнь: [Повести]. — Т.: Изд-во лит. и искусства, 1984. — 144 с.

Повесть «Так начиналась жизнь» несколько необычна по тематике для Ю. Леонтичева: она переносит нас к периоду становления колхозов в Каракалпакии. Автор сумел найти свой подход к теме, создав запоминающиеся образы — батрака Батыра, ставшего первым председателем колхоза, его жены, сельских кулаков. Повесть «Служебное поручение» — приключенческая, рассказывает о работе органов милиции по обезвреживанию шайки расхитителей колхозного добра.

Р2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
им. ГАФУРА ГУЛЯМА
продолжает серию
«Библиотека узбекской советской прозы».

В 1984 году
читатели получат следующие романы:

А. КАДЫРИ — «Минувшие дни»
Х. НУГМАН, А. ШАРАХМЕДОВ — «ОТЕЦ»

Готовятся к печати:

П. КАДЫРОВ	**«Бабур»**
МИРМУХСИН	**«Чаткальский тигр»**
А. ЯКУБОВ	**«Совесть»**
К. ЯШЕН	**«Хамза»**

55к.